

**Общество.
Коммуникация.
Образование**

Том 11, № 2, 2020

Сетевая коммуникация

ОБЩЕСТВО. КОММУНИКАЦИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор — *Чернявская В.Е.*, д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия.

Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. РАО, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Бернер Э., д-р филос. наук, профессор, Потсдамский университет, Германия;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;

Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Турция;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Россия;

Кулик С.В., д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Куссе Х., д-р филол. наук, профессор, Технический университет Дрездена, Германия;

Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Микиртумов И.Б., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Миронов В.В., д-р филос. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия;

Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Попова Н.В., д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Свердлов М.Б., д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия;

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Россия;

Халяпина Л.П., д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Шпицмюллер Ю., д-р филол. наук, профессор, Венский университет, Австрия;

Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года журнал выпускался в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354), в 2012 году он был зарегистрирован как самостоятельное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Тематические разделы издания соответствуют отраслям науки согласно Номенклатуре специальностей научных работников, по которым присуждаются ученые степени: 07.00.00 — Исторические науки и археология, 09.00.00 — Философские науки, 13.00.00 — Педагогические науки.

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции: (812) 552-62-16.

**Society.
Communication.
Education**

Vol. 11, No. 2, 2020

**Special Issue
on Digital Communication**

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2020

SOCIETY. COMMUNICATION. EDUCATION

EDITORIAL BOARD

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation – editor-in-chief.

Nadezhda I. Almazova, Dr.Sc. (ped.), prof., corresponding member of the RAE, Peter the Great St. Petersburg, Polytechnic University, Russian Federation;

Elizabeth Berner, Dr.Sc. (philos.), prof., University of Potsdam, Germany;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Sergey V. Kulik, Dr.Sc. (history), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Holger Kuße, Dr.Sc. (philol.), prof., Technical University of Dresden, Germany;

Boris V. Markov, Dr.Sc. (philos.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Ivan B. Mikirtumov, (philos.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Vladimir V. Mironov, Dr.Sc. (philos.), prof., Lomonosov Moscow State University, Russian Federation;

Sergey N. Pogodin, Dr.Sc. (history), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Nina V. Popova, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Mikhail B. Sverdlov, Dr.Sc. (history), prof., St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Lyudmila P. Khalyapina, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Olga D. Shipunova, Dr.Sc. (philos.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Jürgen Spitzmüller, Dr.Sc. (philol.), prof., University of Vienna, Austria;

Aleksandra F. Yakovleva, Ph.D. (political), assoc. prof., Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of Ph.D theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

This journal has been published as a part of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal serial publication since 2010. It is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) in 2012. Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

The journal is divided into thematic sections that correspond to the fields of study in which postgraduates gain science degrees. The nomenclature of scientific specialties: 07.00.00 — historical sciences and archeology, 09.00.00 — Philosophical sciences, 13.00.00 — Pedagogical sciences.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>). No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2020

Содержание

Тематический выпуск «Сетевая коммуникация»

От редактора

Чернявская В.Е. *Модусы сетевого пространства: вводные замечания* 7

Сетевое пространство: новые ресурсы и жанровые формы

Тулчинский Г.Л. *Публичный дискурс в условиях коронавирусной пандемии: возвращение парресии* 14

Аникин Д.А., Линченко А.А. *Памятные даты в символическом пространстве современной России: государственные стратегии и культурные практики* 30

Голокова М.С. *Семантические интерпретации сочетания «чистый спорт» в контексте допинговых скандалов в СМИ* 44

Hoffmannova J. *Лингвистические аспекты спортивного дискурса в чешском медиапространстве: методология анализа спортивных онлайн-репортажей* 55

Купрещенко О.Ф. *Учебный лонгрид как мультимодальный текст: к вопросу о специфике жанра* 69

Басовская Е.Н. *Интернет-отзывы о питании: речевое воплощение современного российского «потребительского канона»* 78

Сетевое пространство: продвижение научного и образовательного продукта

Шестакова Л.Л., Яковлева А.Ф. *Из опыта реализации междисциплинарного лингвистического проекта и сетевого продвижения его научных результатов* 87

Татаурова Е.М., Глумова Е.П., Хэнсон В. *Иноязычный коммуникативный тренинг регионального содержания в подготовке студентов направления «Прикладная информатика» к международным академическим обменам* 95

Беляева Л.Н., Камшилова О.Н. *Сетевое пространство и научный стиль: терминологические неологизмы* 108

Хуыз И.П. *Специфика конструирования дискурса научно-исследовательской статьи: диахронный аспект* 117

Лазар М.Г. *«Сеть науки» и последствия плагиата в российской постакадемической науке* 127

Contents

Special Issue on Digital Communication

Editorial

Chernyavskaya V.E. *Notes on digital communication modi* 7

Digital Communication Across Genres and Communicative Practices

Tulchinsky G.L. *Public discourse in the context of the coronavirus pandemic: the parrhesia return* 14

Anikin D.A., Linchenko A.A. *Commemorative events in the symbolic space of modern Russia: state strategies and cultural practices* 30

Golokova M.S. *Semantic interpretations of the word-combination “clean sport” in the context of doping scandals in the media* 44

Hoffmannova J. *Linguistic aspects and methodology of analysis of Czech on-line sports reporting (as a hybrid genre)* 55

Kupreshchenko O.F. *Educational digital longform article as a multimodal text: on the issue of the genre specifics* 69

Basovskaya E.N. *Online feedback about the food: manifestation in speech of modern Russian “consumer canon”* 78

Digital Communication: Promoting of Scientific and Educational Issues

Shestakova L.L., Yakovleva A.F. *From experience in implementing an interdisciplinary linguistic project and network promotion of it’s scientific results* 87

Tataurova E.M., Glumova E.P., Hanson V. *Regional content foreign language communicative training as a mean of preparation of “Applied informatics” programme students for international academic exchange* 95

Beliaeva L.N., Kamshilova O.N. *Network space and academic style: terminological neologisms* 108

Khoutyz I.P. *Specifics of research article construction: a diachronic study* 117

Lazar M.G. *“Web of knowledge” and the consequences of plagiarism in Russian post-academic science* 127

DOI: 10.18721/JHSS.11201
УДК 81"33

МОДУСЫ СЕТЕВОГО ПРОСТРАНСТВА: ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В.Е. Чернявская

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Отправной точкой предлагаемых рассуждений является представление о канале или формате как одним из существенных параметров коммуникации. Сетевой формат понимается не только как канал передачи смыслов, но и как среда и способ выражения и восприятия смыслов. В рамках публикации формулируются несколько ключевых тезисов, которые представляют основания для анализа и теоретического осмысления в современном социальном и гуманитарном знании. Для анализа коммуникации в сетевом пространстве значима включенность в коллективную практику и в коллективное знание; новое представление о границах общего и индивидуального; новые знания о том, как складывается и поддерживается идентичность – личная, индивидуальная и социальная, групповая. Идентичность в сетевом пространстве перестает быть задаваемой и целенаправленно формируется под «готовые» формы идентичности, предлагаемые в том числе в интернет-среде. Сеть предоставляет новые возможности для реализации и дальнейшего теоретического осмысления мультимодальности как взаимодействия разных коммуникативных каналов. Основное заключение делается относительно того, что исследование сетевой (интернет) среды должно быть соотнесено не только с технико-ориентированными стандартами и технологическими возможностями, но и с социальным контекстом. Содержание понятия «сетевая коммуникация» несводимо к вопросу о техническом доступе и навыках обращения с цифровыми технологиями. Следует исходить из того, что технологическая составляющая встроена в социальные структуры и выражает социально значимые отношения.

Ключевые слова: сетевая коммуникация, коллективное знание, интертекст, идентичность, мультимодальность.

Ссылка при цитировании: Чернявская В.Е. Модусы сетевого пространства: вводные замечания // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 7–13. DOI: 10.18721/JHSS.11201

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

NOTES ON DIGITAL COMMUNICATION MODI

V.E. Chernyavskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

The present paper draws a sketch of modern understanding of communication in internet/digital space. The point of departure is the assumption about the communicative channel or the medium used as one of the crucial constituents of meaning making process in communication. Based on this assumption, the paper follows the main trajectories and research trends in looking at modi of production and circulating of texts and meanings in digital space. It shows that there are several foci in analyzing the network communication – that on shared knowledge and social practices of sharing knowledge and values within and across internet space; on new approaches to identity construction in new media; on wider range of semiotic resources for constructing and translating identities and meanings. The network communication gives also a special perspective on multimodality as the co-presence of various semiotic

modes in a given text/message. It provides multimodality as a technique and a competence which guarantees communication intelligibility. In conclusion, it is stressed that the view to internet (digital) communication is not to be restricted to its technical standards and technical breakthroughs but suggests a more general reflection of its social framework. There is no 'digital economics' or 'digital education' as offline, stand-alone projects, they have socially embedded and socially sensitive dimensions.

Keywords: digital communication, shared knowledge, intertext, identity, multimodality.

Citation: V.E. Chernyavskaya, Notes on digital communication modi, Society. Communication. Education, 11 (2) (2020) 7–13. DOI: 10.18721/JHSS.11201

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

«Коммуникация в сетевом пространстве» – название международного научного форума, организованного в 2020 году в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого¹. Цель форума – обмен опытом, идеями и результатами междисциплинарных исследований, позволяющих осмыслить новые форматы и новые практики, складывающиеся в сетевой среде, а также новые вызовы в связи с возможностями управления коммуникацией и конструирования смыслов, с многообразием технологий управления и воздействия, возрастающей визуализацией в повседневных, политических и образовательных практиках. Предлагаемый вниманию читателя тематический выпуск журнала «Сетевая коммуникация» представляет результаты ряда исследований, подготовленных в рамках форума.

Основные направления анализа и исследовательские вопросы

Вынесенное в название слово 'модус' характеризует переменные свойства предмета, т. е. при- сущие ему в определенных состояниях и дополняющие постоянные, обязательные качества. В таком понимании модусы сетевой коммуникации означают приращение, приобретаемое комму- никацией в определенной системе координат.

Осмысляя основные направления анализа и исследовательские вопросы, можно сформули- ровать ряд ключевых тезисов, которые становятся отправной точкой для теоретических выво- дов и прикладных наблюдений в этом направлении.

Для анализа функций коммуникации, или точнее, речевой коммуникации основополагающее значение имеет классическая модель Р. Якобсона. В соответствии с ней, есть основные факторы, действующие в каждом коммуникативном действии. Адресант направляет сообщение адресату. Сообщение имеет контекст, на который оно указывает, канал связи, т. е. материальный формат связи, обеспечивающий коммуникацию между адресантом и адресатом, код, вербальный или не- вербальный, полностью или частично разделяемый адресантом и адресатом [1].

Что меняется в такой модели коммуникации и ее функциях в сетевом формате?

Сегодня существенное значение и воздействующий потенциал связывается с формальной ор- ганизацией сообщения/текстов. Фокус внимания переведен к форме. «Новая форма ломится в двери суждения и восприятия», – сформулировал в 1964 году Г.М. Маклюэн [2, с. 74], и эти сло- ва стали лейтмотивом для последующих исследований коммуникации, языка, сознания, куль- туры. Основные универсальные категоризации XX века: человек мыслящий, говорящий, соци- альный, психологический, созидающий (Homo sapiens, Homo loquens, Homo sociologicus, Homo psychologicus, Homo faber) дополнились еще одной: Homo ludens – «человек играющий» [3, с. 5]. Игра с формой, использование широких возможностей коммуникативного формата стали допол- нительным инструментом выделения сообщения в едином информационном пространстве. Ком-

¹ Запланированные первоначально на апрель 2020 г., основные мероприятия форума перенесены на осень 2020 в связи с мерами по нераспространению коронавирусной инфекции COVID-19.

муникативный формат – это один из параметров коммуникативной ситуации, который обуславливает особый модус восприятия сообщения. В изданной более 50 лет назад книге М. Маклюэна «Understanding Media» значим подзаголовок: «Extensions of Man», т. е. «Внешние расширения человека». Новые форматы коммуникации создают «расширение» человека вовне и технологическую экспансию. Гиперпространство, пространство Интернета задает иные возможности реализации антропоцентризма: все большую селективную деятельность человека в конструировании и восприятии смыслов [4, 5]. Новые форматы породили особого рода социальное расслоение: есть так называемые «пролетарии», получающие готовую информацию из массмедиа, и «элита», управляющая информацией. Или как это образно сформулировал немецкий социолог Н. Больц, люди поделились на тех, кого показывают по телевизору, и тех, кто смотрит телевизор².

Появление в 1990-е гг. Интернета и, главное, Всемирной паутины (World Wide Web) кардинально изменило наши представления о доступе к информации, о возможностях поиска и новых инструментах распространения информации.

Отправные точки, принимаемые как основополагающие в обсуждаемом вопросе, определяются так.

1. Сетевое пространство означает включенность в коллективную практику и в коллективное знание. Понятие общего знания (shared knowledge) может быть развернуто как совместное знание, используемое совместно знание, коллективное знание, обмен знаниями. В таком смысле общее/коллективное знание противостоит индивидуальному знанию (personal knowledge). См., напр., обзор в [6]. Понятие коллективного, общего знания, разделяемого участниками социальной практики в общем культурно-языковом пространстве, выдвигается в центр обсуждения именно в связи с расширением пространства Сети. Само понятие *коллективное знание* переосмысливается и наполняется новыми связями. В наиболее общем приближении, коллективное знание – это знание, разделяемое группой индивидов, складывается в точке пересечения индивидуального знания многих субъектов. В соответствии с такой категоризацией коллективное знание порождается общим опытом, в том числе социокультурным и языковым (это общее декларативное знание, «знаю, что»), и деятельностью по обмену и распространению знаниями (общее процедурное знание, «знаю, как»). В деятельность по обмену знаниями включены как формализованные и институционально закрепленные формы производства знания, научных школ, образования, обучения, так и неформальные связи внутри социальных практик. Коллективное знание рассматривается также как комплементарное, возникающее и распространяемое в коллективах и социальных группах как результат разделения труда и специализации. Это не механическая сумма того, что знают и умеют отдельные личности, но комплексное приращение. Наконец, коллективное знание выражается и становится видимым в артефактах, созданных сообща в социуме, в его отдельных группах. Это тексты, базы данных, технологии, равно как и типизированные операции и организационные принципы деятельности [7, 8].

2. Сетевая среда заставляет нас переосмысливать многое из того, что сложилось в наших представлениях об общем и индивидуальном, о том, как формируются и поддерживаются границы общего и индивидуального знания. Сетевая среда вообще сделала очень неустойчивой, подвижной границу между личным, индивидуальным и общественным, публичным. В наиболее общем представлении это может быть выражено так: «я думаю, что делаю персональное высказывание в «моем пространстве» социальной сети, давая оценки, размещая личные фото», но это действует и воспринимается как публичное высказывание и, значит, попадает в общественное пространство права, этики, сложившихся норм, ценностей и т. д. Неверная оценка или искушение свободой сетевого пространства способны порождать конфликты и неверную интерпретацию.

Особую сфокусированность это получило в научной коммуникации. Электронные издания сделали переворот в распространении научных идей и результатов. Так, в научном дискурсе кол-

² Больц Н. Азбука медиа. Пер. с нем. М.: Европа, 2011.

лективное знание обсуждается в связи с доказательностью знания, с методами извлечения информации и знаний и приемами верификации получаемой информации, с вопросами экспертизы, т. е. определения профанного, специального и экспертного знания. Сетевое пространство особым образом заостряет проблему авторства в науке и осложняет отношение к чужому результату. Сетевая среда позволила по-новому взглянуть на проблему «коммунизма» в социальном институте науки, как это назвал в свое время Р. Мертон. В науке можно зафиксировать «свой» приоритет и результат, только если он принимается в общий дискурс научного знания. Теория, концепция, решение задачи признается после того, как субъект научной деятельности, получивший этот результат, представит его сообществу конвенциональным образом. Только когда исследователь опубликовал свой результат как можно более заметно, в наиболее известных и широко представленных изданиях/конференциях, этот результат признается, как принадлежащий ему лично.

Одновременно с этим коллективное признание личного вклада приводит к тому, что Р. Мертон называл «трагедией общности». Полученный личный результат включается в научный оборот, неоднократно транслируется, при этом чужое начинает восприниматься как свое. С одной стороны, современные технологии позволяют защищать и фиксировать авторский результат, как принадлежащий конкретному исследователю, выявлять и применять санкции к повторным публикациям и дублированию результата. С другой стороны, становится ясно, что именно сетевая среда сделала видимыми различные проявления плагиата, некорректного заимствования.

Исследования последних десятилетий показывают, что плагиат стал медиально-обусловленным явлением. Сетевой способ передачи информации и технологизация коммуникативного процесса все больше сглаживают восприятие границы между своим и чужим. Современные средства массовой информации растворяют границы текста как материального носителя информации. Сетевое пространство как гиперпространство способствует тому, что может быть названо анонимностью текста: текст воспринимается как псевдообщий, «ничей», принадлежащий всем и каждому в виртуальной среде. Воспоминания об источнике информации становятся нечеткими, зыбкими. Одновременно снижается порог торможения, препятствующий присвоению существующего в научном обороте, без указания на источник авторства. Кажущееся растворение авторства в Интернете обуславливает своего рода растворение категории Copyright [9–11]. Авторское право нуждается в дополнительной поддержке, обеспечиваемой теми же технологиями.

3. Сетевая среда поменяла представления о том, как складывается и поддерживается идентичность – личная, индивидуальная и социальная, групповая. Идентичность понимается как набор качеств и параметров, определяющих сущность субъекта (-ов) как «интроспективное» осознание «себя», так и как проекция определенного имиджа в окружающий мир. Идентичность – комплексное и многомерное понятие, основными релевантными характеристиками которого следует считать меру активности субъекта, группы в определении своей идентичности, идентификацию с социальными ролями и/или социальными группами/категориями и/или социальными практиками, и высокую значимость семиотических ресурсов для конструирования/выражения идентичности.

Сетевое пространство создает возможности для того, чтобы широко транслировать информацию о некоторой социальной типизации и формах идентичности, и социальных ролях. Примером такой типизации могут быть относительно устойчивые и традиционные категории идентичности, например, гендер, социальный класс, и любые другие группы или категории, с которыми идентифицируется индивид. Появились новые способы формирования идентичности. Идентичность перестает быть задаваемой и становится целенаправленно формируемой или стилизуемой под «готовые» формы

4. Значимым ракурсом и прикладной точкой анализа коммуникации в сетевом пространстве является внимание к семиотическим ресурсам и их возможностям конструирования идентичностей и смыслов. Как именно, какие средства, сигналы, социальные индексы показывают мою

принадлежность к социуму в его определенный временной и исторический период; какое знание — о каких фактах, процессах работает как прецедентный текст, или интертекст; знания о каких социокультурных нормах и антинормах, ценностях и антиценностях работают как общие для меня и других, объединяя нас как участников той или иной социальной практики; какие знаковые коды сигнализируют об общем («доброго времени суток» для своих в пространстве Интернета), а какие маркируют разделительную линию «свой — чужой» в социокультурных практиках (такowymi являются сегодня, например, грамматические формы «на/в Украине», употребление которых имеет идеологическую нагрузку) выходит на первый план в своих объяснительных возможностях.

5. К электронным технологиям, порожденным сетью, с 1990-х гг. добавилось новое измерение: возможность работать с информацией в мультимодальном формате в сочетании вербального, визуального и аудиального модуса. Благодаря развитию новых форматов и электронной среды, того, что сегодня называется *дигитальная культура*, возросла значимость визуального модуса коммуникации. Это привело к осознанию мультимодальной природы человеческой коммуникации и было отрефлектировано в рамках визуального, или иконического и мультимодального поворота (*visual turn, iconic turn, pictorial turn, multimodal turn*) в социальных и гуманитарных науках. *Визуальная коммуникация, визуальная аргументация, визуальный дискурс* стали новыми объектами междисциплинарного анализа процессов коммуникации. Визуальное стало значимым элементом социальных структур и частью смысла наряду с языковым значением. Принципиально значимо понимание сетевого формата не только как средства передачи смыслов, но и как среды и способа смысловыражения. Визуальный опыт участников коммуникации должен учитываться как важный при выражении смыслов и идентичностей [14–16].

Заключительные суждения

Сетевой формат (интернет-пространство, дигитальная среда) выдвигает несколько принципиально значимых фокусов, которые становятся основанием для анализа и последующего теоретико-методологического осмысления в ряде современных научных дисциплин. Понятие сетевая среда соотносится как с технико-ориентированным пространством, т. е. с техническими стандартами и технологическими возможностями (то, что называется сегодня «цифровые технологии»), так и с социальным контекстом. Содержание понятия «сетевая коммуникация» не сводимо к одномерному вопросу о техническом доступе и об операциональных знаниях и навыках обращения с *hardware* и *software*. Следует исходить из того, что технологическая составляющая встроена в социальные структуры. Нет абстрактных понятий «цифровая экономика», «цифровое образование», «электронная образовательная среда», они работают только и именно как выражение и отражение «здесь и сейчас» актуальных знаний, ценностей и моделей должного, т. е. как отражение общественной практики, институциональной иерархии, доминирующей в обществе идеологии, определяющей в том числе отношение к технологической составляющей.

Исследование выполнено на средства гранта РФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете имени Им. Канта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Jakobson R.** Metalanguage as a linguistic problem // Selected writings VII. Berlin: Mouton De Gruyter, 1985 [1956]. Pp. 113–121.
2. **Маклюэн Маршалл Г.** Понимание медиа: Внешние расширения человека. Пер. с англ. М.: Канон Пресс, Кучково Поле, 2011.
3. **Каган М.С.** Человеческая деятельность. М., 1974.

4. **Яковлева А.Ф., Тоганова Н.В.** Научно-технологические траектории: опыт применения социогуманитарных подходов к прогнозированию // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 3. С. 40–50. DOI: 10.18721/JHSS.10304
5. **Быльева Д.С., Лобатюк В.В.** Игра в современном мире: социально-философский анализ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 3. С. 16–27. DOI: 10.18721/JHSS.10302
6. **Hecker A.** Knowledge beyond the individual? Making sense of a notion of collective knowledge in organization theory // *Organization Studies*. 2012. Vol. 33(3). Pp. 423–445. DOI:10.1177/0170840611433995
7. **Беляева Л.Н.** Лингвистические технологии в современном сетевом пространстве: Language worker в индустрии локализации. СПб.: Книжный дом, 2016. 134 с.
8. **Камшилова О.Н.** Малые формы научного текста: ключевые слова и аннотация (информационный аспект) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. № 156. С. 106–117.
9. **Чернявская В.Е.** Плагиат как социокультурный феномен // Известия Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов. 2011. № 3 (69). С. 26–31.
10. **Чернявская В.Е.** Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: УРСС, 2017.
11. **Yakovleva A.F.** Scientific activity: The crisis of the subject in the world of knowledge // *Russian Studies in Philosophy*. 2018. Vol. 56. No. 1. Pp. 61–70.
12. **Молодыхенко Е.Н.** Метасемиотические проекты и лайфстайл-медиа: дискурсивные механизмы превращения предметов потребления в ресурсы выражения идентичности // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. No 1. Pp. 117–136. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-1-117-136
13. **Молодыхенко Е.Н.** Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 3. С. 122–133. DOI: 10.18721/JHSS.8312
14. **Чернявская В.Е.** Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2012.
15. **Scolari C.A.** Mapping conversations about new media: The theoretical field of digital communication // *New Media and Society*. 2009. Vol. 11 (6). Pp. 943–964. URL: <https://doi.org/10.1177/1461444809336513>
16. **Xin C., Feenberg A.** Pedagogy in cyberspace: The dynamics of online discourse // *E-Learning and Digital Media*. 2007. Vol. 4 (4). Pp. 415–432 // URL: <https://doi.org/10.2304/elea.2007.4.4.415>

Статья поступила в редакцию 03.05.2020.

REFERENCES

- [1] **R. Jakobson**, Metalanguage as a linguistic problem, Selected writings VII. Berlin: Mouton De Gruyter, 1985 [1956]. Pp. 113–121.
- [2] McLuhan Herbert Marshall, *Ponimaniye media: Vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media. The Extensions of Man]. М.: Kanon Press, Kuchkovo Pole, 2011.
- [3] **M.S. Kagan**, *Chelovecheskaya deyatelnost* [Human activity]. М.1974.
- [4] **A.F. Yakovleva, N.V. Toganova**, Scientific and technological trajectories: the experience of applying socio-humanitarian approaches to forecasting, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 10 (3) (2019) 40–50. DOI: 10.18721/JHSS.10304
- [5] **D.S. Bylieva, V.V. Lobatyuk**, The game in the modern world: a socio-philosophical analysis, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 10 (3) (2019) 16–27. DOI: 10.18721/JHSS.10302
- [6] **A. Hecker**, Knowledge Beyond the Individual? Making Sense of a Notion of Collective Knowledge in Organization Theory. *Organization Studies*, 33 (3) (2012) 423–445. DOI:10.1177/0170840611433995
- [7] **L.N. Belyayeva**, *Lingvisticheskiye tekhnologii v sovremennom setevom prostranstve: language worker v industrii lokalizatsii* [Linguistic technologies in the modern network space: language worker in the localization industry]. SPb.: Knizhnyy dom [Book house], 2016. 134 p.
- [8] **O.N. Kamshilova**, Keywords and Abstracts as Small Forms of Academic Text (informational aspect), *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena* [Scientific journal of Herzen University]. 156 (2013) 106–117.

[9] **V.Ye. Chernyavskaya**, The plagiarism as a social-cultural phenomenon, *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i finansov.* (69) (2011) 26-31.

[10] **V.Ye. Chernyavskaya**, *Nauchnyy diskurs: Vydvizheniye rezultata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema* [Scientific Discourse: Advancing Results as a Communicative and Language Problem]. M.: URSS, 2017.

[11] **Alexandra F. Yakovleva**, Scientific activity: The crisis of the subject in the world of knowledge, *Russian Studies in Philosophy.* 56 (1) (2018) 61–70.

[12] **Ye.N. Molodychenko**, Metasemiotic Projects and Lifestyle Media: Formulating Commodities as Resources for Identity Enactment, *Russian Journal of Linguistics.* 24 (1) (2020) 117–136. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-1-117-136

[13] **E.N. Molodychenko**, Identity and discourse: from social theory to practice of discourse analysis, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 8 (3) (2017) 122–133. DOI: 10.18721/JHSS.8312

[14] **V.Ye. Chernyavskaya**, *Diskurs vlasti i vlast diskursa. Problemy rechevogo vozdeystviya* [The discourse of power and the power of discourse. Speech Impact]. M.: Flinta, 2012.

[15] **C.A. Scolari**, Mapping conversations about new media: the theoretical field of digital communication, *New Media and Society.* 11 (6) (2009) 943–964. <https://doi.org/10.1177/1461444809336513>

[16] **C. Xin, A. Feenberg**, *Pedagogy in Cyberspace: The Dynamics of Online Discourse*, *E-Learning and Digital Media.* 4 (4) (2007) 415–432. <https://doi.org/10.2304/elea.2007.4.4.415>

Received 03.05.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Чернявская Валерия Евгеньевна

Chernyavskaya Valeria E.

E-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

Сетевое пространство: новые ресурсы и жанровые формы

DOI: 10.18721/JHSS.11202
УДК 808; 304.2

ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС В УСЛОВИЯХ КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАРРЕСИИ

Г.Л. Тульчинский

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Анализ динамики содержания публичного дискурса в связи с развитием пандемической коронавирусной инфекции в первые месяцы 2020 года позволяет глубже понять изначальные особенности социальной коммуникации. В этих процессах формируется и транслируется осмысление реальности, которое всегда делается с какой-то позиции. Процесс формирования и трансляции самосознания (самости) есть ни что иное как именно позиционирование такого осмысления. В этом плане любой контент социальной коммуникации в каком-то смысле фейкоподобен. Поэтому важно смещение акцента в анализе с критериев истинности сетевой информации на феномен «взятия слова» и ответственности за высказанное. Полезным является использование концепта парресии как свободного и ответственного высказывания. Тем самым открываются возможности анализа парадоксальности прав личности на свободу мнения и социальный контроль, а также выстраивания необходимого баланса прав и ответственности в публичной социальной коммуникации. Такой анализ показывает, что коронавирусная пандемия не только полностью вписывается в этот общий глобальный цивилизационный тренд аларма и хорроризации, но икратно его усиливает. При этом параллельно с масштабной хорроризацией прорастает ее альтернатива, ясно выраженная в обозначенной тенденции публичного коронавирусного дискурса. Речь идет о запросе на взвешенное ответственное слово или даже молчание, другими словами – о запросе на проявление в публичном дискурсе личностной свободы как ответственности. В условиях тотальной медиализации в цифровом формате эта ответственность обретает все новые и новые измерения, являющиеся серьезнейшими вызовами традиционным представлениям о морали и праве. В современном цифровизованном информационном обществе позитивная парресия – не привилегия немногих, а нравственный тестирующий долг «берущих слово».

Ключевые слова: ответственность, парресия, свобода, социальные сети, фейки.

Ссылка при цитировании: Тульчинский Г.Л. Публичный дискурс в условиях коронавирусной пандемии: возвращение парресии // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 14–29. DOI: 10.18721/JHSS.11202

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

PUBLIC DISCOURSE IN THE CONTEXT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC: THE PARRHESIA RETURN

G.L. Tulchinskii

National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation

The public coronavirus discourse analysis is important for understanding the characteristics of modern social communication. The content dynamics has specially interest in the first months of the pandemic. In these processes, reality understanding is formed and broadcast. This understanding is done always

from some position, in a certain sense. The self-awareness formation process is nothing more than the positioning of such an understanding. In this regard, any content of social communication in a sense, relatively speaking, is like fakes. Therefore, it is important to shift the emphasis in the analysis from the criteria of the truth of network information to the phenomenon of "taking the word" and responsibility for what is expressed. In this regard, it is useful to use the concept of parrhesia as a free and responsible statement. This opens up the possibility of analyzing the paradoxical nature of individual rights to opinion freedom and social control, as well as building the necessary balance of rights and responsibilities in public social communication. Such an analysis shows that the coronary virus pandemic not only fully fits into this general global civilizational trend of alarm and horrorization, but also strengthened them. At the same time, along with large-scale horrorization, its alternative sprouts, which is clearly expressed in the indicated trend of public coronavirus discourse. This is a request for a balanced responsible word or even silence, in other words – a request for manifestation in a public discourse of personal freedom as responsibility. In the context of total digitalization, this responsibility is taking on more and more dimensions, which are the most serious challenges to traditional ideas about morality and law. In the modern digitalized information society, positive parrhesia is not the privilege of a few, but the moral testing duty of the word-takers.

Keywords: responsibility, parrhesia, freedom, social networks, fakes.

Citation: G.L. Tulchinskii, Public discourse in the context of the coronavirus pandemic: the parrhesia return, *Society. Communication. Education*, 11 (2) (2020) 14–29. DOI: 10.18721/JHSS.11202

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Современное массовое информационное постиндустриальное общество подверглось в 2020 году серьезнейшему испытанию в виде коронавирусной пандемии, фактически повергнувшей в шок глобализированную экономику, ставшей радикальным вызовом как национальным государствам, так и наднациональным политическим и общественным институтам. Это испытание глубоко трансформировало все сферы общественной жизни: политику, экономику, образование, досуг, личную жизнь. Все это с неизбежностью сказалось на способах реализации и (главное) содержании публичной коммуникации.

В динамичной трансформации этого содержания, как представляется, ярко выражены главные тенденции эволюции публичного дискурса последних десятилетий. Осмысление этих тенденций и составляет цель данного исследования. Оно включает три этапа:

- Во-первых, с учетом предыдущих исследований по социальной семиотике, выявлен вектор (тенденция) трансформации социальной коммуникации с акцентирования трансляции социальной нормативности на презентацию личностных смыслов (эмоционально-оценочных мнений и переживаний), что позволяет констатировать противоречие между институтом прав человека, свободы слова и совести и свободы слова – с одной стороны, и необходимостью жесткого контроля в информационном пространстве, оправдываемого противодействием угрозам личностной и институциональной безопасности, репутации, манипуляциям, обману – с другой стороны. Это порождает запрос на ответственное слово, реализуемый не только посредством социального контроля, но и с помощью самостоятельной фильтрации информационного потока, стремления к источникам достоверной информации, персонам ее ответственно представляющим.

- С учетом этого обстоятельства, во-вторых, проведен анализ динамики содержания публичного дискурса в ходе коронавирусной пандемии 2020 года, показавший, что в масштабной стрессовой ситуации проявляется общая эволюция (стадий) принятия неизбежного от повышенной (преимущественно негативной) эмоциональной оценочности к конструктивному позитивному принятию реальности.

- По итогам проведенного рассмотрения, в-третьих, делается обобщение об ускорении эволюции публичного дискурса к ответственному слову, что позволяет говорить о возрождении феномена парресии как ответственного публичного слова, реализующего публичную речь как поступок (вменяемое действие).

Для данной работы ключевым является концепт парресии – ответственной публичной речи (устной и письменной), подробно рассмотренный М. Фуко [1], отказавшим ему в существовании в современных условиях массовых коммуникаций, превращающих коммуникацию в безответственное говорение «обо всем», обилие сознательных и бессознательных фейков, фактически – безответственное публичное словоговорение. Содержание настоящей статьи позволяет скорректировать эти выводы Фуко.

Идея парресии дополняется методологически важным в данном контексте содержанием философии поступка как вменяемого (рационального и ответственного) действия, включая публичную речь, предложенную М.М. Бахтиным [2].

Кроме того, как уже было выше отмечено, автор опирается на круг идей социальной семиотики [3–7] и ее расширение в концепте «глубокой семиотики» (deep semiotics).

В качестве гипотетического допущения выступает утверждение, что в современном публичном дискурсе при общем тренде акцентуации позиционирования личностных эмоционально выраженных мнений и переживаний существует запрос на выражение ответственной публичной речи, который усиливается во время масштабных кризисных ситуаций.

Возвращение парресии, или Фейки как результат позиционирования самости

Термин «парресия» (παρρησία, *parrhēsia*), происходящий от греческих корней *pān* (все) и *ῥήσις* (речь, высказывание), имеет широкий спектр значений: от «говорение всем и обо всем» до «свободы слова». Однако в процессе античных и христианских дискурсивных практик за ним закрепилось применение к ситуации высказывания искреннего, откровенного и ответственного. Анализ этого концепта, проведенный М. Фуко [1], показал, что герменевтика парресии позволяет вывести качества коммуникативного контента за рамки логических и трансцендентальных критериев истинности к прагматическим и этическим контекстам дискурсии. В этом случае акцент переносится с оценки истинности на отношение к истине, на феномен «взятия слова» и ответственности за высказанное, включая то, что способно вызывать негативную реакцию аудитории – как отдельных адресатов, так и целых сообществ, включая гнев и возможные санкции к парресору.

Такой анализ представляется особенно важным и актуальным применительно к современным дискурсивным практикам сетевых коммуникаций, в которых владельцы сетевых аккаунтов получают исключительные возможности «брать слово» – формулировать и представлять свою позицию по самым различным вопросам: от фактов личной жизни до дискуссий на научные, политические и религиозные темы.

Фуко, заставший начало этого тренда, отрицал возможность парресии в современном мире, в котором технологии коммуникации позволяют речи оторваться от истинности, делая речь все более безответственной. Вербальные и невербальные фейки, переполнившие медиа, казалось бы, это подтверждают. Тема пост-правды, индустриального производства фейковой информации, возможности противостоять ей – сверхактуальная. Ей посвящаются конференции, круглые столы, масштабные аналитические исследования. Между тем, как представляется, речь идет о глубокой изначальной особенности коммуникации, которая, благодаря современным технологиям, в первую очередь – Интернету и социальным сетям, вышла на первый план, что позволяет не только по-новому, но и глубже понять природу коммуникативных процессов, транслируемого в них контента, реакций на него.

В терминах социальной семиотики и ее расширения в плане «глубокой семиотики» (deep semiotics) [8, с. 115–125], речь идет о переносе акцента с социальных значений (предметных и ценностно-нормативных) на личностные смыслы, т. е. оценочно-эмоциональные компоненты представляемого и транслируемого смыслового содержания опыта. Если ранее социальная коммуникация преимущественно была связана с выделением и трансляцией социальных значений

— относительно устойчивых образцов, стилей, транслирующих ценностную культуральную нормативность, то в нынешней ситуации речь идет все больше о презентации и трансляции непосредственно самих уникальных личностных переживаний, иногда даже персонально не агрегируемых. Instagram, отчасти Facebook, YouTube являют поток репрезентаций личностных смыслов «от первого лица». Они направлены не столько на порождение некоего опыта сопереживания, сколько на презентацию самих переживаний и их распознавание.

По содержанию такой опыт представляет собой нарративную дискурсивную практику, которая является основой формирования и презентации самосознания — выстраивания наррации «от первого лица», в которой личность предстает актором своей биографии (autobiographically myself), а связность такой наррации представляет память [9, 10]. Реализоваться такая наррация может только в коммуникативных практиках публичной и внутренней речи, описывающей социальный опыт и отношение к нему в процессе социализации и индивидуализации.

При этом важно отдавать отчет, что осмысленная информация как контент социальной коммуникации есть изначально именно порождение наррации «от первого лица». Любой конечной системе (а таковой является и человеческая личность) не доступно бесконечное разнообразие мира. Поэтому она вынуждена постигать это разнообразие всегда с какой-то позиции, в каком-то ракурсе, в каком-то отношении — в каком-то смысле. Осмысленная информация есть порождение конечной системы, и в каком-то смысле она неизбежно «фейковая», если не изначально, то с возможной позиции оценивания кем-то.

В современной ситуации, фактически, речь идет о широчайших возможностях позиционирования самосознания (идентичности) «от первого лица», погружения его в контекст публичной социальной коммуникации, где оно предстает уже в формате «от третьего лица» (как идентификация), получая обратную связь в виде позитивных и негативных оценок — вплоть до институционального социального контроля [11]. Кроме того, возникает вопрос о спецификации роли социального статуса «взятого слова» на особенности и масштаб формирования смысловой картины мира [12].

Не случайно современные дискуссии выявляют главный этико-правовой, если не антропологический парадокс цивилизационных условий современной социальной жизни. Возможности и право личности на самовыражение своего мнения, своей позиции порождают обилие спорной, неоднозначной, вызывающей сомнение в добросовестности информации, стимулирует индивидуальные и институциональные способы фильтрации такой информации, без которых современная парресья возвращается к одному из своих первоначальных античных значений безответственного «говорения о чем угодно». Следствием чего становится все более жесткий контроль за сетевым контентом.

В результате, в современном обществе, как отмечалось участниками Круглого стола «Права человека и дисбаланс взаимной ответственности», проведенного Российской ассоциацией политической науки и Высшей школой экономики (Санкт-Петербург, 17-19 октября 2019), в связи с развитием цифровых технологий коммуникации, оперирования большими данными, формированием электронного правительства и т. п. возникает противоречие между правом личности на свободу слова (чреватым разрастанием фейковых новостей, пост-правды, практиками травли и буллинга) и правом личности на тайну личной жизни, защиту репутации [13, с. 107–120].

Поэтому все более пристального специального внимания заслуживает тема баланса прав и ответственности (моральной и правовой) в практике как пропаганды прав человека, так и организации сетевой коммуникации. В этой связи, как представляется, созревают условия пересмотра оценки Фуко перспектив феномена и концепта паррессии применительно к современным дискурсивным практикам. Примером может служить трансформация развернувшегося в 2020 году дискурса коронавирусной пандемии.

Тренд коронавирусного дискурса к социальной ответственности

Материалом для осмысления такой трансформации публичного дискурса в русскоязычном секторе Интернета может служить период с января по май 2020, когда в России пандемия постепенно, но все более очевидно подходила к пику.

Хронология событий этого периода всем памятна. Поэтому можно только вкратце напомнить последовательность событий, становившихся предметом публичного обсуждения. До января 2020 года сообщения об обнаружении в конце декабря в столице китайской провинции Хубэй случаев заболевания пневмонией неизвестного происхождения в публичном информационном пространстве особого внимания не вызывали, т. к. воспринимались как уже ставшие привычными сезонные обострения респираторных инфекций, очагом которых выступают страны Юго-Восточной Азии. 22 января эпицентр инфекции г. Ухань был закрыт на карантин, а 30 января Всемирная организация здравоохранения признала за этой инфекцией опасность международного масштаба. 11 февраля 2020 года, в связи с идентификацией возбудителя (коронавирус SARS-CoV-2), болезнь получила название COVID-19. Поскольку инфицирование быстро распространилось практически на все континенты, чему способствовало интенсивное авиасообщение, 11 марта ВОЗ признала за этой вспышкой статус пандемии. С 13 марта ее центр переместился в Европу.

В России 31 января была закрыта граница с КНР. С 11 марта началось ограничение международного авиасообщения, вплоть до его полного прекращения по ряду направлений. Президентом РФ с 30 марта по 3 апреля была объявлена нерабочая неделя, а затем режим нерабочих дней был продлен включительно до 30 апреля с возможностью продления или сокращения этого режима в зависимости от ситуации. При этом субъектам РФ и органам власти на местах было предоставлено право принимать ограничительные меры и их отмену в зависимости от динамики выявления инфекции и ее последствий.

Объективная картина складывалась неоднозначная: подавляющее число выявленных инфицированных, заболевших (как выздоровевших, так и умерших) приходилось на Москву и Московскую область. Именно в Москве достаточно оперативно были введены карантинные меры, требования к самоизоляции, жесткий контроль с применением сил полиции и Росгвардии для выявления нарушителей и санкций по отношению к ним. В других регионах тестирование стало проводиться существенно позже. Некоторый рост заболеваний пневмонией, по сравнению с прошлым годом, отмечался почти везде, но меры принимались в разной степени более мягкие.

Неоднозначная и неопределенная ситуация с неизбежностью вызвала в публичной коммуникации мощный взрыв контента, посвященного пандемии. Этот контент в считанные дни вытеснил на задний план до этого остро обсуждавшиеся темы падения цен на нефть и курса рубля, а также инициирования Президентом РФ поправок к Конституции, их содержания и процедур принятия. К концу января коронавирус вышел на первый план и уверенно стал главной темой российского медиапространства. Если на 15 января было зафиксировано 1,2 тыс. сообщений об этом заболевании, то 11 марта их было уже 733,2 тыс. А количество публикаций о нем за этот период выросло с 263 до 35,2 тыс. Всего в российских соцсетях с 15 января по 11 марта коронавирус упоминался 13,3 млн раз.¹

По данным «Медиалогии», чаще коронавирус обсуждался в Facebook (38,9 %) и ВКонтакте (20,1 %). Далее следуют Twitter (16,9 %), Telegram (4,0 %), Instagram (3,5 %), YouTube (2,2 %).

Самыми упоминаемыми в соцсетях в период с 30 марта по 5 апреля 2020 года были слова «коронавирус» (11,5 млн сообщений) и «карантин» (10,3 млн). С существенным отрывом за ними следовали другие (но на ту же тематику) слова «пандемия/эпидемия» (3,9 млн), «самоизоляция/оставайтесь дома» (9,4 млн).²

¹ Коронавирус «заразил» соцсети и СМИ // URL: <https://www.mlg.ru/~tfAs9> (Дата обращения: 10.04.2020).

² Слова нашего времени // URL: https://www.mlg.ru/blog/viral_smm/7329/ (Дата обращения: 09.04.2020).

Однако, самое интересное — как менялась эмоциональная окраска наиболее популярных постов. Несмотря на то, что Роспотребнадзор создал общедоступный ресурс, на котором регулярно отражалась динамика развития пандемии в мире и в России³, оценки происходящего были радикально эмоциональны в широком спектре эмоций. Медиа, включая ленту Facebook, Telegram-каналы, оказались переполненными мнениями самозванных экспертов. Их нарративы, большей частью «от первого лица», были оценочно-эмоционально нагружены, что, с неизбежностью, создает питательную среду для фейковой информации. Разобраться в этой какофонии без хорошей навигации мог далеко не каждый, а социальные сети давали возможность делиться это растерянностью, наращивая «снежный ком» социального стресса.

Так, наибольшую вовлеченность (т. е. суммарное количество лайков, комментариев и репостов) вызывали тексты и видео, в которых известные люди делились сведениями, собственными переживаниями. Так, в наиболее популярном сюжете Елена Сажина (565,5 тыс.) рассказывает о том, что от других болезней гибнет больше людей, чем от коронавируса. Медийная персона Ольга Бузова (467,1 тыс.) печалилась о том, что из-за коронавируса ей пришлось отменить поездку с возлюбленным в Париж. В ВКонтакте наибольший интерес (18,8 тыс. пользователей) вызвал пост о заражении коронавирусом Тома Хэнкса с супругой.

Повышенное внимание вызывали посты с мемами, видео, в которых высмеивались паника, ажиотажные закупки. Так, одно только юмористическое видео Андрея Борисова привлекло внимание 479,4 тыс. просмотров⁴. Для сравнения — пост Оперативного штаба Москвы по ситуации с коронавирусом вызвал 317,8 тыс. просмотров.

Проявился и типичный для кризисных ситуаций, порождающих неопределенность, всплеск эзотерики⁵, поиск объяснений в некоем всемирном заговоре, тотальной манипуляции, вмешательстве Божественной Воли, а то и инопланетного разума. В YouTube одним из самых популярных видео о коронавирусе (170,8 тыс.) был рассказ Алексея Навального о том, кто зарабатывает на эпидемии и карантине.

На первый взгляд, вспышка публичной коронавирус-дискурсии подтверждает отмеченную выше тенденцию в условиях персонификации публичной коммуникации трансформации права личности на свободу слова в разрастание фейковых новостей, пост-правды, практик травли и буллинга, угрозу репутации, тайне личной жизни.

Обращение к динамике контента этого всплеска публичной дискурсии показывает определенную структуру этой динамики. Отмеченная трансформация «коронавирусного контента», представленного в медиа, в принципе, совпадает с известными стадиями принятия неизбежного, сформулированными Е. Кюблер-Росс [14]. При столкновении с серьезным неожиданным стрессом, первой реакцией является отрицание, включая иногда и очевидные факты. Причем это отрицание выражается в различной степени: от отрицания самого существования вируса, до принижения значимости инфекции и высмеивания принимающих информацию о ней всерьез. Перед напором фактов отрицание сменяется поиском виноватых, носителей скрытой злой воли, гневных обвинений в их адрес — от внешних врагов (это китайская провокация в борьбе за мировое господство, этот вирус — разработанное США биологическое оружие) до обвинений российской власти в развале здравоохранения и стремлении воспользоваться эпидемией для ужесточения режима.

На смену гневным обвинениям приходит «торг» (это не так страшно, заражения надо бояться только пожилым людям), сменяемый депрессией (надо запастись продуктами, раздобыть на-

³ Информационный бюллетень о ситуации и принимаемых мерах по недопущению распространения заболеваний, вызванных новым коронавирусом // URL: https://rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14210&sphrase_id (Дата обращения: 09.04.2020).

⁴ Коронавирус «заразил» соцсети и СМИ // URL: <https://www.mlg.ru/~tfAs9> (Дата обращения: 10.04.2020).

⁵ Шишков А. Может ли вирус войти в Царство Небесное? // URL: <https://www.colta.ru/articles/society/24017-teolog-andrey-shishkov-o-koronaviruse-i-hristianskih-dogmatah> (Дата обращения: 11.04.2020).

дежные маски, перчатки, подумать об отъезде в деревню и т. п.). Характерно, что специалистами отмечалась повышенная депрессивность молодых людей, полагавших первоначально, что они вне группы риска⁶. Именно с этими этапами связан резкий кратковременный публичный конфликт иерархов РПЦ с федеральными и местными властями вокруг доступа в храмы и проведения массовых акций с прихожанами, завершившийся демонстративно публичными действиями иерархов (облет Варсонофием Санкт-Петербурга на вертолете с иконой и объезд Кириллом Москвы в бронированном автомобиле с иконой) и обращением Кирилла с призывом соблюдать требования карантина.

Завершает этот цикл «принятие»: обсуждение обустройства рабочего места «на удалёнке», призывы к следованию рекомендациям специалистов и местных властей, возмущение поведением нарушителей карантина.

В заключительной фазе возникает запрос на ответственное слово. Не только и не столько подконтрольное, сколько ответственное от того же «первого лица». Действительно, с введением длительного карантина в апреле, появились взвешенные оценки принятых решений как не только антикризисных, но и начала формирования институтов ближайшего будущего. Примерами могут служить публикации оценок событий В. Кузьминовым, В. Мау – ректорами ведущих российских университетов⁷. Повышенный интерес вызвала систематически обновляемая подборка ресурса РБК с информацией о том, что происходит в мире вокруг пандемии, с конкретными советами по изменению образа жизни, ведению бизнеса⁸. В спросе оказались материалы опроса экспертов о ситуации с господдержкой бизнеса за рубежом на ресурсе Executive.ru⁹. Медийное пространство все больше наполняется материалами «творческой жизни на карантине»^{10,11}. Это не доступ к фондам, не просто самопрезентации в Instagram и пикировки в Facebook и Twitter, на постах блогеров. Это уже нечто принципиально новое – живое общение и творчество.

Отмеченные этапы, в большей степени, характеризуют публичный коронавирус-дискурс о ситуации в стране и в Москве в общероссийских медиа. В региональных медиа все те же этапы проходили в регионах с неким временным лагом, зависящим от развития ситуации в регионах. Характерно, что на стадии гнева обвинения адресовались Москве и москвичам (коронавирус как «московская зараза»)¹², от сельских жителей – «понаехавшим горожанам». Однако прослеживание этой «фрактальности» предполагает специальное исследование.

Сказанное относится к симптоматике цикла (еще не завершено на всех уровнях) переживания обществом глубокого стресса. Но в этом цикле выражается и более масштабный переход.

Чрезвычайно показательна оценка ситуации, когда компетентные мнения уравниваются с мнениями инфлюенсеров, случайных людей и (псевдо)интеллектуалов, выраженная 24-летним журналистом Кириллом Фокиным:

«Есть ощущение, – пишет он, – что мы (в особенности молодые люди, мои ровесники и вокруг нас) прошли важный этап эмансипации интернетом и свободой слова: и теперь на смену необходимости «обрести голос» и высказать «мнение» должны прийти добродетели новые: умеренность в оценках и адекватность в суждениях. «Говорить!» – необходимо, особенно в условиях такой страны, как Рос-

⁶ Эксперт ВШЭ заявила о смене в развитии ситуации с коронавирусом в России // URL: <https://ria.ru/20200413/1569943348.html> (Дата обращения: 13.04.2020).

⁷ Калюков Е., Доронov И. Мау спрогнозировал мир будущего после победы над коронавирусом // URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/04/2020/5e8355899a7947630847bbb8> (Дата обращения: 09.04.2020).

⁸ Тренды коронавируса // URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5e877a269a79472ff038a0d8> (Дата доступа: 11.04.2020).

⁹ Как помогают бизнесу зарубежные страны во время пандемии // URL: <https://www.e-xecutive.ru/management/practices/1992204-kak-pomogaut-biznesu-zarubezhnye-strany-vo-vremya-pandemii> (Дата обращения: 11.04.2020).

¹⁰ РБК запустил онлайн-квартирник с артистами и музыкантами в самоизоляции // URL: https://www.rbc.ru/society/04/04/2020/5e7bc11a9a794723edda386f?from=from_main (Дата обращения: 13.04.2020).

¹¹ Russia's 'Isolation Art' Takes the Internet by Storm // URL: <https://www.themoscowtimes.com/2020/04/06/russias-isolation-art-takes-the-internet-by-storm-a69887> (Дата обращения: 13.04.2020).

¹² Московская зараза // URL: https://mirvracha.ru/news/moskovskaya_zaraza-06-04-2020 (Дата обращения: 11.04.2020).

сия-2020, но именно в близких к кризисным ситуациям познается ценность добровольного молчания. Сказать-то всегда есть что – вопрос в том, какой в высказывании смысл и кому оно сможет (если сможет) помочь».¹³

Чтобы разглядеть за этой симптоматикой общий «диагноз», чтобы понять, какие процессы трансформации смысловой картины мира усиливает публичный дискурс в столь критической ситуации, как пандемия COVID-19, важен переход в более широкий контекст публичной коммуникации.

От безопасности к свободе и обратно

Коммуникация обеспечивает формирование общества и социализацию личности. Много зависит от ситуации, в которой социум находится – это определяет ценностно-нормативный контекст, а значит, и интенциональность (модальность) публичного дискурса.

Базовой, первичной ценностью социогенеза является безопасность (жизнеобеспечение). Вместе легче противостоять неопределенности, опасностям, вызовам, угрозам. Вместе легче выжить, прокормиться, вырастить потомство. Эта интенция заложена на генетическом уровне, лежит в основе образования человеческих сообществ.

Как только такое сообщество образуется, в нем возникают неравенства (возрастные, гендерные, имущественные, по привлекательности, по силе и т. п.), что порождает зависть, ресентимент, конфликты. Это активизирует вторую базовую ценность социогенеза – справедливость, стремление жить честно, по правилам. Реализация этой ценности создает нормы (выраженные в привычках, традициях), системы морали и права, институциональную среду в целом.

Нормативная регуляция имеет два вектора. С одной стороны, это социальный контроль, борьба с девиациями. С другой стороны, это степень допущения индивидуального саморазвития, иногда предполагающего творчество, связанное с запросом на уточнение и пересмотр сложившихся представлений и правил (в науке, искусстве, производственной практике, политике, религии, обыденной жизни). Этот второй вектор задает еще одну ценность социогенеза – свободы и прав индивидуальной самореализации.

Большую часть истории человечество обходило в основном пространством реализации ценностей безопасности и справедливости. Действительно, для поддержки существования и воспроизводства социума этой ценностно-нормативной среды вполне достаточно. Однако в европейской цивилизации, начиная с Возрождения и далее – в Новое и Новейшее время (модерна и постмодерна) была сделана акцентированная ставка на ценность свободы как гарантии свободной самореализации личности – главного мотора экономического развития, а также развития науки, искусства, других сфер общественной жизни. Именно свобода и творчество обеспечивают не только адаптацию социальной системы к изменяющимся условиям, но и позволяют менять сами эти условия.

Этот комплекс идей положен в основу концепции человеческого развития как перехода от материальных ценностей выживания к «нематериалистическим» ценностям свободной самореализации [15], лежащей в основе многолетнего международного исследования World Value Survey, подтверждавшего идею общего движения по этой ценностной оси.

Если дополнить ценностную ось нормативной, связанной с конкретизацией ценности справедливости, то возникает система координат, открывающая более полные возможности анализа. В этой ценностно-нормативной системе координат между безопасностью и свободой, задаваемой реализующими их нормами справедливости, была предложена ценностно-нормативная модель политической культуры, позволившая определить в этом пространстве соотношение основных политических идеологий и концептов фундаментализма, этатизма, анархизма, либерализма,

¹³ Фокин К. Эпоха карантина глазами 25-летних // URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/29/84585-dostatochno-li-blizko-rvutsya-snaryady> (Дата доступа: 10.04.2020).

социал-демократии и национал-социализма, строить профили политических культур, проследить их динамику [16].

Данная модель дает наглядное представление о роли справедливости как переменной на ценностной оси. В спокойной, стабильной ситуации она сдвигается в стороны свободной самореализации членов общества. В кризисной, опасной ситуации (катастрофа, война, чрезвычайная ситуация) нормативные представления смещаются в стороны безопасности, нередко в ущерб гарантиям свободы и прав индивидов. Данное замечание важно для понимания дальнейшего анализа как истории с коронавирусом, так и ее цивилизационно-политического контекста. контекста изложения.

Вирусная пандемия, карантинные меры, полицейские санкции по отношению к нарушителям режима самоизоляции хорошо объясняются в ценностно-нормативной модели. Так же как и возмущение правозащитников в России и во всем мире принимаемыми властями решениями, внеконституционными действиями, нарушающими права человека. Каждое государство вынуждено по-своему решать дилемму соблюдения прав человека (включая свободу передвижения, ведения бизнеса) и сохранения человеческих жизней. Ситуация лишней раз подтвердила относительность институциональной среды как от сложившихся ценностно-нормативных стереотипов, так и от опасности вызовов, возникающих перед социумом. В ситуации массовой экзистенциальной угрозы рациональный выбор финансово-экономической маржи отходит на второй план.

Однако масштаб и степень радикальности ценностно-нормативного сдвига в случае с пандемией COVID-19 будут непонятными и даже шокирующими, если не учитывать цивилизационный фон и контекст, в котором они реализовались, вступая с ними в положительную обратную связь взаимного усиления и стимулирования.

С начала 2000-х, по данным World Value Survey, наметилась нарастающая динамика ценностей, встречаемая по отношению к тренду, доминировавшему вторую половину XX столетия [17]. В политической жизни это выражалось в «правом повороте» электорального поведения в Европе и США, кризисных явлениях в Европейском союзе (Brexit Соединенного Королевства, проблемы беженцев, этнические конфликты, проблемы кредитования греческой экономики и т. д.), кризисе упрощенно понятых программ мультикультурализма и толерантности.

Наметилось повышение роли национальных государств, дополняемая ростом этно-национальной активности, доходящей до сепаратистских требований в странах с выглядевшими до этого стабильными политическими режимами (Бельгия, Испания, Италия, Соединенное Королевство). Этот тренд улавливается в современной художественной культуре – прежде всего, в кино и литературе.

Обоснование этого процесса заговором «мирового правительства», конечно может объяснить все и сразу – недаром это объяснение часто всплывало и на «стадии гнева» коронавирус-дискурса. И политика дает основания для такого искушения. Базовой ценностью безопасности нередко пользуются политики, призывая «сплотиться вокруг мудрого руководства», «не менять лошадей на переправе». Действительно, консолидировать общество перед лицом реальной опасности, реального (или выдуманного) врага намного легче, чем на конструктивной позитивной основе.

Однако ситуация видится глубже, шире и объективней. Чем более развита социальная (и не только) система, чем более сложный характер она носит, тем более уязвимой она становится. Это впервые наглядно всему миру продемонстрировала страшная трагедия 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, когда достижения цивилизации (самолеты, небоскребы) стали средствами самого масштабного в истории террористического акта.

Современный социум и его образ жизни являются буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами: «Человек есть мера всех вещей», «Все на благо человека, все во имя человека!» Перефразируя известный советский анекдот, можно сказать, что мы знаем этого человека. Это каждый из нас. Кластеризация рынков достигла индивида: машину

тьюнингуют под тебя, архитектура компьютера, fashion формируются под индивидуальные потребности. Современный маркетинг позволяет не только реализовать, но и стимулировать любые потребности. Из этого следует несколько важных обстоятельств.

Во-первых, этому обществу и каждому его члену есть что терять.

Во-вторых, любые достижения современной цивилизации: почта, медицина, компьютеры, авиация, высотные здания, водохранилища, все средства транспорта и коммуникации – могут быть использованы для ее же разрушения.

В-третьих, в отличие от традиционного общества, где ценности выстроены иерархически (от простейших физиологических до ценностей трансцендентных), в этом социуме все ценности (включая трансцендентные) приведены к общему знаменателю маркетизации, фактически становясь рубрикаторами рынка массового потребления. Эта культура имманентна и самодостаточна.

В-четвертых, вследствие самодостаточности эта культура не нуждается в образе будущего: сплошные сиквелы, приквелы, пародии, перепевы, а место научной фантастики заняло фэнтези с его средневековой стилистикой. Расширение смыслов подменяется накоплением разнообразия, фрактализацией настоящего и прошлого. Более того, это общество боится будущего.

В-пятых, современное общество как общество воплощенной программы секуляризма, вступило в постсекулярную стадию, когда имманентность, отсутствие образа будущего порождают боязнь потерять настоящее. Этому обществу есть что терять.

Поэтому аларм и хоррор – это состояние современной цивилизации, которая боится сама себя, своего будущего. И это хорошо известно из истории: чем более развита цивилизация, чем выше качество жизни, тем более общество уязвимо, тем больше в нем накапливается фобий, которые становятся не только предметом психиатрии, эстетического осмысления, духовных поисков... Эта тенденция ясно и ярко представлена в современных культурных индустриях, где сложились жанры и соответствующие рынки хоррора в массовой литературе, экранной культуре, развлечениях.

Хорроризация используется и даже усиливается в современных политических практиках. Среди политологов и политиков почти аксиоматически принимается концепция Карла Шмитта, согласно которой сам феномен политического связан с противостоянием врагу. Поэтому хоррор как сознательное и бессознательное стремление к безопасности нередко формируется в политических целях, и не только террористами: нагнетание тревог, алармизма, формирование образа коварных «врагов» – колоссальный потенциал манипулирования общественным сознанием и поведением, в том числе с использованием возможностей современных информационных технологий, включая старые и новые медиа.

Политический класс, пришедший к власти на хорроре, в дальнейшем вынужден позиционировать себя в целях легитимности исключительно в контексте «борьбы с врагом» – внешним и внутренним, конкретизируя символическую политику в соответствующем идеологическом контенте. Толпы охранников, в том числе в офисах, общественном транспорте, постоянные призывы быть бдительными к «подозрительным предметам», странному поведению пассажиров и прохожих только завершают картину аларма и хорроризации социальной жизни.

Можно сказать, что если на первых стадиях социогенеза хоррор носит (условно говоря) «естественный» характер страха перед неопределенностью и стихиями естественной, природной среды, то на стадии постиндустриального общества массового потребления возникает хоррор «второго порядка». Речь идет о страхе утраты благополучного настоящего, рационально созданной искусственной среды, с одной стороны, а с другой – об искусственно создаваемом и культивируемом хорроре, в конечном счете – политической хорроризации.

В этом плане коронавирусная пандемия не только полностью вписывается в этот общий глобальный цивилизационный тренд. Она его кратно усилила.

Ответственность как основа безопасности и свободы

Профилактика и преодоление последствий хорроризации могут быть связаны с формированием не только «сплачивающего» доверия к «нашим», но и доверия, «наводящего мосты» между представителями разных групп населения. Однако опыт (не только российский) показывает, что решение таких задач не является главными политическими целями политических элит и политического класса в целом.

Параллельно с масштабной хорроризацией прорастает ее альтернатива, ясно выраженная в обозначенной тенденции публичного коронавирусного дискурса, — запросе на взвешенное ответственное слово или даже молчание. Речь идет о проявлении личностной свободы как ответственности.

Это ставит задачу не только осмысления происходящего, но и более глубокой проработки концептуального аппарата такого осмысления. Прежде всего речь идет о природе и содержании идеи свободы. Будучи связанной с феноменом самосознания и сугубо человеческого измерения бытия (вне человека, наделенного самосознанием, в мире существуют только причинно-следственные связи), свобода обладает «богоподобным» качеством внебытийного и добытийного начала бытия (Н.А. Бердяев), «дыры в бытии» (Ж.-П. Сартр). И хотя давно прослеживалась связь между свободой и ответственностью, и даже фундаментальной ролью последней (М.М. Бахтин), это трактовалось как теологическая по корням метафизика нравственности.

Нейрофизиологические исследования мозга, когнитивных процессов в нейронных сетях убедительно подтвердили хорошо известное из воспитательной и образовательной практики обстоятельство: самосознание формируется только в результате коммуникативного взаимодействия личности с окружающими, когда человека вырывают из причинно-следственных связей, замыкая их на него самого, делая его *causa sui* — активным и вменяемым актором [11]. «Это не чашка упала, а ты ее уронил. Мог уронить, мог не уронить — уронил». «Другие» (родители, близкие, друзья, учителя, коллеги, просто окружающие) в процессе коммуникации постоянно «грузят» нас ответственностью. В этом вменении ответственности заключаются семейное воспитание, образование, профессиональное обучение и подготовка. Следствием этого является формирование и закрепление в нейронных сетях памяти одновременно с освоением членораздельной речи — как нарративов опыта «от первого лица». Способность воспроизводить такие нарративы формируется к шести годам жизни. Это и есть способность, и есть самосознание как способность к рефлексии. [9, 10, 18]. В этом плане принципиально правы М.М. Бахтин и Р. Кейн, утверждающие фундаментальную первичность ответственности, вторичность, производность свободы от ответственности, что разум суть выражение меры и глубины ответственности — включения и возможности влияния на окружающее [2, 18].

Вторичность свободы по отношению к ответственности проявляется и в современных политических реалиях. Именно это и выявилось на упоминавшемся ранее Круглом столе «Права человека и дисбаланс взаимной ответственности»: последствия непродуманной гипертрофированной пропаганды прав человека без учета роли и значения ответственности, что стимулирует ресентимент, эгоцентризм, конфликты и агрессию. Организаторы выставок, постановщики спектаклей, писатели, журналисты неожиданно узнают, что их действия вызвали «оскорбление чувств» верующих, этнических, даже профессиональных групп, от имени которых выставляются претензии, заявления в правоохранительные органы, подаются иски в суды, а то и устраиваются погромы. Целые страны обижаются на публикации карикатур, объявляют травлю их авторов, а то и охоту на них, оборачивающуюся кровавой бойней, как это было с журналистами французского сатирического еженедельника *Charlie Hebdo*. Вспоминаются объятия и поцелуи 40-летней давности, предъявляются иски на миллионы долларов, общественное мнение вынуждает отстранять от публичной деятельности актеров, режиссеров, продюсеров, менеджеров. Известны случаи претензий родителям со стороны их первенцев, заявляющих, что рождение

еще одного ребенка без их согласия нарушает их права, и чтобы родители на их помощь «в этом проекте» не рассчитывали [13].

Странную ситуацию создает и непродуманное педалирование развития института омбудсменов (уполномоченных по правам человека). Создание таких должностей и их аппарата на содержании государственных и региональных бюджетов, с одной стороны, дает возможность чиновникам отсылать ущемленных в правах в специально созданную для рассмотрения таких обращений инстанцию, а с другой – возможность синекур для «достойных людей». Что и произошло, например, в Российской Федерации. Несомненно, некоторые омбудсмены относятся к этой работе очень ответственно, отдавая ей много сил, пытаясь участвовать в решении важных вопросов для судеб конкретных людей. Однако ситуация при этом вполне соответствует правилу «мало сделаешь – никто не заметит, много сделаешь – никто не похвалит». Получается, что все сводится к личности уполномоченного по правам человека, становится делом их морального выбора и взятого на себя долга.

Более того, появились уполномоченные по правам бизнеса, уполномоченные по правам детей, уполномоченные по правам студентов. На очереди уполномоченные по правам женщин. И это в дополнение к уполномоченным по правам человека! Уже обсуждается вопрос об уполномоченных по правам животных... Складывается ситуация, когда благое начинание институционализации прав человека оборачивается «институциональным склерозом» [19], к опасности которого мы еще вернемся.

Интернет дал дополнительные импульсы к пониманию роли ответственности, выявив главный этико-правовой, если не антропологический парадокс современной социальной жизни, разведя полюса права личности на свободу слова и права личности на тайну личной жизни, защиту репутации и прочую безопасность. Наконец, важный штрих, если не точку, в этом сюжете поставили биополитические следствия борьбы с пандемией коронавирусной инфекции, которая радикально меняет мировой политический ландшафт. Речь идет не просто о реванше национальных государств у глобализированной экономики в духе чеканной пушкинской формулы: «Всё мое», – сказала злато; // «Всё мое», – сказал булат. // «Всё куплю», – сказала злато; // «Всё возьму», – сказал булат». Серьезным вызовам подверглись российский федерализм, Европейский союз, члены которого обменялись взаимными упреками.

У нас на глазах изменяется смысловая картина мира, открывающая глубинный смысл и природе свободы воли.

Позитивная парресия «догнала» публичный дискурс?

В новейшей философии также диагностируется формирование нового мировоззрения, миропонимания и мироощущения, сменяющего постмодернистский деконструктивизм и иронию. Речь идет о так называемом метамодернизме с его переходом от тотального отстранения смыслов к их новому монтажу, новой целостности и цельности, а главное – искренности [20–22]. Речь идет не о наивности и романтизме, а о том, что современный художник, политик, ученый, любой человек, претендующий на высказывание своей позиции, своей точки зрения, выступает в этих новых условиях, фактически, как античный парресор, ответственно, с открытым сердцем говорящий (возможно – горькую) правду «городу и миру». И, если он «берет слово», то сам этот факт, как и публично произнесенное (написанное) слово выступает как поступок [11] вменяемого актора, понимающего меру и глубину своего «не алиби в бытии» (М.М. Бахтин). А в условиях тотальной медиализации в цифровом формате эта ответственность обретает все новые и новые измерения, являющиеся серьезнейшими вызовами традиционным представлениям о морали и праве.

До самого последнего времени доминантной выступала характеристика парресии как анахронизма, «бесстрашной речи» (*fearless speech*), уместной в Античности, но не в современности, для

которой характерна свобода слова (*freedom of speech*). Эти два концепта даже иногда противопоставляются друг другу на том основании, что для современного социума характерны институты либеральной демократии с ее фундаментальными правовыми гарантиями свободы слова и совести как гарантиями человеческого бытия как такового. Дело даже доходит до альтернативы выбора между популистским авторитарным режимом с парресией и демократией со свободой слова [23], а претензии на паррессию рассматриваются как угроза: когда права всех становятся привилегией немногих, ни свобода, ни равенство не могут длиться долго¹⁴.

В свое время М. Олсон диагностировал последствия гипертрофии демократических прав и процедур как «институциональный склероз» [19]. И пандемия COVID-19 ярко подтвердила этот диагноз. Пандемия относительно успешно была остановлена в КНР, Сингапуре, Республике Корея и жестко накрыла Италию, Францию, Соединенное Королевство, Швецию и США. Дело оказалось связанным не только с централизацией системы здравоохранения и других властных институтов, более эффективной именно в кризисных ситуациях. Решающим моментом оказалась смысловая картина мира, транслируемая в общественном сознании, «склеротически долго» (в смысле М. Олсона) пребывавшего в упомянутой выше «стадии отрицания».

Как показала аналитика Фуко, парресия может проявляться в двух планах: негативном и позитивном. В первом случае парресор высказывает нечто решительно, не стыдясь возможных упреков в недостоверности сказанного. Такая парресия свойственна политикам-популистам и медийным персонажам, зарабатывающим паблисити в стилистике эпатажа и скандала. Во втором (позитивном) случае парресия свойственна экспертам, журналистам и блогерам, представляющим достоверную и критическую информацию, разоблачающую иногда не только популистскую пост-правду, но и сложившиеся стереотипы. И в 1970-1980-х гг. М. Фуко не видел перспектив вычленения позитивной парресии перед накатывавшим валом парресии негативной.

В Античности (первое упоминание парресии встречается в трагедии Еврипида «Ион») парресия была связана с «изегорией» (равенством речи) и «изономией» (равным участием свободных граждан полиса в осуществлении власти). Благодаря этому парресор «брал слово» во всем контексте (политическом, экономическом, моральном, религиозном) жизни социума прямой демократии агоры [24]. И для некоторых парресоров, как известно из случая с Сократом, это заканчивалось печально.

В этой связи можно признать, что негативная парресия (как и связанные с нею фейки и пост-правда) суть следствие институционального склероза гипертрофированных прав на свободу безответственного слова на ранних стадиях Web-пространства. Поэтому рано или поздно, но должен был вызреть запрос на коррекцию негативной парресии, нарушающей человеческое достоинство, угрожающей репутации, благополучию, а то и жизни других людей. Он вызревает вместе с указанной выше динамикой становления «метамодернистской культуральной парадигмы». Цифровизация публичной коммуникации только усиливает и закрепляет данный тренд. При этом стрессовые ситуации, особенно столь глобальные, как коронавирусная пандемия, усиливают вызревание тренда на позитивную паррессию, не только корректирующую негативную паррессию, но и репрезентирующую конструктивные позитивные образцы, что делает эти нарративы нравственными перформативами. Реализация такой парресии становится важнейшим фактором противостояния опасным популистским решениям «харизматичных» лидеров, в том числе в плане противостояния экзистенциальным опасностям [25].

Если перефразировать Ю. Хабермаса [26], то в условиях пандемии политика догоняет и догнала глобализированную экономику. Под вопрос ставятся не рыночные котировки, а жизни конкретных людей и даже групп людей. В такой ситуации возникает «изегория» и «изономия» перед лицом экзистенциальной угрозы, которую негативная парресия только усиливает, приводя

¹⁴ Bejan T.M. The Two Clashing Meanings of 'Free Speech' // URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/12/two-concepts-of-free-speech/546791/> (Дата обращения: 12.04.2020).

к неадекватным решениям и действиям, а остро востребованным становится «позитивный парресор». Он может подвергнуться преследованиям (например, Д. Ассанж, Э. Сноуден, Б. Немцов, А. Навальный или врачи из Ухани, первыми забившие тревогу), доносимое ими слово не сразу становится признанным фактом. Но это не означает, что взятое ими слово не является социально значимым.

В современном цифровизованном информационном обществе позитивная парресия – не привилегия немногих, а нравственный тестирующий долг «берущих слово».

Ergo

Проведенное рассмотрение позволяет констатировать обострившееся противоречие в практике современного публичного дискурса между правом на свободу слова и техническими возможностями его выражения, с одной стороны, и критической массой неоднозначных текстов, порождающей необходимость ее фильтрации, с другой стороны. Помимо технологических и институциональных мер, все большую роль играют самоограничение и личная ответственность. Более того, в кризисных ситуациях возникает запрос на ответственное слово не только политиков, экспертов, журналистов, блогеров, других лидеров общественного мнения, но и со стороны их аудитории, отдельных пользователей. Можно сказать, что античная парресия возвращается в новом формате.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 18-18-00442.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Фуко М.** Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983). М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2010. 384 с.
2. **Бахтин М.М.** К философии поступка. Философия и социология техники. Ежегодник. 1984-1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
3. **Лотман Ю.М.** К проблеме типологии культуры // Труды по знаковым системам III. Тарту: ТГУ, 1967. С. 30–38.
4. **Halliday M.A.K.** Language as social semiotics: The social interpretation of language and meaning. Baltimore (Maryland): University Park Press, 1978. 256 p.
5. **Hodge R., Kress G.** Social Semiotics. Cambridge: Polity, 1988. 280 p.
6. **Leeuwen T. van.** Introducing social semiotics. N.Y., London: Routledge, 2005. 320 p.
7. **Randviir A.** Mapping the world: Towards a sociosemiotic approach to culture. Tartu: Tartu University, 2004. 162 p.
8. **Тульчинский Г.Л.** Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 115–125.
9. **Damasio A.** Self comes to mind: Constructing the conscious brain. N.Y.: Pantheon, 2010. 367 p.
10. **Dennett D.** Freedom evolves. N.Y., London: Penguin Books, 2003. 347 p.
11. **Тульчинский Г.Л.** Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2020. 826 с.
12. **Гройс Б.** В потоке. М.: Ад Маргинем, 2016. 208 с.
13. **Кривенко С.** (сост.) Материалы дискуссий российских правозащитников, экспертов и ученых в 2019 году. М.: Изд. коалиции правозащитников, 2019. 124 с.
14. **Kübler-Ross E.** On death and dying. N.Y.: Scribner, 2014. 304 p.
15. **Inglehart R., Welzel Ch.** Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. 344 p.
16. **Тульчинский Г.Л.** Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза // Философские науки. 2013. № 1. С. 24–38.
17. **Welzel Ch.** Freedom rising: Human empowerment and the quest for emancipation. N.Y.: Cambridge University Press, 2013. 472 p.
18. **Kane R.H.** A Contemporary introduction to free will. Oxford: Oxford University Press, 2005. 208 p.

19. **Olson M.** The rise and decline of nations: Economic growth, stagflation, and social rigidities. New Haven (CT): Yale University Press, 1982. 273 p.
20. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies)*. Lanham (Maryland): Rowman & Littlefield, 2017. 260 p.
21. **Vermeulen T., van den Akker R.** Notes on metamodernism // *J. of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. Pp. 1–14.
22. **Павлов А.** Образы современности в XXI веке: метамодернизм // *Логос*. 2018. Т. 28. № 6. С. 1–19.
23. Karadut I.C. Truth-telling in the era of post-truth: Two cases of parrhesia for democracy // *The Internet, Policy & Politics Conference 2018*. Oxford Internet Institute (OII) / University of Oxford // URL: <http://blogs.oii.ox.ac.uk/policy/wp-content/uploads/sites/77/2018/08/IPP2018-Karadut.pdf> (Дата обращения: 12.04.2020).
24. **Walzer A.E.** Parrhesia, foucault, and the classical rhetorical tradition // *Rhetoric Society Quarterly*. 2013. Vol. 43(1). Pp. 1–21.
25. **Sparks M.** Promoting health in a post-truth world // *Health Promotion International*. 2017. Vol. 32. Issue 4. Pp. 599–602.
26. **Habermas J.** *Postnational constellation: Political essays*. Cambridge (MA): MIT Press, 2001. 216 p.

Статья поступила в редакцию 12.03.2020.

REFERENCES

- [1] **M. Foucault**, *Rech i istina. Lektsii o paresii (1982–1983)* [Speech and Truth. Lectures on parrhesia (1982–1983)]. Moscow: Publishing House Delo, RANEPa, 2010. 384 p. (In Russian)
- [2] **M.M. Bakhtin**, *K filosofii postupka. Filosofiya i sotsiologiya tekhniki* [To the philosophy of action]. *Philosophy and sociology of technology. Yearbook*. 1984–1985. Moscow: Nauka, 1986, p. 80–160. (In Russian)
- [3] **Yu.M. Lotman**, *K probleme tipologii kultury* [On the problem of typology of culture]. *Proceedings on Sign Systems III*. Tartu: TSU, 1967, p. 30–38. (In Russian)
- [4] **M.A.K. Halliday**, *Language as social semiotics: The social interpretation of language and meaning*. Baltimore (Maryland): University Park Press, 1978. 256 p.
- [5] **R. Hodge, G. Kress**, *Social Semiotics*. Cambridge: Polity, 1988. 280p.
- [6] **T. van Leeuwen**, *Introducing Social Semiotics*. N.Y., London: Routledge, 2005. 320 p.
- [7] **A. Randviir**, *Mapping the World: Towards a Sociosemiotic Approach to Culture*. Tartu: Tartu University, 2004. 162 p.
- [8] **G.L. Tulchinskii**, *Rasshireniye vozmozhnostey semioticheskogo analiza: istochniki i sodержaniye kontseptsii «glubokoy semiotiki»* [Expanding the possibilities of semiotic analysis: sources and content of the concept of “deep semiotics”]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2019, No. 11, pp. 115–125. (In Russian)
- [9] **A. Damasio**, *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*, N.Y.: Pantheon, 2010. 367 p.
- [10] **G.L. Tulchinskii**, *Filosofiya postupka: samoopredeleniye lichnosti v sovremennom obshchestve* [Philosophy of action: self-determination of personality in modern society]. St. Petersburg: Aletheia, 2020. 826 p. (In Russian)
- [11] **D. Dennett**, *Freedom Evolves*. N.Y., London: Penguin Books, 2003. 347 p.
- [12] **B. Groys**, *V potoke* [In the stream]. Moscow: Ad Marginem, 2016. 208 p. (In Russian)
- [13] **S. Krivenko**, (comp.) *Materialy diskussiy rossiyskikh pravozashchitnikov, ekspertov i uchenykh v 2019 godu* [Discussion materials of Russian human rights defenders, experts and scientists in 2019]. Moscow: Publishing of human rights defenders coalition, 2019. 124 p. (In Russian)
- [14] **E. Kübler-Ross**, *On death and dying*. N.Y.: Scribner, 2014. 304 p.
- [15] **R. Inglehart & Ch. Welzel**, *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. 344 p.
- [16] **G.L. Tulchinskii**, *Politicheskaya kultura na osyakh tsennostno normativnoy modeli sotsiogeneza* [Political culture on the axes of the value-normative model of sociogenesis]. *Filosofskiye nauki* [Philosophical sciences]. 1 (2013) 24–38. (In Russian)

- [17] **Ch. Welzel**, *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. N.Y.: Cambridge University Press, 2013. 472 p.
- [18] R.H. Kane, *A Contemporary Introduction to Free Will*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 208 p.
- [19] **M. Olson**, *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities*. New Haven (CT): Yale University Press, 1982. 273 p.
- [20] *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies)* /eds R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen). Lanham (Maryland): Rowman & Littlefield, 2017. 260 p.
- [21] **T. Vermeulen, R. van den Akker**, Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*. 2 (2010) 1–14.
- [22] **A. Pavlov**, *Obrazy sovremennosti v XXI veke: metamodernizm [Images of the present in the 21st century: metamodernism]*. *Logos*. 28 (6) (2018) 1–19. (In Russian)
- [23] **I.C. Karadut**, Truth-Telling in the Era of Post-Truth: Two Cases of Parrhesia for Democracy. *The Internet, Policy & Politics Conference 2018*. Oxford Internet Institute (OII) / University of Oxford. Available: <http://blogs.oii.ox.ac.uk/policy/wp-content/uploads/sites/77/2018/08/IPP2018-Karadut.pdf> (Accessed: 12.04.2020).
- [24] **A.E. Walzer**, Parrēsia, Foucault, and the Classical Rhetorical Tradition. *Rhetoric Society Quarterly*. 43(1) (2013) 1–21.
- [25] **M. Sparks**, Promoting health in a post-truth world. *Health Promotion International*. 32 (4) (2017) 599–602.
- [26] **J. Habermas**, *Postnational Constellation: Political Essays*. Cambridge (MA): MIT Press. 2001. 216 p.

Received 12.03.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Тульчинский Григорий Львович
Tulchinskii Grigorii L.
E-mail: gtul@mail.ru

DOI: 10.18721/JHSS.11203
УДК 172.4

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ В СИМВОЛИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Д.А. Аникин¹, А.А. Линченко²

¹ Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Российская Федерация;

² Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Российская Федерация

Проведен анализ государственных праздников, их структурно-функциональных характеристик в современном российском обществе. Для любого государства свойственна трансформация мемориальной культуры, что проявляется как в изменении самой системы памятных дат, так и в символическом перекодировании их содержания. Методология исследования представляет собой синтез акторно-сетевых, праксиологического и системного подходов. Акторно-сетевой подход акцентирует внимание на празднике как совокупности действий и интересов различных акторов, что позволяет поставить вопрос об уникальной совокупности факторов, приводящих к возникновению и закреплению памятной даты. Праксиологический подход вносит аспект динамизма в рассмотрение государственных праздников, изучая их взаимосвязь с повседневными культурными практиками, также выявляя обратное влияние практик на трансформацию символических значений. Системный подход позволяет обеспечить комплексное восприятие различных элементов коммеморативных практик с целью их социально-философского осмысления. На примере трех государственных праздников – Дня Победы, Дня России и Дня народного единства – проанализированы структурно-функциональные и культурно-семиотические аспекты вписывания данных памятных дат в символический ландшафт современного российского общества. Сформирована методология исследования праздников и символических дат на основании анализа политической востребованности, общественного восприятия и праксиологического компонента. С данной точки зрения можно констатировать рассогласованность системы государственных праздников в современной России, что обусловлено следующими причинами: трансформацией символического значения памятных дат в контексте изменяющихся взаимоотношений политических акторов, ситуативностью возникновения праздников в качестве элементов государственной политики памяти, непроработанностью праксиологических оснований.

Ключевые слова: память, коммеморативная практика, символическое пространство, праздник, Россия.

Ссылка при цитировании: Аникин Д.А., Линченко А.А. Памятные даты в символическом пространстве современной России: государственные стратегии и культурные практики // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 30–43. DOI: 10.18721/JHSS.11203

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

COMMEMORATIVE EVENTS IN THE SYMBOLIC SPACE OF MODERN RUSSIA: STATE STRATEGIES AND CULTURAL PRACTICES

D.A. Anikin¹, A.A. Linchenko²

¹Saratov State University, Saratov, Russian Federation;

²Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

The purpose of the article was to analyze public holidays, their structural and functional characteristics in modern Russian society. The authors noted that for any state the transformation of memorial culture is inherent. This is manifested both in a change in the system of memorable dates and in the symbolic recoding of their content. The research methodology was a synthesis of the actor-network, praxeological and systemic approaches. The actor-network approach focuses on the holiday as a set of actions and interests of various actors, which allows us to raise the question of a unique set of factors leading to the emergence and consolidation of a memorable date. The praxeological approach has introduced an aspect of dynamism into the consideration of public holidays, examining their relationship with everyday cultural practices, also revealing the inverse effect of practices on the transformation of symbolic meanings. The systematic approach allowed for a comprehensive perception of the various elements of commemorative practices with a view to their social and philosophical reflection. Based on three public holidays the authors have analyzed the structural-functional and cultural-semiotic aspects of the inclusion of these memorable dates in the symbolic landscape of modern Russian society. The author's contribution is seen in the formation of a methodology for the study of holidays and symbolic dates based on an analysis of political relevance, public perception and the praxeological component. From this point of view, one can state the inconsistency of the system of public holidays in modern Russia, which is due to the following reasons: the transformation of the symbolic meaning of memorable dates in the context of changing relationships of political actors, the situational nature of holidays as elements of the state memory policy, and the lack of elaboration of praxeological grounds.

Keywords: memory, commemoration, symbolic space, holiday, Russia.

Citation: D.A. Anikin, A.A. Linchenko, Commemorative events in the symbolic space of modern Russia: state strategies and cultural practices, *Society. Communication. Education*, 11 (2) (2020) 30–43. DOI: 10.18721/JHSS.11203

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Постановка проблемы

14 апреля 2020 года Государственная Дума России приняла закон об изменениях в списке Дней воинской славы и памятных дат. На этот раз выбор пал на 3 сентября, который был назван «Днем окончания Второй мировой войны». Казалось бы, одна памятная дата (2 сентября) утрачивает свое общественное значение, а на смену ей приходит еще один День воинской славы. Перемена символического значения дат – явление в современной России далеко не новое. Здесь можно вспомнить о смене общественного значения Дня Конституции, появлении новых праздничных дат силовых служб и ведомств, а также об отмене старых и появлении новых государственных праздников (День народного единства). Происходящие изменения в символической политике свидетельствуют о наличии трансформационных процессов в самой праздничной культуре России, так и не прекращающихся в течение уже почти трех десятилетий существования молодого государства. Современные исследователи характеризуют сложившуюся ситуацию как «кризис праздничности» [1–4]. Как правило, данный кризис связывается как с неоднородностью российской идентичности, так и с незавершенностью процессов формирования российской гражданской нации.

Вместе с тем, было бы ошибкой представлять российский случай как уникальный. Как показано в [5], процессы изменения смысла и содержания символических дат и национальных праздников являются естественным процессом конструирования социальных общностей, где традиции изобретаются, забываются или даже просто отменяются в силу культурных или политических причин. Авторы книги склонны интерпретировать национальные праздники как «нестабильные символы» (*unstable signifiers*), поскольку по сравнению с другими национальными символами праздники, во-первых, «циклически и случаются только раз в год». Во-вторых, «несмотря на то, что праздники вносят в нашу жизнь 24-часовую «паузу», люди могут сознательно их игнорировать, не воспринимая как «нечто особенное». А, в-третьих, «их смысл со временем может измениться» [5, с. 17]. На примере целого ряда зарубежных стран авторы стремятся по-

казать, что, по-видимому, не существует ни одного государства, где национальный календарь праздников разделялся бы одинаково всеми членами общества и не требовал каких-либо дополнений или изменений. Указывая на факт отражения текущей общественно-политической ситуации в праздничной культуре, авторы не дают уверенного ответа на вопрос о том, каким должен быть современный государственный праздник, чтобы он вызывал доверие не только коренного населения, но и сообществ мигрантов, ставших важной частью принимающих обществ на Западе в последние десятилетия.

При этом существенным вопросом в рамках изучения мемориальной культуры является выяснение не только политических причин появления новой коммеморативной даты, но и алгоритмов ее закрепления в политической культуре населения и в социальных практиках.

Методология исследования

Проблемы памятных дат, национальных дней и общественных коммемораций давно находятся в фокусе не только исследований памяти (*memory studies*), но и исследований культуры (*cultural studies*), привлекают внимание политологов, социологов и историков. Это связано с тем, что современное понимание национальных праздников, коммеморации памятных дат и национальных дней рассматривает их в качестве важного символического ресурса общества и его трансформации. При этом большинство работ посвящены исследованиям отдельных национальных дней и их ритуалов в разных странах мира. Характерно, что ведущую роль в данных исследованиях продолжает играть методология критического дискурс-анализа. В этой связи можно указать на работы Р. Уайта [6], А. Адамчука [7], Б. Блэра [8], Г. Ариэле [9]. Не потерял своей актуальности в последние годы и конструктивистский подход, нашедший отражение в недавних теоретических исследованиях национальных и транснациональных коммемораций [10, 11]. Не меньший интерес вызывает исследование национальных дней и памятных дат в аспекте их восприятия мигрантами [12, 13], в свете туризма [14], а также исследования спонтанных мемориалов [15].

Авторы данной статьи опирались на конструктивистский подход, предполагающий, что восприятие прошлого, отбор значимых свидетельств о нем и способы их конфигурации предопределяются и формируются социально-культурными контекстами и практиками памяти и забвения. Иначе говоря, содержание памяти и формы его организации будут обуславливаться характером задач, которые видятся приоритетными в культуре и в зависимости от способов деятельности. Они же будут детерминировать и способы использования прошлого для достижения тех или иных целей. Более того, наличие этой корреляции может забываться и восприниматься как некоторое естественное и само собой разумеющееся положение дел. Важное значение для нас также имеют положения акторно-сетевой теории и системного подхода. Акторно-сетевая теория, представленная работами Б. Латура, Д. Ло и Д. Урри, позволяет рассматривать конкретную памятную дату как результат диахронического взаимодействия различных акторов, деятельность которых может определяться самими различными факторами: от политических интересов властвующих элит и индивидуальных предпочтений лидеров до учета уже существующих культурных традиций и распределенности праздников на протяжении календарного года. Каждый праздник представляет собой узел символической сети, сплетаемой отсылками к прошлому, но и точно также и учетом сиюминутных политических интересов, что делает необходимым комплексное рассмотрение нескольких уровней функционирования символических дат: политическая ангажированность, общественное восприятие и праксиологическая наполненность. Именно поэтому анализ праздничных дат в качестве значимых элементов коммеморативного пространства должен опираться на выявление данных уровней и рассмотрение взаимосвязей между ними.

Использование системного подхода позволит нам взглянуть на процесс конструирования праздника как на систему отношений, возникающую между важнейшими составными элемен-

тами праздника. Цель нашей статьи – выявление особенностей системной целостности ряда важнейших российских государственных праздников и анализ наиболее продуктивных способов дальнейшего их конструирования для преодоления кризиса праздничной культуры в современной России. В связи с этим мы опирались не только на результаты социологических исследований последних лет¹ [16], работы политологов [17–19], культурологов [20, 21], психологов [22], но и на наши собственные исследования коммеморативного пространства России и её политики памяти [23–26].

Одним из лучших определений праздника, данных в рамках конструктивистской методологии, является определение Пьера Бурдьё, который интерпретировал праздник как набор устойчивых ритуализированных социальных и политических практик, призванных обеспечивать «консенсус людей по поводу смысла социального мира» [27, с. 92]. Следует упомянуть еще одно важное значение праздников, отмеченное М.М. Бахтиным. Он писал: «Никакое упражнение в организации и усовершенствовании общественно-трудового процесса, никакая игра в труд и никакой отдых для передышки в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной формы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, то есть из мира идеалов. Без этого нет и не может быть никакой праздничности» [28, с. 13–14].

Современные отечественные исследователи, анализируя методологические основания интерпретации смысла и значения государственного праздника, указывали на такие характерные признаки государственных праздников, как особая темпоральность, ритуальность, карнавальность (зрелищность) и сакральность [1, с. 67–68]. В дальнейшем это поможет нам проанализировать ряд современных российских государственных праздников с точки зрения их системности. Не менее важным для нашего эмпирического анализа является конструктивистский тезис о важной роли как политики памяти, так и мифологизации массового сознания в процессе «изобретения» праздника и его трансляции в культуре.

В нашем понимании, системность праздника как события памяти связана как с его включенностью в пространство коллективных воспоминаний и культуру времени (внешний аспект), так и с согласованностью тех элементов, которые составляют само бытие праздника (внутренний аспект). Именно в рамках этих двух аспектов мы и развернули наше исследование трех государственных праздников, имеющих или предполагающих важное символическое значение: Дня Победы (9 мая), Дня России (12 июня), Дня народного единства (4 ноября). Выбор данных праздников обусловлен тем, что каждый из них имеет определенную мемориальную этиологию, каждый отсылает к конкретной хронологической точке в пространстве исторической памяти, но совмещение этих точек в пределах одной системы координат приводит к своеобразным символическим эффектам, которые вряд ли могли быть предугаданы инициаторами их установления в качестве государственных праздников.

Результаты исследования

Говоря о внешнем аспекте трансформации смысла и значения избранных нами праздников можно было бы в очередной раз высказать тезис о неоднородности российской идентичности, равно как и незавершенности процессов формирования российской гражданской нации. Однако более продуктивно обратить внимание на промежуточные звенья между идентичностью российской нации и кризисом праздничной культуры в России. С нашей точки зрения, такими звеньями являются, во-первых, перманентная трансформация символического пространства

¹ Левада-центр. Важные праздники. 20.02.2014 // URL: <https://www.levada.ru/2014/02/20/vazhnye-prazdniki/>; Левада-центр. День Победы. 30.04.2019 // URL: <https://www.levada.ru/2019/04/30/den-pobedy-3/>; Левада-центр. День России. 09.06.2018 // URL: <https://www.levada.ru/2018/06/09/den-rossii-8/>

России, а, во-вторых, рассогласование синхронических и диахронических аспектов мемориальной культуры. Вместе они составляют символическое пространство и время бытия праздничной культуры.

Многолетние опросы ВЦИОМ дают основания исследователям утверждать о постепенном росте неоконсервативных представлений простых россиян, что находит выражение в таких явлениях, как усилившийся за последние двадцать лет общественный запрос на сильную власть, ориентация населения на идеалы социальной справедливости, воплощенные в определенной ностальгии по советской эпохе в оценках всех поколений (и прежде всего эпохам Брежнева и Сталина) [16, с. 161]. Сохраняет свое значение и тезис об антимобилизационном характере ценностей россиян и их уходе в сферу локальных интересов и партикулярных версий исторической памяти, ориентированных на семью и локальную социальную группу [23, с. 125]. На это указывает в том числе и популярность акции «Бессмертный полк», первоначально возникшей как стихийная и региональная коммеморативная практика, а в дальнейшем уже получившая официальный статус. Исторические интересы современных россиян, как и советских граждан в конце 80-х гг. XX века, во многом направлены на эпохи Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Великой Отечественной войны [25, с. 92]. Ключевым историческим событием, выступающим мощнейшим и наиболее положительным символом идентификации в историческом сознании россиян, продолжает оставаться Великая Отечественная война. Вместе с тем важный статус данного события сохраняется на фоне локализации и регионализации культурной памяти в стране [29, с. 63–64].

Однако кризис праздничной культуры может быть интерпретирован и в контексте противоречий трансформации культуры времени в постсоветский период. Мысль о том, что каждая культура порождает свою форму осмысления и описания времени не нова. Наиболее ярко ее выразили Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, которые указывали на то, что «память же культуры строится не только как склад текстов, но и как определенный механизм порождения. Культура, соединенная с прошлым памятью, порождает не только свое будущее, но и свое прошлое, в этом смысле представляя механизм противодействия естественному времени» [30, с. 30]. Исследователи подчеркивают, что «равенство во времени не может сводиться к простой физической одновременности естественного закона» [31, с. 147]. В этой связи Б. Бевернаж приводит слова известного мыслителя Л. Альтюссера, который отмечал, что «нельзя больше полагать, что процесс развития разных уровней целого происходит в одном и том же историческом времени. У каждого из этих разных уровней имеется свой собственный тип исторического существования. Мы должны придать каждому уровню особое время, относительно автономное и, следовательно, относительно независимое, даже в своей зависимости, от “времен” других уровней» [32, с. 193].

Специфика постсоветской России и ее культуры времени связана, с одной стороны, с сохранением влияния элементов советской эпохи и памяти о ней, а, с другой стороны, с серией неудачных попыток представителей политической элиты 1990-х и 2000-х гг. заменить ее на новую культурную модель времени [33, с. 229]. Это привело к смешению различных темпоральностей, что и находит до сих пор отражение в известной пестроте праздничного календаря россиян. Речь идет о влиянии дореволюционной культуры времени, проявляющейся в первую очередь в религиозных и языческих праздниках (Рождество, Пасха, Крещение, Масленица). Речь также может идти об элементах советской культуры времени, сохраняющейся в праздниках 23 февраля, 8 марта, и, конечно, в наиболее популярных в современной России празднованиях Нового года и Дня Победы. Наконец, еще один пласт представляет собой хрупкая культура времени, репрезентированная праздниками постсоветской России (День Конституции, День России, День народного единства). В отношении дореволюционной и советской культур времени следует заметить, что, по мнению исследователей, они являли пример высокого уровня согласованности.

С одной стороны, если не считать двух Царских дней, то все праздники Российской Империи «были православными праздниками, призванными поддерживать и укреплять православие как мировоззренческую основу сохранения государства Российского. Один праздник раскрывал значение другого, и все вместе они были взаимосвязаны, давая опыт переживания событий священной истории» [22, с. 9]. С другой стороны, как показывает М. Рольф, советские праздники, имея в качестве основополагающего основания миф о революции, также обладали высоким уровнем согласованности. Еще одной чертой советских праздников, сохраняющих свое значение и сегодня, является их устойчивость. Речь идет об их способности интегрироваться в новую культурную среду, в силу универсальности полагаемых ценностей и высокого уровня адаптивности [18, с. 354]. На это же указывают и зарубежные исследователи, говоря о «беспрецедентной идеологической связности» и «значительной гибкости» советского символического метанарратива [33, с. 266].

Однако, как мы показали выше, символическое пространство и время праздника является только внешним аспектом понимания его как системного явления. Не менее важен и внутренний аспект, где все составляющие элементы праздника, его символическая и ритуальная стороны, образуют определенное единство. Поясним, что символическая сторона праздника представляет собой как те смыслы, которые государство вкладывает в праздник, так и те, которые доминируют в сознании общества в процессе его отмечания. В этой связи рассмотрим подробнее взаимосвязь данных элементов на примере трех государственных праздников: Дня Победы, Дня России и Дня народного единства (включая контекст праздника Октябрьской революции).

Большинство современных российских исследователей сходятся во мнении о центральном значении Дня Победы для всей праздничной культуры современной России [1–3, 12, 16, 19–21]. Несмотря на то, что данный праздник пришел в новую Россию из советского календаря, в силу целого ряда причин следует говорить о высоком уровне его системности, где символическая и ритуальная стороны не противоречат друг другу, и где государственные и общественные смыслы оказываются согласованными. При этом символическая сторона праздника со стороны вкладываемых в него государственных смыслов практически не претерпела существенных изменений. Её стержневой идеей является Победа Советского Союза и гордость за военные и трудовые подвиги советских людей в годы войны. Встречные смыслы, вкладываемые населением, во многом соответствуют этой позиции. Только в последние годы Левада-центр констатирует некоторое снижение доли респондентов, связывающих День Победы с чувством «радости в связи с тем, что наша страна одержала победу в Великой войне», а также рост числа ответов в категории «Скорбь по поводу миллионов погибших в этой войне». Между тем, наш анализ Интернет-пространства коммеморации Дня Победы показал, что в отличие от массовых опросов оно демонстрирует тенденцию девальвации исторических смыслов и уход в партикулярные версии исторической памяти (семья, локальная группа), а также поляризацию массового исторического сознания. Мы установили: «Отмечена известная избирательность, резкость оценок; доминирование советских идеологических клише; взаимосвязь обсуждения с современными внешне- и внутривнутриполитическими проблемами; актуализация семейной памяти, а также использование темы Победы в ВОВ в качестве площадки для критики действующей власти. И вместе с тем тема Победы остается в интернет-среде и массовом историческом сознании как один из важнейших символов патриотизма, семейной исторической идентичности» [23, с. 130].

Существенным дополнением советских ритуалов праздника стали широко распространенные акции «Георгиевская ленточка» и «Бессмертный полк», ставшие своеобразными инициативами «снизу» и очень быстро подхваченные официальными органами власти.

Несмотря на то, что День России (до 2002 г. – День принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации) изначально создавался как абсолютно новый праздник, призванный стать основой для постсоветского демократического нарратива, отношение к нему

со стороны населения в 1990-е гг. было достаточно настроенным. Принципиальная проблема заключалась в непонимании населением самого символического смысла события. Ключевая проблема состояла в том, что праздник указывал на независимость России от СССР, правопреемницей которой при этом являлась именно демократическая Россия. Однако и после переименования праздника в более нейтральный День России, население еще несколько лет по инерции называло его Днем независимости. Только с 2014 года, как показывают данные Левада-центра, начинается возрастание числа респондентов, правильно называющих данный праздник. Согласно данным исследований ВЦИОМ, еще несколько лет назад 72 % россиян рассматривали данный праздник как выходной день, а 20 % вообще полагали, что Россия больше потеряла, чем приобрела в ходе разрушения Советского государства [21, с. 23]. Эта тенденция отчетливо проявилась во время исследования праздничной культуры Санкт-Петербурга, где интересующий нас праздник как значимое мероприятие оценили только представители возрастной группы 50–59 лет, обладающие начальным профессиональным и средним специальным образованием, квалифицированные рабочие, горожане с доходами на уровне прожиточного минимума.

Значительно интереснее другой вывод исследования: «склонны считать празднование Дня России незначимым мужчины, обладатели высшего образования, государственные служащие и работники административных структур, специалисты с высшим образованием в непроектной сфере, горожане, чей доход более чем трехкратно превышает прожиточный минимум, и отказавшиеся отвечать на вопрос о доходах, относящие себя к среднему слою, жители» [19, с. 40]. Безусловно, ответы респондентов Санкт-Петербурга не могут репрезентировать всю страну. Однако Санкт-Петербург является вторым городом России и ее «культурной столицей», крупным научным центром. В этой связи ответы петербургских респондентов хорошо демонстрируют достаточно нейтральное отношение представителей государственной власти к символической стороне Дня России. При бедности или абстрактности вкладываемых в День России смыслов наблюдается экспансия знакомой россиянам по Дню Победы риторики о защите своих домов от врагов, а среди мероприятий оказывается, например, парад колясок с военной символикой², реконструкция операции Берлинского штурма³ или открытие военно-патриотического лагеря «Ратники Отечества. Бородино – 2018».⁴ Не спасает положение ритуальная сторона праздника, включающая в себя праздничные концерты и мероприятия в городах России и в столице, мероприятия в музеях-заповедниках «Царицыно» и «Коломенское». Несмотря на то, что Президент Российской Федерации в этот день вручает Государственные премии, событие освещается СМИ только в день праздника и быстро уходит из эфира. Интересной практикой последних лет стало параллельное празднование в День России дней городов. Однако речь идет только о 15 городах, причем ритуальная сторона региональных коммемораций тоже в большей мере отсылает к пониманию данного праздника как «всеобщего выходного дня».

Несколько иная ситуация сложилась вокруг празднования Дня народного единства (4 ноября). Как известно, данный праздник появился в 2004, поставив точку на официальном статусе 7 ноября, который в своем названии с 2001 года пытался соединять разнородные смыслы (годовщина Октябрьской революции и день согласия и примирения). Стремление российской политической элиты и значительной части общества максимально абстрагироваться от той совокупности социальных практик, которые условно можно назвать «советскими», вызвала к жизни естественное обращение к Российской Империи не только как к объекту утраченных возможностей, но и как к источнику разнообразных политических и культурных практик. Казалось бы в данном случае мы обнаруживаем достаточно устойчивые смыслы, вкладываемые государством в символиче-

² На День города в Тамбове: патриотическое шествие, парад военных колясок и Лайма Вайкуле // URL: <http://lifetambov.ru/kultura/3099-na-den-goroda-v-tambove-patrioticheskoe-shestvie,-parad-voennyix-kolyasok-i-lajma-vajkule.html>

³ 120 реконструкторов показали в Тамбове фрагмент Берлинского штурма // URL: <https://www.onlinetambov.ru/news/society/120-rekonstruktorov-pokazali-v-tambove-fragment-berlinskogo-shturma/>

⁴ Участникам, организаторам и гостям военно-патриотического лагеря «Ратники Отечества. Бородино – 2018» // URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/57721>

скую сторону праздника: 1) стремление символически перекодировать другую дату, выпадающую на начало ноября (7 ноября, День Октябрьской революции); 2) расширить символический ряд исторических позитивных событий, который в позднесоветском дискурсе постепенно свелся исключительно к победе в Великой Отечественной войне; 3) использовать наиболее простой и, в краткосрочном периоде, эффективный вариант консолидации общества по отношению к внешнему врагу, которым на тот момент выступила Польша [26, с. 67].

После 2014 года символическое значение данного праздника для государства несколько меняется: патриотический поворот обусловил необходимость использования всех возможных символических ресурсов для консолидации населения. Идея единения народа против смуты, борьбы с иноземцами, посягающими на основы русской культуры и государственности, хорошо подходила для этой цели. Однако уже и до этого, в 2012, президент В.В. Путин в своей программной статье «Россия: национальный вопрос» связал 4 ноября с рождением «российской гражданской нации». В политических условиях второй половины 2014 года 4 ноября из конкурента 7 ноября должен был превратиться в актуальный праздник, который вносит вклад в повышение социальной сплоченности. В 2017 году День народного единства проходил под девизом «Россия объединяет», что более соответствовало современным потребностям, чем коммеморация событий 1612 года. Последнее смысловое значение особенно проявилось в контексте стремления власти дистанцироваться от празднования 100-летней годовщины Октябрьской революции в 2017 [17].

По сравнению с Днем России, реакция массового исторического сознания в отношении Дня народного единства выглядит оптимистичнее. Мы уже отмечали, что за последние годы не только выросла доля респондентов, узнающих данный праздник, но и увеличилось число тех, кто «испытывают особые чувства в этот день» (36 %) [26, с. 67]. На эти же выводы указывают результаты всероссийского социально-психологического исследования, которое проводилось Институтом психологии РАН с 2007 по 2015 гг. Анализ субъективного опыта переживания праздника за представленный период позволил исследователям говорить о позитивной динамике.

Ключевой проблемой по-прежнему остается интерпретация праздника как «очередного выходного» и близость даты 7 ноября, накладывающая тень на новый государственный праздник [22, с. 12]. Существенной проблемой праздника также является наличие в нем нескольких скрытых тенденций трансформации, связанных с интерпретацией праздника различными общественными акторами, что создает риски для официального смысла события. Как мы уже говорили, один из них связан с религиозной стороной праздника, что позволяет Русской Православной Церкви использовать праздник как символический ресурс для укрепления своего положения в обществе и государстве [26, с. 68]. Ещё один риск связан с ростом влияния правых националистических сил, стремящихся использовать праздник для проведения «Русского марша». Двусмысленность восприятия населением праздника сохраняется и в отношении идеи многонациональности российского народа, что визуализируется представлением национальных костюмов, кухни, традиций и обычаев. При всей привлекательности данной идеи, «акцентируется именно «инаковость», а не разнообразие народов как граждан России» [26, с. 69].

Ритуальная сторона праздника по сравнению с Днем России выглядит более оптимистичной. Привычные демонстрации и официальные речи политиков дополняются религиозными шествиями, а также выставками национальных культур [34]. Вместе с тем и здесь наблюдается уже упоминавшаяся экспансия ритуалов Дня Победы. Как и День Победы, День народного единства «знаменует преданность нашего народа своей стране, родной земле», а нерасторжимость такой связи, ответственность за Отечество «всегда служили основой для независимости и суверенитета России, а патриотизм и любовь к Отчизне столетиями скрепляли нашу многонациональную страну». ⁵ Описание торжественного шествия в День народного единства (4 ноября) в ленте

⁵ Владимир Путин принял участие в торжествах по случаю Дня народного единства // Путин сегодня // URL: <http://www.putin-today.ru/archives/6601> (Дата обращения: 14.12.2017).

новостей легко перепутать с парадом 9 мая: «...в городе-герое Севастополе праздник начался с церемонии возложения венков к Вечному огню. На улицах с утра шествия и гулянья в сопровождении военных оркестров. Горожане несли флаги и транспаранты, а молодежь скандировала патриотические лозунги». ⁶ Георгиевская ленточка – главный современный символ Дня Победы – проносится участниками демонстрации Дня народного единства. ⁷

Заключение

Можно констатировать, что само понятие «сеть», используемое по отношению к праздникам, предполагает два основных аспекта. Во-первых, внутренней сетевой структурой обладает каждый праздник по отдельности, представляя собой динамично изменяющийся результат консенсуса между различными политическими и общественными акторами [35]. Достижение подобного консенсуса в определенный исторический момент дает возможность возникнуть памятной дате, но далее подключается диахронический аспект – и у праздника появляется собственная жизнь, появляется ритуальная составляющая, которая вписывается в повседневное бытие граждан, становясь элементом этого самого бытия. Во-вторых, сеть создается из отдельных праздников, и вот здесь возникает существенная проблема, поскольку внутренняя целостность каждой памятной даты по отдельности тяжело конвертируется в общую системность мемориальной культуры и государственной политики памяти [36].

День Победы, как памятная дата, возникает в конкретной исторической ситуации середины 60-х гг., становясь способом переключения общественного сознания на позитивный опыт советского прошлого, но также и выступая важной отсылкой к персональной биографии Л.И. Брежнева. Но траектория существования этого праздника оказывается намного сложнее той евклидовой прямой, которая представляется при поверхностном взгляде, останавливающимся лишь на внешних проявлениях и игнорирующим их различную символическую природу. Его актуализация в середине 90-х гг. становится проявлением коллективного ресентимента как результата проигрыша в «холодной войне» и закрепляется в результате травматизации краха «советской империи» в государственной политике памяти начала 2000-х гг. [37]. Вместе с тем символическая исчерпанность советских мемориальных практик активизирует поиск новых форм выражения «позитивного прошлого», в качестве которых и начинают выступать такие феномены, как «Георгиевская ленточка» и «Бессмертный полк». Не следует забывать и о том, что абсолютная ценность Дня Победы в качестве основного символического капитала делает эту памятную дату и объектом конкуренции со стороны политических акторов. Так, своеобразной стратегией символического присвоения Великой Отечественной войны и ее коммеморативных выражений становится деятельность Русской Православной Церкви по конструированию собственных культурных практик, например, участие в коллективном молебне для участников парада на Красной площади 9 мая.

День России остается символически незаполненной клеткой государственного календаря в силу своего несоответствия актуальной политической повестке. Он является рудиментарным наследием тех самых 90-х гг., которые подверглись негативной стигматизации как в политической риторике начала XXI века, так и в общественном сознании, травмированном экономическими катаклизмами и социальными неурядицами постсоветской действительности.

Парадокс этого праздника в том, что он задумывался для принципиально иного символического контекста, но продолжил существовать в изменившемся коммеморативном ландшафте, воспринимаясь, в большей степени, не как точка отсчета новой России, а как скорбь по утра-

⁶ «Мы едины!» — 85 тысяч в Москве и сотни тысяч по всей России // URL: <http://www.ridus.ru/news/203338> (Дата обращения: 14.12.2017).

⁷ 15 тысяч ульяновцев приняли участие в шествии, посвященном Дню национального единства // URL: <https://ulpressa.ru/2015/11/04/15-tyisyach-ulyanovtsev-prinyali-uchastie-v-shestvii-posvyashhennom-dnyu-narodnogo-edinstva/> (Дата обращения: 16.12.2017).

ченному прошлому. В рамках современной конфигурации политических акторов эта памятная дата остается уделом лишь либеральных партий, но даже для них существенным «минусом» является отсутствие практик или символических действий, напрямую связанных с Днем России. В этом смысле День России – яркий пример того, как памятная дата, призванная увековечить определенное историческое событие, утрачивает свое символическое «означающее», превращаясь во внеочередной выходной [38].

День народного единства демонстрирует еще одну специфическую тенденцию символического пространства России: слабую рефлексию по поводу последствий того или иного символического жеста. Возникнув в контексте обострения политических отношений России и Польши, а также в качестве противовеса годовщине Октябрьской революции, этот праздник с самого начала оказался в достаточно маргинализированном состоянии, а неразработанность символического наполнения и ритуальных элементов привели к его присвоению различными политическими акторами, прежде всего, националистического толка. Ключевая проблема Дня народного единства заключается в его слабом соотношении с теми мемориальными координатами, которые структурируют коллективное сознание современных россиян. При всей разрозненности и плюралистичности траекторий культурной памяти отсылки к Смутному времени практически отсутствуют в актуальном слое российской мемориальной культуры, что позволяет придавать этому празднику весьма произвольные значения [39].

В символическом ландшафте современной России эти праздники занимают диаметрально противоположное значение: наряду с абсолютизированной значимостью Дня Победы сосуществует День народного единства с «плавающей» идентичностью и практически полностью деперсонализированный День России. Но самое парадоксальное свойство этой конструкции заключается в том, что представить себе гражданина России, который готов видеть в каждом из этих праздников нечто большее, кроме еще одного выходного дня, практически невозможно.

В чем причина такой рассогласованности? По сравнению с советской мемориальной системой авторы формулируют следующие проблемы формирования государственного календаря памятных дат в современной России:

1. Трансформация символического значения памятных дат в контексте изменяющихся взаимоотношений политических акторов. Важной чертой символической культуры является преемственность, разумеется, не как статичность символических элементов, а как сознательные усилия по вписыванию уже сложившихся мемориальных образов в новые социально-политические и культурные контексты. Можно констатировать недостаточность усилий государственной власти именно по прописыванию символических «связок», что нередко приводит к парадоксальным ситуациям, когда под патронажем Министерства культуры вешается памятная табличка маршалу К. Маннергейму, а Государственная прокуратура возбуждает уголовное дело по поводу жертв советско-финской войны.

2. Ситуативность возникновения праздников в качестве элементов государственной политики памяти. Данная проблема в большей степени демонстрирует системный сбой в российской мемориальной политике, которая направлена на конфронтацию с внешнеполитическими акторами, использующими в качестве мишеней уязвимые места отечественной истории. Будучи относительно эффективным в каждом конкретном случае, этот прием порождает рискованные последствия относительно комплексного устройства символического пространства, поскольку вынуждает вписывать новые «места памяти» в имеющийся ландшафт, что приводит к низкой степени согласованности различных памятных дат друг с другом.

3. Непроработанность праксиологических оснований памятных дат. Данный аспект выглядит, на первый взгляд, техническим, но на самом деле представляет собой одну из важнейших проблем для российской символической политики. Любой символ не может существовать лишь в сознании носителей, он нуждается в конкретизации путем создания географически локали-

зованных памятных мест, что также подразумевает создание и развитие соответствующей туристической инфраструктуры, но также он должен соотноситься с уже имеющимися культурными практиками. Как показывает опыт символической политики последних десятилетий, наибольшим потенциалом обладают те символы, которые создают «эффект узнавания», поскольку перекодируют уже имеющиеся практики, придавая им новое значение.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ефремова В.Н.** Государственные праздники как инструменты символической политики: возможности теоретического описания // Символическая политика: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 66–80.
2. **Юдин Н.Л.** Социальный смысл праздника. М.: Независимый институт гражданского общества, 2006. 154 с.
3. **Крылова В.Н.** Проблемы и перспективы современной российской праздничной культуры // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4-1. С. 43–47.
4. **Артюшкина В.В.** Праздничная культура как способ социальной консолидации // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2018. № 2 (26). С. 116–126.
5. National days: Constructing and mobilizing national identity / Ed. by McCrone D. and McPherson G. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2009. 288 p.
6. **White R.** National days and the national past in Australia // Australian Cultural History. 2003. No. 23. Pp. 55–72.
7. **Adamczyk A.** On Thanksgiving and collective memory: Constructing the American tradition // J. of Historical Sociology. 2002. No. 15(3). Pp. 343–365.
8. **Blehr B.** Sacred Unity, Sacred Similarity: Norwegian Constitution Day Parades // Ethnology. 1999. No. 38. Pp. 175–189.
9. **Gal A.** National Days, national identity, and collective memory: Exploring the impact of Holocaust Day in Israel // Political Psychology. 2019. Vol. 40. Issue 6. Pp. 1391–1406.
10. **Björkdahl A., Kappler S.** The creation of transnational memory spaces: Professionalization and commercialization // Internat. J. of Politics, Culture & Society. 2019. Vol. 32. Issue 4. Pp. 383–401.
11. **Sumartojo S.** Commemorative atmospheres: memorial sites, collective events and the experience of national identity // Transactions of the Institute of British Geographers. 2016. No. 41. Pp. 541–553.
12. **Coopmans M., Jaspers E., Lubbers M.** National day participation among immigrants in the Netherlands: the role of familiarity with commemorating and celebrating // J. of Ethnic and Migration Studies. 2016. Vol. 42. No. 12. Pp. 1925–1940.
13. **Schall C.E.** Multicultural iteration: Swedish National Day as multiculturalism-in-practice // Nations and Nationalism. 2014. No. 20 (2). Pp. 355–375.
14. **Dimitrovski D., Senić V., Marić D., Marinković V.** Commemorative events at destination memorials – a dark (heritage) tourism context // Internat. J. of Heritage Studies. 2017. Vol. 23. Issue 8. Pp. 695–708.
15. **Greenspan E.** Spontaneous memorials, museums, and public history: Memorialization of September 11, 2001 at the Pentagon // The Public Historian. 2003. Vol. 25. No. 2. Pp. 129–132.
16. От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян. М.: ВЦИОМ, 2007. 224 с.
17. **Малинова О.Ю.** Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 9–25. // URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>
18. **Рольф М.** Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.
19. **Попова О.В.** Политика идентичности: отношение петербуржцев к праздничным мероприятиям в городе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017 (4). С. 37–48.
20. **Крюкова О.С.** Праздники России в концептосфере национальной идентичности // Россия: тенденции и перспективы развития. М.: ИНИОН РАН, 2016. Вып. 11. С. 508–510.
21. **Шаповалов С.Н.** Формирование государственных праздников современной России // Общество: Социология, Психология, Педагогика. 2013. № 3. С. 20–26.

22. **Воловикова М.И., Борисова А.М.** Психологические предпосылки принятия личностью нового государственного праздника // Прикладная юридическая психология. 2016. № 2. С. 6–13.
23. **Головашина О.В., Линченко А.А., Аникин Д.А.** Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3 (395). С. 123–133.
24. **Linčenko A., Anikin D.** Bad revolution, good tradition: Russia's parties and the October Revolution // Osteuropa: Zeitschrift fuer Gegenwartsfragen des Ostens. 2017. Vol. 67. No. 6-8. Pp. 371–382.
25. **Мерзлякова И.Л., Линченко А.А., Овчинникова Э.В.** Об историческом сознании современной студенческой молодежи // Социологические исследования. 2014. № 12 (368). С. 89–96.
26. **Головашина О.В., Аникин Д.А.** Неожиданные издержки Победы: 4 ноября в контексте политики памяти и массового исторического сознания // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 66–73. DOI: 10.17223/15617793/429/8
27. **Бурдые П.** О символической власти // Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.
28. **Бахтин М.М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 541 с.
29. **Васильев А.Г.** Политика памяти: российский опыт в свете теоретико-методологической рефлексии // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 14 (136). С. 59–68.
30. **Лотман Ю.М., Успенский Б.А.** Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова. Тарту, 1977. С. 3–36.
31. **Fabian J.** Time and the Other. How anthropology makes its object. N.Y., 2002.
32. **Бевернаж Б.** Аллохронизм, равенство во времени и современность. Критика проекта радикальной современности Йоханнеса Фабиана и доводы в пользу новой политики времени // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 174–202.
33. **Gill G.** Symbols and legitimacy in Soviet politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. 356 p.
34. **Transforming national holidays: Identity discourse in the West and South Slavic countries, 1985–2010.** Amsterdam: John Benjamins, 2013. 314 p.
35. **Olick J.K.** Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case // The Politics of Regret: on Collective Memory and Historical Responsibility. New York: Routledge. 2007. Pp. 85–118.
36. **Аникин Д.А.** Исторический миф как предмет “memory studies”: в поисках методологии исследования // Электронный научно-образовательный журнал “История”. 2018. № 6.
37. **Сыров В.Н.** К вопросу о моральной составляющей исторической культуры // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2019. № 58. С. 117–124. DOI: 10.17223/19988613/58/17
38. **Репина Л.П.** Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15.
39. **Линченко А.А.** Праксиологическое понимание ценностей исторического сознания // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 64–71. DOI: 10.17223/15617793/440/9

Статья поступила в редакцию 19.04.2020.

REFERENCES

[1] **V.N. Yefremova,** Gosudarstvennyye prazdniki kak instrumenty simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti teoreticheskogo opisaniya [Public holidays as instruments of symbolic politics: possibilities of theoretical description]. Symbolic politics: collection of scientific articles. Moscow: INION RAS, 2014. Pp. 66–80.

[2] **N.L. Yudin,** Gosudarstvennyye prazdniki kak instrumenty simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti teoreticheskogo opisaniya [The social meaning of the holiday]. Moscow: Independent Institute of Civil Society, 2006. 154 p.

- [3] **V.N. Krylova**, Problemy i perspektivy sovremennoy rossiyskoy prazdnichnoy kultury [Problems and prospects of modern Russian holiday culture]. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 4-1 (2015) 43–47.
- [4] **V.V. Artyushkina**, Prazdnichnaya kultura kak sposob sotsialnoy konsolidatsii [Holiday culture as a way of social consolidation]. *Humanitarian Bulletin of TSPU named after L.N. Tolstoy*. 2 (26) (2018) 116–126.
- [5] National days: constructing and mobilizing national identity. Ed. by McCrone D. and McPherson G. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2009. 288 p.
- [6] **R. White**, National days and the national past in Australia. *Australian Cultural History*. 23 (2003) 55–72.
- [7] **A. Adamczyk**, On Thanksgiving and collective memory: Constructing the American tradition. *Journal of Historical Sociology*. 15(3) (2002) 343–365.
- [8] **B. Blehr**, Sacred Unity, Sacred Similarity: Norwegian Constitution Day Parades. *Ethnology*. 1999. No. 38. Pp. 175–189.
- [9] **A. Gal**, National Days, national identity, and collective memory: Exploring the impact of Holocaust Day in Israel. *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. Issue 6. Pp. 1391–1406.
- [10] **A. Björkdahl, S. Kappler**, The creation of transnational memory spaces: Professionalization and commercialization. *International Journal of Politics, Culture & Society*. 2019. Vol. 32. Issue 4. Pp. 383–401.
- [11] **S. Sumartojo**, Commemorative atmospheres: memorial sites, collective events and the experience of national identity. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2016. No. 41. Pp. 541–553.
- [12] **M. Coopmans, E. Jaspers, M. Lubbers**, National day participation among immigrants in the Netherlands: the role of familiarity with commemorating and celebrating. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016. Vol. 42. No. 12. Pp. 1925–1940.
- [13] **C.E. Schall**, Multicultural iteration: Swedish National Day as multiculturalism-in-practice. *Nations and Nationalism*. 2014. No. 20 (2). Pp. 355–375.
- [14] **D. Dimitrovski, V. Senić, D. Marić, V. Marinković**, Commemorative events at destination memorials – a dark (heritage) tourism context. *International Journal of Heritage Studies*. 2017. Vol. 23. Issue 8. Pp. 695–708.
- [15] **E. Greenspan**, Spontaneous memorials, museums, and public history: Memorialization of September 11, 2001 at the Pentagon. *The Public Historian*. 2003. Vol. 25. No. 2. Pp. 129–132.
- [16] Ot Yeltsina do Putina: tri epokhi v istoricheskom soznanii rossiyan [From Yeltsin to Putin: three eras in the historical consciousness of Russians]. M.: VTsIOM, 2007. 224 p.
- [17] **O.Yu. Malinova**, Kommemoratsiya stoletiya revolyutsii(y) 1917 goda v RF: analiz strategiy klyuchevykh mnemonicheskikh aktorov [Commemoration of the centenary of the revolution (s) of 1917 in the Russian Federation: analysis of strategies of key mnemonic actors]. *Polis. Policy research*. 2018. No. 1. Pp. 9–25. Available: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>
- [18] **M. Rolf**, Sovetskiye massovyie prazdniki [Soviet mass holidays]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 440 p.
- [19] **O.V. Popova**, Politika identichnosti: otnosheniye peterburzhtsev k prazdnichnym meropriyatiyam v gorode [Identity policy: the attitude of Petersburgers to festive events in the city]. *Political Expertise: POLITEX*. 2017. No. 4. Pp. 37–48.
- [20] **O.S. Kryukova**, Prazdniki Rossii v kontseptosfere natsionalnoy identichnosti [Russian holidays in the conceptual sphere of national identity]. *Russia: trends and development prospects*. Moscow: INION RAS, 2016. Vol. 11. Pp. 508–510.
- [21] **S.N. Shapovalov**, Formirovaniye gosudarstvennykh prazdnikov sovremennoy Rossii [The formation of public holidays in modern Russia]. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2013. No. 3. Pp. 20–26.
- [22] **M.I. Volovikova, A.M. Borisova**, Psikhologicheskiye predposylki prinyatiya lichnostyu novogo gosudarstvennogo prazdnika [Psychological prerequisites for a person to accept a new state holiday]. *Applied Legal Psychology*. 2016. No. 2. Pp. 6–13.
- [23] **O.V. Golovashina, A.A. Linchenko, D.A. Anikin**, Pamyat o Velikoy Otechestvennoy voyne: Den Pobedy v istoricheskom soznanii rossiyan [The memory of the Great Patriotic War: Victory Day in the historical consciousness of Russians]. *Sociological studies*. 2017. No. 3 (395). Pp. 123–133.
- [24] **A. Linčenko, D. Anikin**, Bad revolution, good tradition: Russia's parties and the October Revolution. *Osteuropa: Zeitschrift fuer Gegenwartsfragen des Ostens*. 2017. Vol. 67. No. 6-8. Pp. 371–382.

[25] **I.L. Merzlyakova, A.A. Linchenko, E.V. Ovchinnikova**, Ob istoricheskom soznanii sovremennoy studencheskoy molodezhi [On the historical consciousness of modern student youth]. Sociological studies. 2014. No. 12 (368). Pp. 89–96.

[26] **O.V. Golovashina, D.A. Anikin**, Neozhidannyye izderzhki Pobedy: 4 noyabrya v kontekste politiki pamyati i massovogo istoricheskogo soznaniya [Unexpected costs of the Victory: November 4 in the context of the politics of memory and mass historical consciousness]. Tomsk State University Bulletin. 2018. No. 429. Pp. 66–73. DOI: 10.17223/15617793/429/8

[27] **P. Bourdieu**, O simvolicheskoy vlasti [About Symbolic Power]. Sociology of Social Space. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia Publ., 2007. Pp. 87–96.

[28] **M.M. Bakhtin**, Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovya i Rennansansa [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozh. lit. Publ., 1990. 541 p.

[29] **A.G. Vasiliev**, Politika pamyati: rossiyskiy opyt v svete teoretiko-metodologicheskoy refleksii [Politics of memory: Russian experience in the light of theoretical and methodological reflection]. Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism. 2014. No.14 (136). Pp. 59–68.

[30] **Yu.M. Lotman, B.A. Uspensky**, Rol dualnykh modeley v dinamike russkoy kultury [The role of dual models in the dynamics of Russian culture]. Transactions in Russian and Slavic Philology. XXVIII: Literary criticism. On the 50th anniversary of Professor Boris Fedorovich Egorov. Tartu, 1977. Pp. 3–36.

[31] **J. Fabian**, Time and the Other. How anthropology makes its object. N.Y., 2002.

[32] **B. Beverness**, Allokhronizm, ravenstvo vo vremeni i sovremennost. Kritika proyekta radikalnoy sovremennosti Yokhannesa Fabiana i dovody v polzu novoy politiki vremeni [Allochronism, equality in time and modernity. Criticism of the project of radical modernity by Johannes Fabian and the arguments in favor of the new politics of the time]. Sociology of power. 2016. Vol. 28. No. 2. Pp. 174–202.

[33] **G. Gill**, Symbols and legitimacy in Soviet politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. 356 p.

[34] Transforming national holidays: Identity discourse in the West and South Slavic countries, 1985–2010. Eds L. Šarić, K. Gammelgaard, K. Hauge. Amsterdam: John Benjamins, 2013. 314 p.

[35] **J.K. Olick**, Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. The Politics of Regret: on Collective Memory and Historical Responsibility. New York: Routledge. 2007. Pp. 85–118.

[36] **D.A. Anikin**, Istoricheskiy mif kak predmet “memory studies”: v poiskakh metodologii issledovaniya [Historical myth as a subject of “memory studies”: in search of a methodology of research]. Electronic scientific and educational journal “History”. 2018. No. 6.

[37] **V.N. Syrov**, K voprosu o moralnoy sostavlyayushchey istoricheskoy kultury [To the question of the moral component of historical culture]. Journal of the Tomsk State University. History series. 2019. No. 58. Pp. 117–124. DOI: 10.17223/19988613/58/17)

[38] **L.P. Repina**, Istoricheskaya pamyat i natsionalnaya identichnost: podkhody i metody issledovaniya [Historical Memory and National Identity: Approaches and Methods of Research]. Dialog so vremenem. 2016. No. 54. Pp. 9–15.

[39] **A.A. Linchenko**, Praksiologicheskoye ponimaniye tsennostey istoricheskogo soznaniya [Praksiological understanding of the values of historical consciousness]. Journal of the Tomsk State University. 2019. No. 440. Pp. 64–71. DOI: 10.17223/15617793/440/9)

Received 19.04.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Аникин Даниил Александрович

Anikin Daniil A.

E-mail: dandee@list.ru

Линченко Андрей Александрович

Linchenko Andrey A.

E-mail: linchenko1@mail.ru

DOI: 10.18721/JHSS.11204
УДК 8.81.373

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЧЕТАНИЯ «ЧИСТЫЙ СПОРТ» В КОНТЕКСТЕ ДОПИНГОВЫХ СКАНДАЛОВ В СМИ

М.С. Голокова

Национальный государственный университет физической культуры,
спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В контексте антидопинговой политики сочетание «чистый спорт» в мировом сетевом меди-апространстве имеет различные смыслы. Изучение проблемы семантических преобразований фразеологизма «чистый спорт» в медиадискурсе легло в основу данной работы. Эмпирическим материалом послужили тексты российской, американской, британской и немецкой прессы в сети Интернет, а также правительственных сайтов и организаций по борьбе с допингом. Семантический и лингвостилистический анализ интернет-медиатекстов на русском и английском языках, посвященных теме допинговых скандалов, показал, что данное сочетание носит устойчивый лозунговый характер и является идеологемой, поскольку способствует продвижению определенных политических целей. В системе речевых стратегий и тактик фразеологизм «чистый спорт» является одним из эффективных языковых инструментов манипулирования общественным сознанием. При этом сочетание «чистый спорт» может использоваться как в прямом, так и в переносном значении, которое придает текстам ироничный характер и способствует реализации стратегии оправдания российских спортсменов и обвинения политики двойных стандартов. Данные выводы подкреплены рядом текстовых примеров из российской, американской, британской и немецкой прессы в сети Интернет.

Ключевые слова: чистый спорт, допинг, идеологема, речевое манипулирование, семантические интерпретации.

Ссылка при цитировании: Голокова М.С. Семантические интерпретации сочетания «чистый спорт» в контексте допинговых скандалов в СМИ // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 44–54. DOI: 10.18721/JHSS.11204

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

SEMANTIC INTERPRETATIONS OF THE WORD-COMBINATION "CLEAN SPORT" IN THE CONTEXT OF DOPING SCANDALS IN THE MEDIA

M.S. Golokova

Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health,
St. Petersburg, Russian Federation

The doping scandals caused by the disqualification of Russian athletes, their exclusion from the lists of participants of the Olympic games led to a rather twisted interpretation of its' meaning. The mass media began to use the phrase as a tool of speech manipulation in public domain. In Western media materials this combination contributes to the creation of a negative image of Russian sport in the minds of the mass audience. "Clean sport" in such passages is a benchmark to which sport in Russia does not correspond. In the Russian media "clean sport" is sometimes used with a touch of irony: journalists themselves suggest that professional sport is impossible without doping, therefore "clean sport" is a sport where the signs of doping drugs are skillfully concealed. A substantial analysis of media materials leads to the conclusion that the combination of "clean sport" is only a cover in the

political struggle of competing states. In the mass perception, a real professional athlete does not use stimulants.

Keywords: clean sport, doping in sport, semantic, media, sport, social representation.

Citation: M.S. Golokova, Semantic interpretations of the word-combination "clean sport" in the context of doping scandals in the media, *Society. Communication. Education*, 11 (2) (2020) 44–54. DOI: 10.18721/JHSS.11204

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Тема допинга в мировом спорте в XXI веке обрела масштабный характер. Борьба с этим явлением проводится, как правило, на государственном уровне и затрагивает многие сферы жизни и деятельности: спорт, физическую культуру, образование, науку, медиа и др. Это доказывает тот факт, что именно программа антидопинга становится одной из главных в проекте Стратегии развития физической культуры и спорта Российской Федерации до 2030 года. Роль медиасферы в реализации антидопинговых программ государственного уровня является ключевой: средства массовой коммуникации, СМИ способствуют формированию устойчивых образов в массовом сознании, воздействию на аудиторию.

В зависимости от направлений медийного пространства предусматриваются различные речевые стратегии борьбы с допингом. Например, стратегии официальных правительственных сайтов отличны от стратегий СМИ. Последние, как показывает лингвостилистический анализ медиатекстов, чаще придерживаются стратегий обвинения и оправдания. Каждая из них реализуется набором тактик, т. е. «конкретных речевых ходов (шагов, поворотов, этапов)... <...>, представляющих собой «одно или несколько действий» [5, с. 16]. Совокупность определенных речевых действий является основой той или иной коммуникативной стратегии. Коммуникативные стратегии и тактики в научных трудах российских авторов рассматриваются в основном в контексте политического дискурса. Таковы, например, работы О.С. Иссерс [5, 6], Е.И. Шейгал [21], А.Н. Баранова [1], С.Г. Кара-Мурзы [8], О.П. Малышевой [14], О.Л. Михалевой [16], А.И. Соловьева [18], М.Р. Желтухиной, М.В. Бусыгиной, М.Г. Меркуловой, И.А. Зыбиной, Л.М. Бузиновой [31], А.П. Чудинова [20], А. Kaun, M. Kykiakidou, J. Uldam [26] и др. Коммуникативным стратегиям и воздействию медиа на сознание массовой аудитории посвящены исследования Л.М. Гриценко, Т.А. Демидовой [3], С.А. Корягиной, И.О. Кравченко [10], Е.А. Красиной [12], F. Cavaliere [22], J. Gustafsson, K. Polinczuk-Alenius [24], S. Kannengießler, S. Kubitschko [25] и др. Система стратегий и тактик политического дискурса лежит в основе коммуникативных стратегий медиадискурса, особенно если они реализуются в рамках информационных кампаний.

Информационная кампания представляет собой «заранее спланированный комплекс взаимосвязанных коммуникационных действий, специально разработанных для обеспечения конкретных целей коммуникатора путем целенаправленного воздействия на общественное мнение» [17]. Это «спланированный с определенными целями и задачами поток информации, который характеризуется протяженностью во времени, интенсивностью и распространенностью» [4].

В борьбе с допингом в медиасфере большую роль играют именно информационные кампании. Однако доказать их факт стороннему наблюдателю практически невозможно. Для этого необходимо знать программы действий СМИ и создателей материалов в различных средствах массовой коммуникации. Именно поэтому считаем необходимым исследовать медиадискурс в контексте антидопинговой политики с точки зрения языковых механизмов, речевых действий, способствующих достижению определенной цели, а вместе с тем — реализации конкретной коммуникативной стратегии. Благодаря выявленному комплексу стратегий и тактик можно предположить, входят они в программу информационной кампании или нет.

Изучение речевых стратегий и тактик в средствах массовой информации и коммуникации предусматривает исследование различных уровней медиадискурса, в числе которых речевые и языковые механизмы. Медийная речь по природе своей диалогична, поскольку любое слово в ней имеет своего адресата. М.М. Бахтин подчеркивал, что диалогический подход возможен к любой части высказывания, если она воспринимается как «чужой голос» [2, 29]. Диалогичность, как одна из ведущих характерных черт медиатекста, определяет его структуру и содержание. Она лежит в основе реализации речевых стратегий, возможной благодаря применению разного рода речевых тактик, среди которых использование лексических средств, семантических преобразований. Многозначность русских слов, с точки зрения И.Г. Милославского, играет ключевую роль в процессе коммуникации [15]. Семантические особенности слов определяют контекст.

Развитию лексической семантики, в том числе в языке медиа, посвящено много трудов. В их числе исследования Л.П. Крысина [13], Ł. Grabowski [23], I. Mel'čuk [27] и др.

Одной из речевых тактик, основанных на семантических интерпретациях, в современных медиатекстах является употребление лексического сочетания *чистый спорт* (*clean sport*), которое, на наш взгляд, обладает большим воздействующим потенциалом в материалах российских и западных медиа, посвященных теме допинга. Использование данного лексического средства в медийном пространстве обусловлено необходимостью формирования системы ценностей и устойчивых образов в сознании масс. Наше внимание сконцентрировано на изучении его семантических характеристик, поскольку игра смыслов в разных контекстах обеспечивает речевое манипулирование аудиторией. Узконаправленный анализ одного сочетания в зависимости от его семантического окружения может привести к выводам о целой системе речевых действий, объединенных одной целью.

Постановка проблемы, цель и методология исследования

В зависимости от контекста сочетание *чистый спорт* приобретает различные смыслы и, соответственно, способствует достижению различных целей автора. Основой данной работы является изучение проблемы семантических преобразований сочетания *чистый спорт* в медиадискурсе, посвященном теме допинга.

Цель исследования – выявление семантических интерпретаций, а также изменений оценочного значения сочетания *чистый спорт* в контексте допинговых скандалов в медиaprостранстве. Определение семантики данного сочетания позволит прийти к выводу о его перлокутивной функции, которая приводит к изменениям «в мыслях, чувствах и поведении адресата» [9], в нашем случае массовой аудитории.

Теоретическая сторона исследования представлена изучением научных трудов, посвященных вопросам политического и медийного дискурса, коммуникативных стратегий и тактик, речевых актов, лексической семантики, а также различных толкований лексического значения в толковых словарях. Стоит отметить, что вопросы лексической семантики в медиадискурсе на спортивную тему попадают в поле зрения современных исследователей довольно редко. Научные труды, посвященные данной проблематике, как правило, связаны с конкретными событиями в мире спорта. Таковы, например, работы Н.Н. Кошкаровой [11], O. Sefiha, N. Reichman [28], Tien-Chin Tan, Alan Bairner, Yu-Wen Chen [30].

В основе данной статьи лежит исследование интернет-медиатекстов на русском и английском языках, посвященных теме допинговых скандалов и антидопинговой политики, с применением методов семантического и лингвостилистического анализа. Эмпирическим материалом послужили тексты российской, американской, британской и немецкой прессы в сети Интернет, а также правительственных сайтов и организаций по борьбе с допингом. Рассмотрено более ста пятидесяти текстов таких российских СМИ, как «Спорт-Экспресс», «Советский спорт», Sports.ru, «Чемпионат», Sportbox.ru, ТАСС, Russian.rt.com, «РИА Новости», Nevasport.ru, ОТР,

Regnum.ru, «Аргументы и Факты», «Эхо Москвы», «Вести», «Рен-ТВ», «Первый канал», Lenta.ru, «Матч-ТВ», «Известия», Gazeta.ru, Русская служба «Радио Свобода» и др.; западных СМИ, среди которых BBC, «The Guardian», «Time», «The Washington Post», «Radio Free Europe», «Daily Mail», «Deutsche Welle», «Independent», «New York Times», «The Times» и др.

Изучена структура более пятидесяти официальных сайтов российских и западных правительственных органов, спортивных организаций, федераций и ассоциаций (Министерство спорта и физической культуры РФ, Российское антидопинговое агентство (РУСАДА), Олимпийский комитет России, Всероссийская федерация легкой атлетики, Всероссийская федерация футбола, Федерация хоккея России, Федерация сноуборда России, Федерация лыжных гонок России, World Anti-Doping Agency (WADA), USADA, Union Cycliste Internationale, UK Anti-Doping (UKAD), The White House, International Olympic Committee, NCL, Fair Sport, UNESCO и др.).

В ходе содержательного анализа учитывались тематические направления сайтов, проблематика опубликованных материалов. Семантический анализ проводился с учетом смыслового окружения сочетания *чистый спорт* и основывался на таких методах, как толкование лексического значения, анализ сочетаемости слов и семантических преобразований. Лингвостилистический анализ в данной работе предусматривает изучение сочетания *чистый спорт* как языкового механизма в составе системы речевых действий, необходимых для реализации конкретной речевой стратегии.

Результаты исследования

Сочетание *чистый спорт* в международном медиапространстве в целом означает спорт без допинга. Такое лексическое значение стало устойчивым, а само сочетание приобрело фразеологический характер в связи с допинговыми скандалами мирового масштаба последних десятилетий. Это подтверждает тот факт, что в 2013 году 10 апреля Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) провозгласило Днём чистого спорта, т. е. спорта без использования биологически активных веществ, стимулирующих физическую активность.

В русском языке слово *чистый* многозначно. В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова приводится пятнадцать вариантов его лексического значения¹. В Учебном словаре современного английского языка прилагательное *clean* имеет шесть лексических значений². В Толковом словаре английского языка под редакцией Р. Аллена – всего четыре³. В сетевой русскоязычной медиасфере в сочетании со словом *спорт* лексема *чистый* обычно используется в значениях «не содержащий ничего постороннего, без примеси, сопровождения чего-либо» или «нравственно безупречный». В англоязычном медиапространстве – в значениях "free of dirt and stains" и "fair and honest". Именно вышеперечисленные толкования лежат в основе семантики фразеологизма, используемого в качестве рубрики или раздела на сайтах государственных правительств, организаций, направленных на борьбу с допингом: *Anti-Doping and Clean Sport*; *Чистый спорт* (рубрика сайта Всероссийской федерации легкой атлетики); *Гиды чистого спорта* (название образовательного проекта (РУСАДА)). Сайты различных спортивных организаций, федераций, ассоциаций во всем мире призывают общество к «чистому спорту» в рамках антидопинговых программ: *Clean sport for humans*⁴; *Clean Sport Week: Why Clean Sport Matters*⁵; *Участники ЮОИ-2020 – за честный и чистый спорт*⁶.

В данном контексте сочетание *чистый спорт* обычно носит лозунговый характер и способствует продвижению определенной идеологии, что позволяет называть его идеологемой, фразе-

¹ Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. С. 1481.

² Хорнби А.С., Гэтенби Э.В., Уэйкфилд Г. Учебный словарь современного английского языка. М.: АСТ, 2001. С. 208.

³ Аллен Р. Толковый словарь английского языка = Oxford Primary Dictionary. М.: Астрель: АСТ, 2007. С. 89.

⁴ Federation Equestre Internationale // URL: <https://inside.fei.org/fei/cleansport/humans> (Дата обращения: 30.04.2020).

⁵ U.S. Anti-Doping Agency (USADA) // URL: <https://www.usada.org/choose-usada/choose-usada-why-clean-sport-matters/> (Дата обращения: 30.04.2020).

⁶ Олимпийский комитет России // URL: <https://olympic.ru/news/antidoping-news/uchastniki-yuoi-2020-za-chestnyj-i-chistyj-sport/> (Дата обращения: 30.04.2020).

ологизмом, «в значение которого входит идеологический компонент» [19, с. 92]. Использование идеологием в целом характерно для политического дискурса. В качестве идеологием выступает общественно-политическая лексика, отражающая конкретную идеологию в оппозиции «свой-чужой», а также субъективную идеологическую точку зрения по отношению к объекту речи [7].

В качестве идеологием *чистый спорт* применяется в различных областях медиапространства. Так, идеологический компонент подчеркивается в значении названия одной из серий популярного в России мультипликационного сериала «Смешарики», ориентированного на общую аудиторию. Мультсериал производится при поддержке Министерства культуры РФ. Он направлен на нравственное воспитание, образование детей дошкольного и младшего школьного возраста. Содержание серии под названием «Чистый спорт» сводится к изобличению спортсменов, употребляющих допинг, созданию их отрицательного образа, изображению их нравственного падения. Сочетание *чистый спорт* в контексте данного мультфильма носит характер идеологический, поскольку способствует формированию нравственных ценностей в сознании подрастающего поколения, а также отрицанию применения стимулирующих препаратов в спорте. Один из персонажей мультфильма – кролик Крош – использует клишированную конструкцию «Мы за чистый спорт» с целью воздействия на массовую аудиторию (иных сказочных персонажей), побуждения их к критике спортсменов, употребляющих допинг. Таким образом, *чистый спорт* здесь становится компонентом лозунга, позволяющего реализовать речевую стратегию обвинения. Можно предположить, что данный фразеологизм играет ключевую роль в формировании представлений об идеальном спорте в сознании юных зрителей.

Допинговые скандалы, вызванные дисквалификацией российских спортсменов, их исключением из списков участников Олимпийских игр, повлекли за собой различные семантические интерпретации фразеологизма *чистый спорт*. В средствах массовой информации его стали использовать как инструмент речевого манипулирования общественным сознанием. В материалах западных медиатекстов идеологием *clean sport* в рамках оппозиции «свой-чужой» способствует созданию отрицательного образа российского спорта в сознании массовой аудитории. «Чистый спорт» является в них идеалом, которому не соответствует спорт в России. Это доказывает пример из выступления Джима Шварца, сооснователя независимого американского фонда Fair Sport, деятельность которого направлена на искоренение мошенничества в спорте и разоблачение спортсменов, применяющих допинг: *If WADA's failed process continues on its current path to premature Russian reinstatement, it is not an overstatement to say that clean sport will never recover (Если провальный процесс ВАДА продолжит свой нынешний путь к преждевременному восстановлению России, то не будет преувеличением сказать, что чистый спорт никогда не восстановится)*⁷. В данном контексте автор противопоставил Россию самому понятию чистого спорта, подразумевая тем самым, что Россия и чистый спорт (в значении спорта без допинга) – понятия несовместимые.

В западной прессе поддерживается подобная точка зрения. Для ее актуализации СМИ используют прием цитирования, ссылаясь на авторитетные источники. Так, британское издание BBC на своем сайте опубликовало материал, полностью основанный на цитатах известных людей в мире спорта, обвиняющих Россию в мошенничестве. Ключевыми речевыми действиями в цитатах являются критика, осуждение и обвинение, которые в совокупности способствуют реализации речевой стратегии обвинения. Для этого приводятся, например, слова президента ВАДА Крейга Риди: *For too long, Russian doping has detracted from clean sport (Слишком долго российский допинг отвлекал от чистого спорта)*⁸. В данном высказывании противопоставлены сочетания российский допинг и чистый спорт, что позволяет говорящему подчеркнуть его обвинительный характер. *Чистый спорт* здесь – идеологиема, которая становится фоном для создания отрицательного

⁷ Swartz Jim. FairSport Statement Calling on WADA to Cease Compromise with Russia / Fair Sport // URL: <https://fairsport.org/> (Дата обращения: 30.04.2020).

⁸ Russia banned for four years to include 2020 Olympics and 2022 World Cup // BBC, December 9, 2019 // URL: <https://www.bbc.com/sport/olympics/50710598> (Дата обращения: 30.04.2020).

образа России. Подобный эффект производит слово *чистый* в сочетании *чистые спортсмены* в иных цитатах данного материала. Крейг Риди: *There is a whole generation of clean athletes who have painfully abandoned their dreams and lost awards because of Russian cheaters (Есть целое поколение чистых спортсменов, которые мучительно отказались от своих мечтаний и потеряли награды из-за российских мошенников)*⁹. Главный исполнительный директор Антидопингового агентства США Трэвис Тайгарт: *Not imposing a blanket ban on all participation by Russian athletes – even under a neutral flag – is a devastating blow to clean athletes (Не вводить полный запрет на все участие российских спортсменов – даже под нейтральным флагом – это сокрушительный удар по чистым спортсменам)*¹⁰.

Сочетания *чистый спорт* или *чистый спортсмен* в цитатах российских политических лидеров, прежде всего Президента Российской Федерации Владимира Путина, в западных СМИ также является одним из языковых приемов в системе речевых действий, реализующих стратегию обвинения России. Однако в данном случае оно претерпевает различные семантические интерпретации, поскольку изначально используется говорящим в значении спорта, исключая допинг. Это можно проследить, во-первых, благодаря семантическому окружению фразеологизма, которое сводится к единой цели – дискредитации образа России в сознании масс; во-вторых, благодаря вставным конструкциям, в которых выражается авторское сомнение в цитируемых словах. Именно такой прием использован во фрагменте из материала корреспондента «Radio Free Europe» Майкла Сколлона, цитирующего Владимира Путина: *His argument was that "if an overwhelming majority of Russian athletes are clean" – a contentious point that has not been established – then "how can they be sanctioned for someone else's actions?" (Его аргумент был таков: «Если подавляющее большинство российских спортсменов чисты» – спорный момент, который не был установлен, то «как они могут быть наказаны за чьи-то действия?»)*¹¹. Ключевую роль в данном примере играет вставная конструкция, выражающая семантику сомнения. Она позволяет подчеркнуть отсутствие доказательств оценки *чистый* по отношению к российским спортсменам. Таким образом, сочетание *чистый спортсмен* в данном контексте используется с противоположным значением, которое проявляется имплицитно.

Перлокутивный эффект фразеологизма *чистый спорт* в значении идеала, которому не соответствует российский спорт, усиливается в западной прессе благодаря антитезе *чистый – грязный* (*clean – dirty*) с использованием отрицательно-оценочного эпитета *dirty* по отношению к российским спортсменам, российской политике, Владимиру Путину и стране в целом. Ряд европейских СМИ употребляет оценку *dirty* для создания контраста на фоне идеологии «чистого спорта», что в целом способствует обвинению России в нечестной игре, «грязных» технологиях: *...he makes a decision in the interests of a non-compliant, provenly dirty country as opposed to the clean and compliant athletes who should be his absolute priority (...он (Владимир Путин – авт.) принимает решение в интересах неподатливой, провально-грязной страны, а не чистых и податливых спортсменов, которые должны быть его абсолютным приоритетом)*¹²; *Doping and Hooligans – How Dirty Is Russian Sport? (Допинг и хулиганы – насколько грязен российский спорт?)*¹³; *Russia's dirty swap deal for place in Rio (Грязное мошенничество России за место в Рио)*¹⁴.

В сетевой русскоязычной медиасфере сочетание *чистый спорт* претерпевает различные семантические преобразования, благодаря которым мы также можем определить его перлокутив-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Scollon Michael. The Year Is Ending, But Russia's Sports-Doping Scandal Isn't // Radio Free Europe, December 26, 2019 // URL: <https://www.rferl.org/a/the-year-is-ending-but-russia-s-sports-doping-scandal-isn-t/30345606.html> (Дата обращения: 30.04.2020).

¹² Hyde Marina. Inconceivable! Russia yet again leaves Sir Craig Reddie looking the fool // The Guardian, January 2, 2019 // URL: <https://www.theguardian.com/sport/2019/jan/02/inconceivable-russia-yet-again-leave-sir-craig-reddie-looking-the-fool-wada-drugs-in-sport-athletics> (Дата обращения: 30.04.2020).

¹³ Deutsche Welle, 23.06.2016 // URL: <https://www.dw.com/en/doping-and-hooligans-how-dirty-is-russian-sport/av-19351092> (Дата обращения: 30.04.2020).

¹⁴ Ziegler Martyn, Rudd Alison. Russia's dirty swap deal for place in Rio // The Times, July 26, 2016 // URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/russias-dirty-swap-deal-for-place-in-rio-bxz0mf8z3> (Дата обращения: 30.04.2020).

ный эффект. На правительственных сайтах оно употребляется как идеологема: актуализирует значение спорта без допинга в контексте призыва к единству и целостности общественного мнения, что, в свою очередь, способствует реализации речевой стратегии убеждения. Как правило, идеологический характер сочетание *чистый спорт* носит в цитатах российских чиновников. Таковы цитаты министра спорта РФ Олега Матыцина в новостном тексте на сайте Sportbox.ru: *Самое главное — мы вместе в этот день, мы объединены им. Мы делаем всё возможное, чтобы наш спорт и наша жизнь были чистыми не только от различных субстанций, но и морально, духовно*¹⁵; вице-преьера РФ Ольги Голодец: *Мы понимаем, насколько сегодня непростое время для российского спорта, мы за честный и чистый спорт, не будет ни скидок, ни поблажек*¹⁶. Проведению речевой стратегии убеждения в данных примерах способствуют клишированные конструкции, шаблонные фразы с использованием личного местоимения *мы*: *Мы делаем всё возможное; Мы за честный спорт*. Использование подобных речевых приемов и языковых механизмов позволяет также увести внимание аудитории от возможной главной проблемы и сконцентрировать его на иных вопросах: например, единении народа и патриотизме.

Зеркальным отражением западной прессы являются российские СМИ, применяющие идеологему *чистый спорт* в реализации речевой стратегии обвинения. Заголовок к материалу Свищев: *Великобритания отказом выдать пробы Мо Фары попирает принципы чистого спорта*¹⁷ актуализирует значение обвинения Великобритании в несправедливости конкретных действий. Семантические границы идеологема в данном контексте расширяются: понятие *чистого спорта* подразумевает не только спорт без допинга, но и, очевидно, исключение обмана, политики двойных стандартов, фальсификации документов, мошенничества и проч.

Смысловые интерпретации идеологема *чистый спорт* в русскоязычных СМИ тоже претерпевает в антитезе со словом *грязный*. Это продемонстрировано в заголовке *«Грязные игры в борьбе за чистый спорт»*¹⁸. Благодаря языковой игре заголовок обладает стилистическим эффектом усиленного ожидания, поскольку в нем не обозначен объект оценки. Однако содержание медиатекста позволяет сделать вывод о том, что в нем основной речевой стратегией является также обвинение западной стороны в несправедливости принятых решений относительно России.

В некоторых российских СМИ фразеологизм *чистый спорт* употребляется с оттенком иронии. Журналисты сами пишут о том, что профессиональный спорт без допинга невозможен, следовательно, «чистый спорт» — это спорт, в котором умело скрыты признаки применения допинговых препаратов: *...есть допинг, а есть прикрытие допинга, прикрытие важнее самого препарата <...> чистый спорт — это просто вывеска на самом деле*¹⁹.

«Чистым» в сетевом медиапространстве иронично называют также спорт, в котором применение запрещенных препаратов оправдано лечением от различных заболеваний, например, астмы или синдрома дефицита внимания. Так, русскоязычные интернет-СМИ перечисляют запрещенные препараты, которые употребляет американская гимнастка Симоне Байлс, при этом цитируя спортсменку: *...У американки были оформлены TUE на метилфенидат и амфетамин... <...> Симоне ничего плохого в этом не увидела: «...Знайте, что я верю в чистый спорт и всегда сле-*

¹⁵ Министр спорта РФ: «Сохранение здоровья является главной миссией сегодняшнего дня» // Sportbox.ru, 9 апреля 2020 г. // URL: https://news.sportbox.ru/Koronavirus/spbnews_NI1178588_Ministr_sporta_RF_Sohranenije_zdorovja_javlajetsja_glavnoj_missijej_segodnashnego_dna (Дата обращения: 30.04.2020).

¹⁶ Ольга Голодец: «Россия выступает за честный и чистый спорт, но мы против политики в спорте» // Sportbox.ru, 11 декабря 2019 г. // URL: https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/doping/spbnews_NI1125302_Olga_Golodec_Rossija_vystupajet_za_chestnyj_i_chistyj_sport_no_mu_protiv_politiki_v_sporte (Дата обращения: 30.04.2020).

¹⁷ Свищев: Великобритания отказом выдать пробы Мо Фары попирает принципы чистого спорта // ТАСС, 19 января 2020 г. // URL: <https://www.google.com/amp/s/tass.ru/sport/7553565/amp> (Дата обращения: 30.04.2020).

¹⁸ Марков Сергей. Грязные игры в борьбе за чистый спорт // Аргументы и Факты, № 50, 11.12.2019 // URL: https://aif.ru/sport/opinion/gryaznye_igry_v_borbe_za_chistyj_sport (Дата обращения: 30.04.2020).

¹⁹ Добрынин Сергей. Допинг в чаше весов. Кто подставил российский спорт // Радио Свобода, 17 октября 2019 г. // URL: <https://www.svoboda.org/a/30221644.html> (Дата обращения: 30.04.2020).

довала правилам»²⁰. Именно идеологический характер фразеологизма, а также контрастность информации придают комический эффект тексту.

Таким образом, «чистый спорт» здесь – это ирония, которая реализует стратегию оправдания российских спортсменов и обвинения политики двойных стандартов.

Заключение

Исследование интернет-медиа-текстов на русском и английском языках показало, что сочетание *чистый спорт* (*clean sport*) носит устойчивый лозунговый характер и является идеологемой, поскольку способствует продвижению определенных политических целей. При подсчете случаев употребления в медиа данного сочетания, а также в ходе лингвостилистического анализа выяснилось, что в значении идеологемы фразеологизм *чистый спорт* (*clean sport*) используется в семи-десяти текстах из ста. В системе речевых стратегий и тактик он является одним из эффективных языковых инструментов манипулирования общественным сознанием. При этом сочетание *чистый спорт* может быть использовано как в прямом, так и в переносном значении, которое придает текстам ироничный характер и способствует реализации стратегии оправдания российских спортсменов и обвинения политики двойных стандартов.

Лингвостилистический анализ медиаматериалов приводит к выводу о том, что сочетание *чистый спорт* является лишь прикрытием в политической борьбе государств. В массовом сознании настоящий профессиональный спортсмен не употребляет стимулирующих препаратов и добивается побед своими силами. Сохранение именно такого образа в глазах аудитории – одна из тактик СМИ, играющих на политической арене. Под влиянием медиа общество верит в честный спорт, без допинга, а вместе с тем – в отрицательные образы, олицетворяющие нарушение правил, не подвергая при этом сомнению «чистоту» обвинителя. Общество, которое верит в конкретный идеал, легко подвергается манипулированию со стороны государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 360 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 424 с.
3. Гриценко Л.М., Демидова Т.А. Коммуникативная стратегия дискредитации в интернет-коммуникации (на примере троллинга) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 29–42. DOI: 10.17223/19986645/55/3
4. Дзялошинский И. Российские СМИ в избирательной кампании: уроки эффективности // URL: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/uroki/3-3-tipi.html> (Дата обращения: 28.04.2020).
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд. стер. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 284 с.
6. Иссерс О.С. Речевое воздействие: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2016. 224 с.
7. Карамова А.А. Идеологемы: определение понятия и типология // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. Ч. 1 // URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20815> (Дата обращения: 30.04.2020).
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием: Учеб. пособие. М.: Алгоритм, 2004. 528 с.
9. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
10. Корягина С.А., Кравченко И.О. Анализ эффективности воздействия СМИ на формирование мировоззрения молодежи в информационном пространстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 4. С. 763–773.
11. Кошкарлова Н.Н. Лингвопрагматические и жанрово-стилистические особенности репрезентации чемпионата мира по футболу 2018 г. в британском медиадискурсе // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 802–819. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-802-819

²⁰ Синдром дефицита внимания – болезнь Фелпса, Байлс и Гэтлина. Под нее разрешают допинг // Sports.ru, 22 октября 2019 г. // URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/streamofconsciousness/2608585.html> (Дата обращения: 30.04.2020).

12. **Красина Е.А.** Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 91–102. DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-91-102
13. **Крысин Л.П.** Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянской культуры, 2008.
14. **Мальшева О.П.** Коммуникативные стратегии и тактики в публичных выступлениях (на материале речей американских и британских политических лидеров) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Сер. Филология. 2009. С. 206–209.
15. **Милославский И.Г.** Контекстуальность в русском языке // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 731–748. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-731-748
16. **Михалева О.Л.** Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: Изд-во УРСС, 2009. 256 с.
17. **Остин Дж.Л.** Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. С. 22–129.
18. Политические коммуникации. Под ред. А.И. Соловьева. 2004 // URL: <https://textbooks.studio/uchebnik-geopolitika/ponyatie-informatsionnoy-kampanii-23375.html> (Дата обращения: 28.04.2020).
19. **Седов К.Ф.** Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003 // URL: <http://gigabaza.ru/doc/100170-pall.html> (Дата обращения: 15.12.2016).
20. **Чудинов А.П.** Политическая лингвистика: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 254 с.
21. **Шейгал Е.И., Иванова Ю.М.** Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации // Respectus Philologicus. Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis facultetas, 2004. No. 5 (10). Pp. 29–41.
22. **Cavaliere F.** Discursive mechanisms of news media – Investigating attribution and attitudinal positioning // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22 (1). Pp. 338–356. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-338-356
23. **Grabowski Ł.** Distinctive lexical patterns in russian patient information leaflets: A corpus-driven study // Russian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 23 (3). Pp. 659–680. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-659-680.
24. **Gustafsson J., Polynczuk-Alenius K.** Media and communication between the local and the global // Media and Communication. 2018. Vol. 6. No. 2. DOI: <http://dx.doi.org/10.17645/mac.v6i2.1637>
25. **Kannengießner S., Kubitschko S.** Acting on media: Influencing, shaping and (re)configuring the fabric of everyday life // Media and Communication. 2017. Vol. 5. No. 3. DOI: <http://dx.doi.org/10.17645/mac.v5i3.1165>
26. **Kaun A., Kykiakidou M., Uldam J.** Political agency in the digital age: Media, participation and democracy // Media and Communication. 2016. Vol. 4. No. 4. DOI: <http://dx.doi.org/10.17645/mac.v4i4.69>
27. **Mel'čuk I.** Wierzbicka Anna, semantic decomposition, and the Meaning-Text approach // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22 (3). Pp. 521–538. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-521-538
28. **Sefiha O., Reichman N.** Social media and the doping of sport surveillance // Sociology Compass. 2017. Vol. 11 (10). DOI: <https://doi.org/10.1111/soc4.12509>
29. **Spronck S.** Speaking for Bakhtin: Two interpretations of reported speech. A response to Goddard and Wierzbicka // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 23 (3). Pp. 603–618. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-603-618
30. **Tien-Chin Tan, Alan Bairner, Yu-Wen Chen.** Managing compliance with the World Anti-Doping Code: China's strategies and their implications // International Review for the Sociology of Sport. Oct. 23, 2018. DOI: <https://doi.org/10.1177/1012690218805402>
31. **Zheltukhina M.R., Busygina M.V., Merkulova M.G., Zyubina I.A., Buzinova L.M.** Linguopragmatic aspect of modern communication: Main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK // XLinguae Journal. 2018. Vol. 11 (2). Pp. 639–654. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.51

Статья поступила в редакцию 30.03.2020.

REFERENCES

- [1] **A.N. Baranov**, Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku: Uchebnoye posobiye [Introduction to applied linguistics: a Textbook]. M.: Editorial URSS, 2003. 360 p.
- [2] **M.M. Bakhtin**, Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. M., 1979. 424 p.
- [3] **L.M. Gritsenko, T.A. Demidova**, Kommunikativnaya strategiya diskreditatsii v internet-kommunikatsii (na primere trollinga) [Communicative strategy of discrediting in Internet communication (on the example of trolling)], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 55 (2018) 29–42. DOI: 10.17223/19986645/55/3
- [4] **I. Dzyaloshinskiy**, Rossiyskiye SMI v izbiratelnoy kampanii: uroki effektivnosti [Russian media in the election campaign: lessons of effectiveness]. URL: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/uroki/3-3-tipi.html> (Accessed: 28.04.2020).
- [5] **O.S. Issers**, Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi [Communication strategies and tactics of Russian speech]. 3-ye izd. stereotipnoye. M.: Editorial URSS, 2003. 284 s.
- [6] **O.S. Issers**, Rechevoye vozdeystviye: uchebnoye posobiye [Speech influence: textbook]. M.: Flinta, 2016. 224 p.
- [7] **A.A. Karamova**, Ideologemy: opredeleniye ponyatiya i tipologiya [Ideologemes: definition and typology], Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2 (1) (2015). URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20815> (Accessed: 30.04.2020).
- [8] **S.G. Kara-Murza**, Manipulyatsiya soznaniyem: uchebnoye posobiye [Manipulation of consciousness: textbook]. M.: Algoritm, 2004. 528 p.
- [9] **I.M. Kobozeva**, Lingvisticheskaya semantika: Uchebnik [Linguistic semantics: Textbook]. M.: Editorial URSS, 2000. 352 p.
- [10] **S.A. Koryagina, I.O. Kravchenko**, Analiz effektivnosti vozdeystviya SMI na formirovaniye mirovozzreniya molodezhi v informatsionnom prostranstve [Analysis of the effectiveness of media influence on the formation of youth's worldview in the information space], Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 8 (4) (2019) 763–773.
- [11] **N.N. Koshkarova**, Linguistic, Pragmatic, and Stylistic Peculiarities of 2018 FIFA World Cup Representation in British Media-Discourse, Russian Journal of Linguistics. 23 (3) (2019) 802–819. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-802-819
- [12] **Ye.A. Krasina**, Diskurs, vyskazyvaniye i rechevoy akt [Discourse, statement and speech act], Russian Journal of Linguistics. 20 (4) (2016) 91–102. DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-91-102
- [13] **L.P. Krysin**, Aktivnyye protsessy v russkom yazyke kontsa XX — nachala XXI veka [Active processes in the Russian language of the end of the XX — beginning of the XXI century], Sovremennyy russkiy yazyk. Aktivnyye protsessy na rubezhe KhKh–KhKhI vekov / In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN. M., Yazyki slavyanskikh kultur. 2008.
- [14] **O.P. Malysheva**, Kommunikativnyye strategii i taktiki v publichnykh vystupleniyakh (na materiale rechey amerikanskikh i britanskikh politicheskikh liderov) [Communication strategies and tactics in public speeches (based on speeches by American and British political leaders)], Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. Seriya: Filologiya. 2009. Pp. 206–209.
- [15] **I.G. Miloslavskiy**, Kontekstualnost v russkom yazyke [Contextuality in the Russian language], Russian Journal of Linguistics. T. 23 (3) (2019) 731–748. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-731-748
- [16] **O.L. Mikhaleva**, Politicheskii diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya [Political discourse: specifics of manipulative influence], M.: Izd-vo URSS, 2009. 256 p.
- [17] **Dzh.L. Ostin**, Slovo kak deystviye [Word as action], Novoye v zarubezhnoy lingvistike. M., 1986. Issue XVII. Pp. 22–129.
- [18] Politicheskiiye kommunikatsii [Political communications]. Ed. A.I. Solovyev. 2004. URL: <https://textbooks.studio/uchebnik-geopolitika/ponyatie-informatsionnoy-kampanii-23375.html> (Accessed: 28.04.2020).
- [19] **K.F. Sedov**, Agressiya kak vid rechevogo vozdeystviya [Aggression as a type of speech influence], Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya. Saratov, 2003. URL: <http://gigabaza.ru/doc/100170-pall.html> (Accessed: 15.12.2016).
- [20] **A.P. Chudinov**, Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. M.: Flinta; Nauka, 2006. 254 p.

[21] **Ye.I. Sheygal, Yu.M. Ivanova**, Predvybornyye teledebaty kak zhanr strategicheskoy kommunikatsii [Election TV debates as a genre of strategic communication], *Respectus Philologicus*. Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis facultetas. 5 (10) (2004) 29–41.

[22] **F. Cavaliere**, Discursive Mechanisms of news media – Investigating Attribution and attitudinal positioning, *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1) (2018) 338–356. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-338-356

[23] **Łukasz Grabowski**, Distinctive Lexical Patterns in Russian Patient Information Leaflets: A Corpus-Driven Study, *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3) (2019) 659–680. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-659-680

[24] **J. Gustafsson**, Polynczuk-Alenius Kinga (2018). Media and Communication between the Local and the Global, *Media and Communication*, 6 (2) (2018). DOI: <http://dx.doi.org/10.17645/mac.v6i2.1637>

[25] **S. Kannengießer, S. Kubitschko**, Acting on Media: Influencing, Shaping and (Re)Configuring the Fabric of Everyday Life, *Media and Communication*, 5 (3) (2017). DOI: <http://dx.doi.org/10.17645/mac.v5i3.1165>

[26] **A. Kaun, M. Kykiakidou, J. Uldam**, Political Agency in the Digital Age: Media, Participation and Democracy, *Media and Communication*, 4 (4) (2016). DOI: <http://dx.doi.org/10.17645/mac.v4i4.69>

[27] **I. Mel'čuk, A. Wierzbicka**, Semantic Decomposition, and the Meaning-Text Approach, *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3) (2018) 521–538. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-521-538

[28] **O. Sefiha, N. Reichman**, Social media and the doping of sport surveillance, *Sociology Compass*, 11 (10) (2017). DOI: <https://doi.org/10.1111/soc4.12509>

[29] **S. Spronck**, Speaking for Bakhtin: Two Interpretations of Reported Speech. A Response to Goddard and Wierzbicka, *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3) (2019) 603–618. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-603-618

[30] **Tien-Chin Tan, Alan Bairner, Yu-Wen Chen**, Managing compliance with the World Anti-Doping Code: China's strategies and their implications, *International Review for the Sociology of Sport*, October 23, 2018. DOI: <https://doi.org/10.1177/1012690218805402>

[31] **M.R. Zheltukhina, M.V. Busygina, M.G. Merkulova, I.A. Zyubina, L.M. Buzinova**, Linguopragmatic aspect of modern communication: Main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK, *XLinguae Journal*, 11 (2) (2018) 639–654. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.51

Received 30.03.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Голокова Марина Степановна

Golokova Marina S.

E-mail: m.golokova@lesgaft.spb.ru

DOI: 10.18721/JHSS.11205
УДК 81

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА В ЧЕШСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА СПОРТИВНЫХ ОНЛАЙН-РЕПОРТАЖЕЙ

J. Hoffmannova

Институт чешского языка, Академия наук Чешской Республики,
Прага, Чешская Республика

Рассмотрены лингвистические аспекты спортивного дискурса в медиапространстве и исследованы спортивные онлайн-трансляции на участке пересечения этой области со сферой электронной коммуникации. Для анализа выбраны главным образом трансляции футбольных и хоккейных матчей, в меньшей степени – теннисных матчей и олимпийских соревнований по биатлону. Наряду с трансляциями (которые носят преимущественно монологический характер) изучен живой диалог болельщиков в чатах, привязанных к трансляции (а также обсуждаемые ими темы). Эти чаты размещены в отдельных окнах, открываются параллельно с трансляцией (или вскоре после ее окончания) на некоторых чешских интернет-порталах (как Sport.cz, Sport.IDnes.cz). Для интерпретации данного гибридного жанра и очень многослойной, разноплановой коммуникации выбраны методы стилистики (включая прагматическую стилистику), дискурсивного анализа (в том числе критического), социолингвистики и конверсационного анализа. Применительно к интернет-трансляциям особое внимание уделено лексике (терминам, профессионализмам и сленгу) и наиболее распространенным синтаксическим схемам, а в случае чатов – категоризации отдельных групп болельщиков и их стратегиям.

Ключевые слова: спортивные онлайн-трансляции (on-line text commentary), чаты болельщиков, стилистика, анализ дискурса, конверсационный анализ.

Ссылка при цитировании: Hoffmannova J. Лингвистические аспекты спортивного дискурса в чешском медиапространстве: методология анализа спортивных онлайн-репортажей // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 55–68. DOI: 10.18721/JHSS.11205

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

LINGUISTIC ASPECTS AND METHODOLOGY OF ANALYSIS OF CZECH ON-LINE SPORTS REPORTING (AS A HYBRID GENRE)

J. Hoffmannova

Czech Language Institute, Academy of Sciences of the Czech Republic,
Prague, Czech Republic

In the sphere of contemporary computer-mediated communication, there are some new, or relatively new genres. This article focuses on one of them – on-line sports reporting (live text commentary, or minute-by-minute match report). It is a hybrid genre moving between the sphere of media sport communication (in professional commentaries) and ordinary, everyday communication (in the chats of fans); between written and spoken communication; between the informative function (providing factual information) and the entertainment one (as typical infotainment); and between the chronologically structured narrative or description and the commentator's evaluative formulations ("colour commentary"). The methodology used for the analysis of this hybrid genre combines the approach of stylistics, pragmalinguistics, sociolinguistics, (critical) discourse analysis and conversation analysis. As for the data, the article deals with Czech live text commentaries, mainly from football, hockey and tennis matches.

Keywords: broadcast, sport, stylistics, chat, fans, discourse analysis, conversation analysis.

Citation: J. Hoffmannova, Linguistic aspects and methodology of analysis of Czech on-line sports reporting (as a hybrid genre), *Society. Communication. Education*, 11 (2) (2020) 55–68. DOI: 10.18721/JHSS.11205

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Электронная коммуникация является неотъемлемой частью нашей жизни на протяжении не менее трех десятилетий, и ей было посвящено множество работ, в том числе и лингвистической направленности ([1–4]; в Чешской Республике [5–7]). При этом технологии развиваются стремительными темпами, постоянно порождая свежий материал для исследований. И хотя на сегодняшний день пристальное внимание уделяется общению в социальных сетях (о Twitter сравн. [8]), в интернет-пространстве продолжают появляться и развиваться новые жанры. Некоторые из них относятся к области лингвистики спортивного дискурса, которой в настоящее время занимается целый ряд авторов (сравн., например, [9]), причем больших успехов в этой сфере добились словацкие лингвисты (например, [10]). Предметом всеобщего интереса, разумеется, стал спорт в медиaprостранстве (среди прочих [11–14]), поэтому в статье мы хотели бы сосредоточиться на жанре спортивных онлайн-трансляций, который в последнее время снискал большую популярность. Среди чешских лингвистов на этой проблематике специализируется Ян Хованец [15–19], собирающий и анализирующий данные английских трансляций футбольных матчей.

В качестве материала для настоящей статьи были взяты данные чешских онлайн-трансляций, прежде всего футбольных (15 трансляций) и хоккейных (9 трансляций), а также трех теннисных трансляций и двух трансляций олимпийских соревнований по биатлону – в совокупности 29 трансляций за период 2018–2019 гг. В некоторых случаях был осуществлен сравнительный анализ параллельных трансляций на различных интернет-порталах: Sport.cz, Sport.IDnes.cz, Sport.Aktualne.cz, Sport.Lidovky.cz, LiveSport.cz, IRozhlas.cz, Onlajny.com и др.; сравн. [20, 21]. Под интернет-трансляцией подразумевается текстовое отражение событий матча в текущем времени. Комментатор разбирает происходящее на отдельные сегменты, сопровождая каждый из них тайм-кодом, причем новый комментарий всегда появляется вверху окна (после архивирования трансляции посты располагаются в обратном порядке, т. е. сверху вниз, согласно хронологии матча).

Онлайн-трансляции представляют собой связный (хотя и существенно сегментированный) текст, продуцированный комментатором. Однако в целом интернет-коммуникация носит, как правило, (в той или иной степени) интерактивный характер и предполагает самые разнообразные формы диалога. По этой причине мы посчитали уместным включить в исследование текстовых трансляций анализ чатов, размещенных в отдельных окнах и предназначенных для того, чтобы дать болельщикам возможность высказывать все, что они думают относительно трансляции. Такие чаты открываются параллельно с трансляцией (или вскоре после ее окончания) и являются носителями живых диалогов, в рамках которых спортивные болельщики реагируют на трансляцию, общаются между собой, а также вступают в воображаемую полемику с игроками, судьями, тренерами, руководством клубов и т. п.

Методология и анализ данных

Жанры, рождающиеся в среде электронной коммуникации, часто носят гибридный характер, занимают пространство на стыке традиционных типов текстов и с трудом уместаются в существующие типологии. Соответственно, при работе с такими жанрами необходимо прибегать к «гибридной» (смешанной) интерпретационной методологии. На наш взгляд, такая методология должна сочетать в себе как минимум следующие аспекты: стилистику, прагматику (или прагма-

тическую стилистику), а также дискурсивный анализ (в ряде случаев включая критический дискурсивный анализ), социолингвистику и разговорный анализ.

Стилистика

С точки зрения стилистики исследуемые тексты занимают неустоявшуюся промежуточную позицию между публицистическим функциональным стилем (т. е. стилем медиакоммуникации), отчасти научным стилем (применительно к комментаторам) и стилем бытовой неформальной повседневной коммуникации (главным образом применительно к болельщикам). Вряд ли пока можно говорить о самостоятельном стиле электронной коммуникации, однако он, судя по всему, обретает все более ясные очертания в своих прототипических жанрах (таких как чат или форум), характеризуется особым членением или структурой дискурса, специальной графикой (под которой подразумеваются отнюдь не только эмодзи), никами и другими свойственными ему отличительными чертами.

Если вместо функциональных стилей взять за основу концепцию коммуникативных сфер (сравн. [22]), в данном случае речь пойдет прежде всего о симбиозе спортивной и медийной сфер, а в случае болельщиков налицо глубокое внедрение в сферу бытового общения. С этим связан и функциональный профиль изучаемого дискурса: классические функции по Якобсону здесь представлены во всей полноте, пожалуй, за исключением разве что эстетической/поэтической функции, но и ее можно было бы модифицировать в функцию «развлекательную», которая в данном случае тесно переплетена с информационной функцией в виде *инфотейнмента* (нет сомнений, что болельщики воспринимают спортивные трансляции в разных медиа и связанные с ними дискусии как благодатный источник развлечений).

На сегодняшний день в сфере спорта много говорят о таких процессах, как *спортейнмент*, *интертейнизация* и *таблюдизация*, а т. к. спортивный матч или соревнования, разумеется, также представляют собой борьбу, схватку, противостояние, то в итоге родилось еще одно «смешанное» понятие – *конфронтейнмент*, т. е. «конфронтация в развлекательной упаковке» [13, 14].

Эмоциональность, экспрессивность. С точки зрения прагмалингвистики и прагматической стилистики анализа заслуживает, кроме прочего, реакция комментаторов и болельщиков на драматичный ход матча или соревнований, когда они находятся под влиянием впечатлений, переживаний, коллективных эмоций (сравн. [23]). В ходе футбольных и хоккейных матчей ключевым моментом в этом отношении является момент забивания гола (а также неуспешной попытки его забить), сравн., например, фрагменты трансляции матча «Севилья» – «Славия», 7.3.2019, порталы Sport.cz + Onlajny.com:

Tým SK Slavia Praha právě vstřelil branku! Je vyrovnáno! Slavia se dočkala branky! Lukáš Masopust z pravé strany odcentroval pod sebe. Traoré ještě našel MIROSLAVA STOCHA, který trefil Roga, od nějž si míč našel cestu do sítě! [Команда «СК Славия Прага» только что забила гол! Счет сравнялся! «Славия» наконец-то дождалась гола! Лукаш Масопуст справа отдал пас. Траоре нашел МИРОСЛАВА СТОХА, тот попал в Рога, от которого мяч и отправился в ворота! – здесь и далее перевод на русский язык Мария Молчан].

Fantastický Kolář! Slavia opět chybovala při rozehrávce. Do obrovské šance se dostal Rog, ale brankář Slavie skvěle vyběhl a šanci zlikvidoval! [Коларж просто волшебник! «Славия» опять допустила ошибку при вводе мяча. Рог создал прекрасный голевой момент, но вратарь «Славии» выбежал из ворот и мастерски свел этот шанс на нет!].

В комментариях к этому матчу встречаются в том числе такие формулировки, как *Tak tohle si nikdo z hráčů ani fanoušků Slavie nepřál!* [Да, такое не могли загадать ни игроки, ни болельщики «Славии»] или *To je začátek jako z pekelného snu!* [Такое начало даже в страшном сне не могло присниться!]. Эмоциональность здесь выражается при помощи жирного шрифта (который используется, когда забивают гол), большого количества восклицательных знаков, а также усилительными, оценоч-

ными определениями, например: *fantastický, obrovský, skvělý* [фантастический, шикарный, великолепный]. И болельщики в чате реагируют подобным образом: *nádherný výsledek, neskutečný gól, neuvěřitelná klika, paráda, super* [прекрасный результат, фантастический гол, невероятное везение, блеск, супер].

Если изучать язык и стиль спорта в медиапространстве посредством указанного жанра, дополнительную методологическую проблему представляет собой определенное сосуществование отдельных официальных интернет-трансляций (комментариев) с одной стороны и реакций болельщиков в сопутствующих чатах с другой. Можно было бы проанализировать каждую из этих коммуникаций отдельно: монологическую (или в крайнем случае фиктивно диалогизированную) и преимущественно диалогичную. В некоторых случаях подобное деление действительно будет уместным, однако если нас интересует гибридный, смешанный характер изучаемых текстов, на наш взгляд, стоит отметить в том числе и взаимные связи и параллели между обеими линиями коммуникации, посвященными одному спортивному событию.

Таким образом, изучаемые явления в некоторых случаях можно расположить на определенной шкале. Если говорить обобщенно, официальные комментарии, разумеется, носят более предметный, объективный и профессиональный характер по сравнению с намного более субъективными, спонтанными, эмоциональными реакциями болельщиков. Помимо этого необходимо учитывать разницу между профилями отдельных порталов, которая сказывается на жанровой принадлежности той или иной трансляции: иногда они носят динамичный, нарративный, богатый на выразительные средства, экспрессивный, относительно субъективизированный характер (см. примеры выше), что роднит их с репортажами, тогда как в других случаях им свойственен более предметный, стилистически строгий, скупой на выразительные средства слог, что ставит их в один ряд с новостными заметками. Для примера можно сравнить комментарии применительно к одному и тому же событию (Трансляция теннисного матча Синякова – Стрыцова, 8.1.2018, Ролан Гаррос) на двух самых популярных спортивных порталах:

Sport.cz: *Barbora Strýcová hraje skvěle! Znovu musela u sítě hrát nesmírně těžký volej, ale zahrála jej fantasticky a smečí ukončila výměnu.* [Барбора Стрыцова играет великолепно! Ей пришлось снова разыграть чудовищно сложный удар с лёта, с которым она превосходно справилась и завершила розыгрыш смэшем].

Sport.IDnes.cz: *Strýcová úspěšně zasměchovala na síti.* [Стрыцова успешно пробила смэш у сетки].

Подобным образом отличаются и реакции болельщиков на отдельных порталах: на Sport.cz и некоторых других они более многословные, с более сложной структурой текста, тогда как на Sport.IDnes.cz (и аналогичных порталах) они больше напоминают типичный чат, т. е., как правило, содержат короткие и очень экспрессивные возгласы, включая характерные средства электронной коммуникации. Позитивная реакция на Sport.cz выглядит, например, следующим образом: *Hoši děkujem, jste super, i za předchozí zápasy díky!* [Ребята, спасибо, вы просто класс, и за предыдущие матчи спасибо.]. По сравнению с этим на Sport.IDnes.cz: *Supéér☺; JOOOOO; Jupí!!!!!!! PARÁDA !!!!!☺)); Je to domaаааааа! [Супееееер ☺; ДАААААА; Ура!!!!!!! КЛАСС!!!! ☺)); Наши победыииииии!].*

Разница также наблюдается и в отношении негативных и критических реакций, которых комментаторы обычно себе не позволяют, за исключением разве что матчей сборной Чехии (например, по хоккею), где они не могут сдержать своего разочарования: *bohužel netrefil odkrytou polovinu brány; naneštěstí se nedostal k dorážce; toto byla hodně nevyvedená přesilovka; to je škody!; opařený český tým...* [к сожалению, он не попал в пустую половину ворот; к несчастью, шанс забросить шайбу в ворота ему не выпал; игра в неравных составах совсем не заладилась; жаль-то как!; ошпаренная чешская сборная...].

Potřetí v řadě se Růžička zjevil v obrovské šanci. Odkrytou polovinu brány však trestuhodně netrefil. To je velká škoda. [В третий раз подряд Ружичке выпал великолепный шанс. Однако он так и не смог за-

бросить шайбу в пустую половину ворот. Очень жаль.] (Трансляция матча Чехия – Олимпийские спортсмены из России, 23.2.2018, Зимние олимпийские игры в Пхенчхане).

Объемные критические отзывы болельщиков (аналитического или общего характера) встречаются практически только на портале Sport.cz:

Umíme bruslit, umíme si nahrát a to je tak vše. Neumíme přesilovku, neumíme vstřelit gól, nemáme v týmu osobnost. [Мы умеем кататься, умеем давать пасы, но на этом, пожалуй, все. Игра в неравных составах не спорится, гол забрасывать мы не умеем, и в команде нет сильного лидера.]

Protože chytá Slovákům Čiliak, předem jsme prohráli. Nikdy nepustí víc jak dvě branky. Při české střelecké impotenci to jinak nevidím. [Так как у словаков на воротах стоит Чилиак, мы уже заранее проиграли. Он никогда не пропускает больше двух шайб. В условиях чешской голевой импотенции другой результат вряд ли возможен.] (Чат к трансляции матча Чехия – Словакия, 5.5.2018, Чемпионат мира в Копенгагене).

Высокая степень экспрессивности, проявляющаяся при критической оценке игроков, тренеров, судей, а также глав и владельцев клубов свойственна всем болельщикам: на разных порталах они обесценивают судей или подтрунивают над ними (*pruhovaný blázen*; *pruhovaný panchartí* [полосатый дурак; убудки в полоску]) и игроками, например, над капитаном чешских хоккеистов Романом Червенкой (*Červenka se netrefí ani do fotbalové brány*; *Díky kopyto Červenko! Červenka mě překvapil, konečně skóroval – do prázdné klece* [Червенка даже не может попасть в створ ворот; Спасибо деревянному Червенке! Червенка меня удивил – наконец-то он забил гол, правда, в пустые ворота]). Однако вульгаризмы типа *Costa je prase, zde vidíte slávistický prasata* [Коста – свинья, сейчас вы видите свиней из «Славии»] чаще встречаются на портале Sport.IDnes.cz.

Лексика. В рамках нашего исследования стоит также обратить внимание на дифференциацию лексики, главным образом на оси термин – профессионализм – сленгизм. Из пар, образованных чешским выражением и заимствованным, таких как *nedovolený zákrok – faul, postavení mimo hru – ofsajd, míč v zámezí – aut, pokutový kop – penalta, podání – servis, sada – set, hra – gejm* [нарушение правил игры – фол, положение вне игры – офсайд, мяч за пределами поля – аут, штрафной удар – пенальти, подача – сервис, серия – сет, партия – гейм] и др., в рамках официальных правил и документов, относящихся к отдельным видам спорта, за небольшим исключением используются чрезвычайно корректные чешские, часто неологизмы (*postavení mimo hru, pokutový kop, nedovolený zákrok, zakázané ivolnění, vhažování, branka* [положение вне игры, штрафной удар, нарушение правил игры, проброс, вбрасывание, ворота] и т. д.).

В чешских спортивных интернет-трансляциях чаще используются выражения иностранного происхождения, как правило, короткие и однословные, которые производят не столь официальное впечатление и которым читатели/получатели, адресаты трансляции, бесспорно, отдают предпочтение: *aut, faul, buly, pas, ofsajd, stoper, gól, kurt, debl, blafák, brejk* [аут, фол, буллиты, пас, офсайд, стоппер, гол, корт, дабл, финт, брейк]. Они не имеют четко установленной терминологической формы, вследствие чего их можно рассматривать преимущественно как профессионализмы. Это относится и к таким выражениям, как *bodyček* [боду-чек] или *krosček* [кросс-чек], в отношении которых внятный чешский эквивалент отсутствует; в словарях им дается очень многословное толкование («разрешенный прием физического воздействия на соперника»; «запрещенный прием – удар соперника клюшкой»). И здесь можно рассматривать определенную шкалу от уставов, правил и других официальных текстов до спортивных трансляций (в данном случае интернет-трансляции мало чем отличаются от радио- и телетрансляций), включая дискуссии болельщиков, которые используют большинство упомянутых (и других) профессионализмов аналогично комментаторам, но и, конечно, не обходят стороной сленг, к которому комментаторы прибегают крайне редко¹: *národčák* (национальная сборная), *vlastňák* (автогол), *pentle* (пенальти),

¹ За неимением стилистически эквивалентного слова/словосочетания на переводящем языке в этом и в следующем предложениях в русском переводе приводятся стилистически нейтральные аналоги (прим. пер.).

plichta (ничья), *placka* (медаль), *bedna* (пьедестал), *krat'as* (укороченный удар), *dělovka* (дальний удар), *gólovka* (голевой момент), *šlapák* (грубый фол), *dloubák* («ложечка») и др. Однако переходы происходят плавно, а ряд выражений осциллирует между профессионализмами и сленгом, как, например, столь распространенные в футболе *malé/velké vápno* (площадь ворот/штрафная площадь). Это доставляет много проблем лексикографам при поиске стилистических квалификаторов для словарей: помимо нейтрального и при этом довольно неопределенного квалификатора *sport.* также появляются комбинированные квантификаторы: *sport. publ.*, *sport. profes.*, *sport. slang.*, *sport. slang. expr.* и др.

Хотелось бы еще отметить тот факт, что лексика, используемая спортивными профессионалами – комментаторами (включая различную дополнительную информацию ситуационного и контекстного свойства, которая дается в концентрированном виде прежде всего перед началом матча или во время перерыва, но при этом проходит нитью через всю трансляцию), конечно, богаче и разнообразнее лексики болельщиков, которые, разумеется, не охватывают и не описывают ход всего матча или соревнований, а ограничиваются короткими, как правило, оценочными реакциями. В трансляциях это проявляется прежде всего в богатом репертуаре фразеологизмов, хотя некоторые из них носят довольно автоматический характер (*brankář drží čisté konto, na skvělém brankáři si vylámali zuby, pronikl obranou soupeře jako nůž máslem, branka do šatny* [вратарь остается «сухим», он сломал зубы на великольном вратаре, проскользнул через защиту, словно нож по маслу, гол в раздевалку] и др.); однако встречаются и весьма оригинальные сочетания, такие как *vyslal projektil směrem k brance; mířidla však neměl dostatečně seřizovaná, střela šla mimo* [он направил снаряд по направлению к воротам, однако прицел был плохо отрегулирован, выстрел ушел мимо]. Красочность и драматичность комментариев также усиливают такие динамичные выражения, которые отражают быструю смену событий и основаны на глаголах или наречиях: *vlétl do pokutového území; řítíl se dopředu; hnál se za míčem; upaloval na střídačku; střela prosvíštěla nad brankou; byl okamžitě dostižen; bleskově rozehráli* [влетел в штрафную; мчался вперед; гнался за мячом; устремился на смену звеньев; снаряд просвистел над воротами; его тут же догнали; молниеносно разыграли]. И можно еще добавить сравнения, обладающие подобным эффектом: *jako tank se prodral přes dva hráče; počínal si jako lavína* [как танк, прорвался через двух игроков; он был словно лавина].

Синтаксис. Поле для актуализации, динамизации, определенной оригинальности спортивных трансляций открывается прежде всего перед комментаторами тех порталов, которым, как было отмечено выше, свойственна более сложная структура текстов (главным образом Sport.cz, а также Onlajny.com, Livesport.cz, Aktuálně.cz). Единицы («посты», сегменты текста), сопровождающие отдельные минуты трансляции матча, носят более комплексный характер, они более богаты на художественно-выразительные средства, благодаря чему и возможна вышеуказанная актуализация и динамизация. К особенностям комментаторов прежде всего портала Sport.IDnes.cz относится использование более коротких, компактных единиц и минимальное количество художественно-выразительных средств. Это ведет к определенной шаблонности, стандартизации, повторению набора моделей и стереотипному характеру сегментов текста (хотя это может вполне устраивать некоторых адресатов трансляции). В отличие от вышеуказанной группы порталов во главе с Sport.cz на данных порталах не встречаются объемные, конденсированные синтаксические структуры и многоуровневые сложные предложения, которые могут быть слишком сложны для быстрого восприятия, например:

Před Matějem Hanouskem se na levém křídle otevřel obrovský prostor, čehož domácí krajní obránce využil k průniku a následně přihrávce Adamu Hložkovi, ten se zády k brance pokusil o elegantní zakončení patičkou a parádní trefě spartánského mladíka zamezil skvělým zákrokem Miloš Buchta! [Перед Матеєм Ганоусеком на левом крыле возникла огромная брешь, чем воспользовался крайний защитник хозяев, он пробился и отдал пас Адаму Гложеку, который спиной к воротам попытался элегантно завершить комбинацию ударом пяткой, и прекрасному голу юного нападающего «Спарты» поме-

шала мастерская реакция Милоша Бухты!] (Трансляция матча «Спарта» – «Оломоуц», 16.3.2019, порталы Sport.cz + Onlajny.com).

Позволю себе заострить внимание на двух синтаксических стереотипах, которые часто используются некоторыми серверами и нередко сливаются в одну модель. Первый из них – постоянное использование противопоставительного союза «но», причем во многих случаях семантика противопоставления (контраста, конфронтации) не требуется, поэтому мы имеем дело скорее с дискурсивным маркером, имеющим нулевое семантическое значение. Второй – использование так называемых определительных придаточных предложений, которые часто ассоциируются именно со спортивными репортажами. Их также называют «нерестриктивными придаточными» или «квазиатрибутивными» предложениями (сравн. [24–26]), которые вводятся, как правило, союзным словом *который* (а также *когда*, *где*, *что* и др., кстати, помимо «но» также используются такие близкие по значению коннекторы, как *однако*, *тем не менее*, *хотя...*). Обе модели («но» и «который») часто комбинируются в рамках одной единицы.

Nečas obdržel pas mezi kruhy, ale musel se ještě otáčet, následně vypálil, ale Keith Kinkaid dobře viděl a kryje ruk v lapačce. [Нечас получил пас на пятачок, но должен был еще развернуться, потом он ударил по воротам, но Кейт Кинкейд быстро сориентировался, и шайба оказалась в ловушке].

Češi vybojovali vítězství v nájezdech, které rozhodl Michal Řepík, jenž se stal jediným úspěšným exekutorem. [Чехи выиграли по буллитам, победу в которых обеспечил Михал Ржепик, что единственный реализовал успешный бросок по воротам].

Dostali se do vedení ve 28. minutě, kdy se trefil Gusev. [Они вырвались вперед на 28-й минуте, когда в ворота попал Гусев].

Mohamed Salah poslal míč na malé vápno, kde šel do souboje gólman Navas, vysoko do vzduchu se dostal ale také útočící van Dijk, který sice míč zasáhl, ale poslal ho mimo branku. [Мохамед Салах выбросил мяч во вратарскую площадку, где на него вышел вратарь Навас, высоко в воздух, однако, взметнулся нападающий ван Дайк, который хотя и коснулся мяча, но направил его мимо створа ворот].

Анализ дискурса, социолингвистика

До этого момента мы анализировали спортивные трансляции и соответствующие чаты, главным образом опираясь на стилистические подходы и делая акцент на стилистической дифференциации конкретных языковых средств (прежде всего лексических и синтаксических). Однако мы также затронули эмоциональный аспект и, проводя анализ объективности комментаторов (или субъективизации комментария) и связанного с их официальной ролью требования нейтральности и т. д., теперь оказываемся в области анализа дискурса (включая критический) и социолингвистики, т. к. важную роль здесь играют отношения между участниками этого многослойного процесса коммуникации, социальная иерархия, национальная и региональная мотивация, формирование групповых идентичностей, конфликтная ситуация. Если опять сравнить работу комментаторов двух главных порталов, то сжатые высказывания на Sport.IDnes.cz, как правило, носят строгий и нейтральный характер, тогда как в работе комментаторов Sport.cz в решающие, драматичные моменты проскальзывает поддержка членов чешской сборной, например, хоккеистов:

Tým Česko právě vstřelil branku! Výborně, je srovnáno! [Чешская команда только что забила гол! Прекрасно, счет сравнялся!].

Tým USA právě vstřelil branku! To je ohromná škoda! [Команда США только что забила гол! Ужасно жаль!].

Порой кажется, что комментаторы Sport.IDnes.cz ведут себя слишком сдержанно и стараются любой ценой нейтрально реагировать на результаты чешских спортсменов. Во время спринтерской гонки биатлонистов на 10 км на олимпиаде в Пхенчхане комментатор Sport.cz очень быстро сообразил, что у члена чешской сборной Михала Крчмаржа есть шансы занять призовое место

(в итоге он получил серебряную медаль), и горячо за него болел; в отличие от него комментатор Sport.IDnes.cz в течение продолжительного времени придерживался предварительных прогнозов, ожидал, что фавориты вырвутся вперед, был шокирован их неважными результатами, а Крчмаржа недооценивал и долго был скептически настроен по поводу его шансов на медаль.

По-другому обстоит ситуация с болельщиками, от которых не стоит ожидать объективности и нейтральности; однако все зависит от того, за кого/что они болеют, плюс здесь важно учитывать определенную типологию болельщиков, о которой пишет, например, Джулианотти [27]. В нашем корпусе данных лучше всего прослеживаются две группы: так называемые *supporters* и *followers*. Поведение в духе *supporters* свойственно болельщикам отдельных футбольных клубов во время матчей: они небеспристрастно поддерживают игроков своей команды, например, «Сигмы» (г. Оломоуц): *Sigma jedeeem!! Vydrzet Sigma, drzim palce! Sigma podme na to!* [*«Сигма», вперееед! Держаться, «Сигма», удачи! «Сигма», покажите там!*] и постоянно конфликтуют в дискуссиях с болельщиками других клубов. Например, в матче между «Спартой» (Прага) и «Сигмой» (г. Оломоуц) «Спарта», по мнению болельщиков «Сигмы», победила благодаря двум штрафным (пенальти), которые судья назначил несправедливо, тогда как по мнению болельщиков «Спарты» и других клубов, пенальти были «ясными» или «очевидными». Посредством участия в дискуссиях формируется и укрепляется групповая идентичность, которая выражается, например, в таких «излияниях» (болельщика «Спарты» после относительно неудачного сезона):

No nic, sezona na ho.no. Nebudem brečet nad rozlitym mlíkem, navstevnost v pevnosti Letna vynikajici. Spartani na fotbal chodej a sou verni Pravej Spartan je a Bude vzdycky Fanousek !!! Nikdy neopustim, nikdy nezradim, vzdycky tam v ochozech budu, proste jedem dal. This is SPARTA !!! :) [Мда, сезон ни к черту. Ладно, сделанного не воротишь, зато народу на «Летне» тьма. «Спартанцы» ходят на футбол и верны своей команде. Настоящий «спартанец» всегда есть и будет Болельщиком!!! Никогда не отрекусь, не предам, всегда буду на трибунах, просто жизнь продолжается. This is SPARTA !!! :)] (Чат к трансляции матча «Виктория» (Пльзень) – «Спарта» (Прага), 26.5.2018, портал Sport.cz).

Группа *followers* формируется главным образом при поддержке национальной сборной (чемпионат мира, олимпийские игры), и в данном случае нет необходимости особо выделять групповую идентичность, т. к. все единодушно болеют за сборную страны: *Hoši bojovat! Pojd'me hoši bojovat jako s Kanadou; Kluci, vydrzte, máte na ně! Výborně kluci, jen tak dál; Nejlepší zápas šampionátu, hoši děkujem!* [*Ребята, не сдаваться! Парни, надо сражаться, как на матче с Канадой; Ребята, держаться, вам они по плечу! Парни, молодцы, так держать; Лучший матч чемпионата, парни, спасибо вам!*].

Ярче всего идентичность проявляется в ходе и в конце успешных матчей; однако в случае неудачных матчей даже в таких сплоченных группах могут возникать конфликты из-за разной оценки событий, когда, например, одна болельщица утверждает, что чешские хоккеисты в матче против США «валяли дурака», а остальные участники дискуссии ее переубеждают: они вступаются за чешских игроков, заявляют, что «они играли в целом хорошо», что «они волновались, и это на них сказало», что «просто они оказались хуже».

Помимо этих двух категорий формируются и другие группы, например, состав болельщиков чешской команды (в прошлом году «Славии» (Прага)), которая играет в футбольной Лиге чемпионов; помимо болельщиков самой «Славии» ее поддерживают (хотя и не столь горячо, без фанатизма) болельщики других клубов. Такая ситуация, судя по всему, наиболее точно отражает суть группы *fans* по Джулианотти (ее прототипом также являются, например, чешские болельщики «Реала» (Мадрид), «Интера» (Милан) и других зарубежных звездных команд или англофилы, следящие за английской премьер-лигой).

Последней группой, которую выделил Джулианотти, являются *flaneurs* – холодные, «академичные» болельщики, космополитные специалисты; они, судя по всему, не принимают участия в дискуссиях в чатах к интернет-трансляциям или участвуют в других дискуссиях (в случае двух последних групп, *fans* и *flaneurs*, скорее, формируют международные сообщества).

Между болельщиками разных клубов или национальных сборных складываются не только конфликтные отношения. Болельщики способны поздравить соперников от всей души (с получением титула или медали) или признаться – по соглашению с болельщиками соперника, – что им стыдно за сегодняшнюю игру их команды или за некорректное поведение фанатов их клуба на стадионе. Таким образом, отношения между группами болельщиков носят не совсем линейный характер и не исключают взаимной терпимости, самокритики, самоиронии; в данном случае иногда говорят о трансформации феномена фанатской культуры в настоящее время, о так называемых *post-fans*, на которых (в эру глобализации) уже не распространяется фанатичное утверждение: "we love to hate each other" [28].

Следует еще остановиться на проблеме, которую, на наш взгляд, необходимо проанализировать при помощи методов критического анализа дискурса: речь идет о проникновении политики в спорт. Например, в чате к матчу между Чехией и Россией хоккейные болельщики не гнушаются примитивными антироссийскими высказываниями (например, называя Россию «империей зла»), а некоторые болельщики, наоборот, встают на защиту российских спортсменов (которых снимают с соревнований из-за допинга). Диаметрально противоположными мнениями также обмениваются и любители биатлона: некоторым не нравится, что Словакия зарабатывает медали русская спортсменка Кузьмина, другие, наоборот, восхищаются ее результатами. Иногда появляются критические замечания и в адрес чешских политиков, которые, стремясь поднять свои рейтинги, посещают спортивные события, например, теннисный «Кубок федерации».

Конверсационный анализ

Итак, нам остается рассмотреть трансляции и чаты при помощи методов конверсационного анализа. На чешских порталах не наблюдается то, что исследует Я. Хованец [19 и др.] в отношении английского Guardian, т. е. прямое интерактивное участие читателей-болельщиков в трансляции (там комментатор вставляет в трансляцию сообщения болельщиков и тут же на них реагирует). Чешские спортивные онлайн-трансляции носят монологический характер, фиктивная диалогизация заключается только в том, что в начале трансляции комментатор здоровается с читателями, желает им приятного времяпровождения, а в конце благодарит за внимание, прощается и выражает желание встретиться снова в рамках следующих трансляций.

В отличие от этого чаты болельщиков основаны, конечно, на диалоге: к ним можно присоединиться в любой момент, реплики, как правило, бывают короткими (особенно на Sport.IDnes.cz) – в такой ситуации не формируются более длинные когерентные сегменты текста. Иногда один за другим следуют несколько индивидуальных комментариев, которые, скорее, носят характер восклицания, участники дают выход эмоциям, оценивают происходящее на поле (на корте, на трассе) – в данном случае они реагируют на трансляцию, а не друг на друга. Помимо этого, здесь формируется несколько сегментов, в рамках которых двое или более участников обмениваются мнениями, отвечают друг другу на вопросы, дополняют друг друга и т. п.; такие дискуссии могут происходить параллельно и перекрываться в стенограмме (невозможно повлиять на то, где и когда появится тот или иной комментарий). В таких случаях необходимо пометить в начале комментария имя или ник адресата, на которого реагирует автор комментария, т. е. мы имеем дело с определенными межрепликовыми отсылками. Однако подобное структурирование диалога (нередко весьма хаотичное) в первую очередь обусловлено обсуждаемыми темами; темы могут запускаться неожиданно, в случайном порядке; как правило, тема не закрывается на определенном отрезке взаимной коммуникации, чтобы окончательно перейти в следующем сегменте к новой теме.

На одном форуме (посвященном матчу между «Севильей» и «Славией», который состоялся 9 марта 2019 г.) несколькими участниками обсуждается несколько тем:

- начало матча (быстрый гол «Севильи»);

- констатация успешных комбинаций «Славии», причем часто говорится о том, что «ей повезло», «невероятно повезло», «Крал и не сообразил, как мяч оказался в воротах» и т. п.;
- беспокойство болельщиков по поводу состояния вратаря Вацлика, который вынужден был покинуть поле из-за травмы (хотя он был вратарем «Севильи», «нашей сборной он пригодится»);
- радость от забитых голов и опасения относительно дальнейшего развития событий («Только бы нам снова не забили!»);
- радость от итогового результата.

В других чатах фигурируют и иные – относительно дежурные – темы: например, дискуссия болельщиков по поводу того, имел ли судья право назначать штрафной удар или вручать желтую карточку. В данном случае радостные чувства сменяются чувством несправедливости. Все чаты болельщиков полны слов поддержки как таковой, поддержки той или иной команды, восхищения этой командой (*Sigma jedeeem! Držim palce Sigma!* [«Сигма», *вперед!* Удачи тебе «Сигма»!]). Некоторые темы носят более узконаправленный характер, например, обмен возмущенными репликами по поводу поведения болельщиков на стадионе. К этому разряду также относятся вышеуказанные политические темы: в рамках матча между «Севильей» и «Славией» болельщик-антикоммунист критикует «коммунистическую звезду» на формах «Славии» и китайский капитал, вложенный в клуб, однако другой участник дискуссии тут же ставит его на место.

В одной длинной дискуссии (на Sport.cz и Onlajny.com) формируются большие отрезки текста, содержащие как обмен фактической информацией (например, что какой-то игрок не вышел на поле), так и личные беседы между постоянными участниками чата, которые явно хорошо друг друга знают, периодически встречаются на этой площадке, здороваются и называют друг друга уменьшительно-ласкательными формами имен (к участнику чата по имени *Lubomír* обращаются *Lubo*). Когерентность всей дискуссии периодически нарушается вследствие того, что модератор иногда удаляет тот или иной комментарий в силу его «несоответствия правилам чата», и участники стараются этого избежать при помощи некоторой эвфемизации, например, используя укороченные формы вулгаризмов (*to je vpr, cože si dělají prd, body jsou v haj* [мы в ж; да они бл издеваются; прос...и очку]). На реплику участника форума LZ участник RJ реагирует следующей фразой: *Jsi jen zapšklej☺ Pentle jasný* [Да что ты лабуду-то развел ☺] *всяко-разно должно было быть пенальти*, однако их диалог разбивается тремя репликами других участников; после вышесказанной фразы RJ опять идут три реплики других авторов и только потом реакция LZ на RJ: *Nesu zapškle ale ona by se stejně nějaká penalta našla, Sparta přece nemůže doma prohrát, srágorý!!!* [Ниче я не развел, сто пудов пенальти бы назначили, Спарта ведь не может проиграть на своем поле, ссыкуны!!!].

Хотелось бы отдельно остановиться на теме, которая в последнее время часто фигурирует в чатах чешских болельщиков. Этот вопрос хотя и носит, скорее, технический характер, но все равно вызывает бурные эмоции. До недавнего времени трансляции футбольной Лиги чемпионов и других важнейших спортивных мероприятий осуществлял канал «Чешское телевидение» (который является общественным телеканалом и существует в том числе на сборы, которые платят практически все граждане Чешской Республики). Болельщики не могут смириться с тем фактом, что в последнее время ситуация изменилась и телевизионные трансляции переместились на платные телеканалы, которые доступны далеко не всем.

Многие зрители хотят одновременно смотреть телетрансляцию и текстовую интернет-трансляцию и поэтому часто ищут или делятся в интернет-чате информацией о том, по какой ссылке можно посмотреть матч. Именно поэтому то и дело высказывают просьбы типа *Ahoj, nějaký funkční stream?; Díváte se někdo na nějaký stream?* [Привет, есть у кого-нибудь рабочая ссылка на стрим? Кто где смотрит стрим?], равно как и слова благодарности за предоставленные ссылки, а также жалобы типа: *Já jsem se na O2Sport vyflákl a musím sledovat jen on line reportáž na idnes.cz* [Я плюнул на O2Sport и вынужден смотреть только онлайн-репортаж на idnes.cz] или *Byl tu jeden dobrý stream, ale už nejede a prý nepojede* [Была тут ссылка на хороший стрим, но она уже не работает и вроде не

zarabotajem] или *Ted' to naskočilo. Až ve 14. minutě a to se nestalo poprvé. A to platím normálně za všechny sportovní kanály* [Только что заработало. Аж на 14-й минуте, и такое уже не в первый раз. При этом я плачу за все спортивные каналы].

Заключение

В настоящей статье предпринята попытка представить один из наиболее современных жанров – или «форматов» – коммуникации в Интернете, включая стратификацию текстов (помимо «текстовой трансляции» как таковой и реакции болельщиков в чатах). В рамках исследования также обозначены разные стратегии ряда интернет-порталов, хотя, конечно, необходимо делать поправку на индивидуальные навыки и стиль отдельно взятых комментаторов (данный параметр достаточно трудно анализировать во времени, т. к. их имена указываются не всегда). Важно отметить прежде всего то, что с учетом гибридного характера современной интернет-коммуникации и свойственных ей жанров при ее анализе необходимо использовать весь «арсенал» методов, которые, несмотря на множество сходных черт, позволяют исследовать полученный корпус данных под разными углами.

Статья написана в рамках проекта № 18-08651S при поддержке Агентства по грантам Чешской Республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Beisswenger M.** Kommunikation in virtuellen Welten: Sprache, Text und Wirklichkeit. Eine Untersuchung zur Konzeptionalität von Kommunikationsvollzügen und zur textuellen Konstruktion von Welt in synchroner Internet-Kommunikation, exemplifiziert am Beispiel eines Webchats. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2000. 225 p.
2. **Crystal D.** Language and Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 318 c.
3. **Hutchby I.** Conversation and technology. From the telephone to the Internet. Cambridge: Polity Press, 2001. 232 p.
4. **Patráš V.** Sociolingvistické aspekty elektronicky podmienej komunikácie // Sociolinguistic Aspects of Electronically Determined Communication. Karviná: Obchodně podnikatelská fakulta; Opava: Slezská univerzita, 2009. 150 p.
5. **Čmejrková S.** Čeština v síti: psanost či mluvenost? O stylu e-mailového dialogu. [Чешский язык в сети: письменность или устность? О стиле диалога в формате электронной почты] // Naše řeč, 1997. Vol. 80. No. 4. Pp. 225–247.
6. **Čmejrková S.** E-čeština. [Чешский язык в электронной коммуникации] // Čeština doma i ve světě. 2006. No. 1–4. Pp. 4–15.
7. **Jilková L.** Elektronická komunikace [Электронная коммуникация] // Hoffmannová J. et al., Stylistika mluvené a psané češtiny. Praha: Academia, 2016. Pp. 105–143.
8. **Homoláč J., Mrázková K.** „S dovolením si na svém soukromém Twitteru budu dál psát, co chci“: Míšení diskurzivních praktik a identit v twitterových účtech českých novinářů a vyjednávání jejich soukromého charakteru [«С вашего разрешения, я буду писать в личном твиттере что захочу»: Смешение дискурсивных практик и идентичностей в твиттерах чешских журналистов и отстаивание их частного характера] // Slovo a slovesnost, 2019. Vol. 80. No. 4. Pp. 243–264.
9. **Lavric E., Pisek G., Skinner A., Stadler W.** (eds.). The linguistics of football. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2008. 450 p.
10. **Slančová D., Slančová T.** Reč pohybu, autority a súdržnosti [Речь движения, авторитета и сплоченности]. Prešov: Prešovská univerzita, 2014. 270 p.
11. **Müller T.** Football, language and linguistics. Time-critical utterances in unplanned spoken language, their structures and their relation to non-linguistic situations and events. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2007. 390 p.
12. **Mergeš J.** Textové stereotypy komentátorského prejavu v priamych TV prenosoch z futbalu [Текстовые стереотипы речи комментаторов в ходе прямых телетрансляциях футбольных матчей]. Prešov: Prešovská univerzita, 2016. 175 p.

13. **Mergeš J.** Jazyk mediálneho športu ako odraz jeho vlastností [Язык спорта в медиапространстве как отражение его характеристик] // *Jazyk a kultúra*, 2017. Vol. 8. No. 31–32. Pp. 95–102.
14. **Bočák M., Mergeš J., Sasák P.** Súčasný mediálny šport (Tri prieniky do fungovania športu v televízii) [Современный спорт в медиапространстве (Три взгляда на спорт на телевидении)]. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2019. 256 p.
15. **Chovanec J.** Competitive verbal interaction in online minute-by-minute match reports // *Brno Studies in English*. 2006. Vol. 32. No. 1. Pp. 23–35.
16. **Chovanec J.** Enacting an imaginary community: Infotainment in on-line-minute-by-minute sports commentaries // *The Linguistics of Football*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2008. Pp. 255–268.
17. **Chovanec J.** „Call Doc Singh!“ Textual structure and making sense of live text sports commentaries // *Cohesion and Coherence in Spoken and Written Discourse*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. Pp. 124–137.
18. **Chovanec J.** Simulation of spoken interaction in written online media texts // *Brno Studies in English*. 2009. Vol. 35. No. 2. Pp. 109–128.
19. **Chovanec J.** The discourse of online sportscasting. Constructing meaning and interaction in live text commentary. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2018. 303 p.
20. **Hoffmannová J.** On-line sportovní přenosy jako hybridní žánr [Спортивные онлайн-трансляции как гибридный жанр] // *Jazyk a kultúra*. 2018. Vol. 9. No. 35. Pp. 29–38.
21. **Hoffmannová J.** Termíny – profesionalismy – slangismy a jejich podíl na stylu on-line sportovních reportáží [Термины – профессионализмы – сленгизмы и их роль в формировании стиля спортивных онлайн-репортажей] // *Jazykovedný časopis*. 2018. Vol. 69. No. 3. Pp. 415–429.
22. **Hoffmannová J.** et al. Stylistika mluvené a psané češtiny [Чешский язык: стилистика устной и письменной речи]. Praha: Academia, 2016. 512 p.
23. **Klingová J.** Emócie a emocionálnosť v mediálnej interakcii (so zameraním na jazyk mediálneho športu) [Эмоции и эмоциональность в медиаинтеракции (с упором на язык спорта в медиапространстве)] // *Jazykovedný časopis*. 2018. Vol. 69. No. 2. Pp. 141–174.
24. **Straberger R.** K jednomu typu nepravých vedlejších vět vztažných [Об одной из разновидностей определительных придаточных предложений] // *Naše řeč*. 2007. Vol. 90. No. 5. Pp. 247–257.
25. **Daneš F.** Takzvané „vztažné věty nepřívlastkové“: současné názory na jejich status [Так называемые «неатрибутивные придаточные предложения»: современный взгляд на их статус] // *Naše řeč*. 2009. Vol. 92. No. 4. Pp. 169–183.
26. **Karlík P.** Neomezovací vztažná věta [Нерестриктивное придаточное предложение] // *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2016. Pp. 1165–1167.
27. Giulianotti R. Supporters, followers, fans and flaneurs. A taxonomy of spectator identities // *Football Journal of Sport and Social Issues*. 2002. Vol. 26. No. 1. Pp. 25–46.
28. **Krøvel R., Roksvold T.** (eds.). We love to hate each other. Mediated football fan culture. Göteborg: Nordicom, 2012. 323 p.

Статья поступила в редакцию 11.03.2020.

REFERENCES

- [1] **M. Beisswenger**, Kommunikation in virtuellen Welten: Sprache, Text und Wirklichkeit. Eine Untersuchung zur Konzeptionalität von Kommunikationsvollzügen und zur textuellen Konstruktion von Welt in synchroner Internet-Kommunikation, exemplifiziert am Beispiel eines Webchats. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2000.
- [2] **D. Crystal**, Language and Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- [3] **I. Hutchby**, Conversation and Technology. From the Telephone to the Internet. Cambridge: Polity Press, 2001.
- [4] **V. Patráš**, Sociolingvistické aspekty elektronicky podmienenej komunikácie / Sociolinguistic Aspects of Electronically Determined Communication. Karviná: Obchodně podnikatelská fakulta; Opava: Slezská univerzita, 2009.
- [5] **S. Čmejková**, Čeština v síti: psanost či mluvenost? O stylu e-mailového dialogu. [Czech on the network: written or spoken interaction? The style of an e-mail conversation.], *Naše řeč*, 80 (4) (197) 225–247.

- [6] **S. Čmejrková**, E-čeština. [Electronic communication in Czech], Čeština doma i ve světě, 1–4 (2006) 4–15.
- [7] **L. Jilková**, Elektronická komunikace [Electronic communication], J. Hoffmannová et al., Stylistika mluvené a psané češtiny. Praha: Academia, 2016, pp.105–143.
- [8] **J. Homoláč, K. Mrázková**, S dovolením si na svém soukromém Twitteru budu dál psát, co chci“: Míšení diskurzivních praktik a identit v twitterových účtech českých novinářů a vyjednávání jejich soukromého charakteru [“Excuse me, I will write what I want on my private Twitter account”: Blending discursive practices and identities on Czech journalists’ Twitter accounts and negotiating their private status], Slovo a slovesnost, 80 (4) (2019) 243–264.
- [9] **E. Lavric, G. Pisek, A. Skinner, W. Stadler** (eds.), The Linguistics of Football. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2008.
- [10] **D. Slančová, T. Slančová**, Reč pohybu, autority a súdržnosti [The Language of Movement, Authority and Solidarity], Prešov: Prešovská univerzita, 2014.
- [11] **T. Müller**, Football, Language and Linguistics. Time-critical Utterances in Unplanned Spoken Language, Their Structures and Their Relation to Non-linguistic Situations and Events. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2007.
- [12] **J. Mergeš**, Textové stereotypy komentátorského prejavu v priamych TV prenosoch z futbalu [Stereotype Expressions in Television Broadcasting of Football], Prešov: Prešovská univerzita, 2016.
- [13] **J. Mergeš**, Jazyk mediálneho športu ako odraz jeho vlastností [The Language of Media Sport as a Reflection of its Properties], Jazyk a kultúra, 8 (31–32) (2017) 95–102.
- [14] **M. Bočák, J. Mergeš, P. Sasák**, Súčasný mediálny šport (Tri prieniky do fungovania športu v televízii) [Current Media Sports: Three Insights into the Functioning of Sports in Television], Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2019.
- [15] **J. Chovanec**, Competitive verbal interaction in online minute-by-minute match reports, Brno Studies in English, 32 (1) (2006) 23–35.
- [16] **J. Chovanec**, Enacting an imaginary community: Infotainment in on-line-minute-by-minute sports commentaries, The Linguistics of Football. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2008, 255–268.
- [17] **J. Chovanec**, “Call Doc Singh!” Textual structure and making sense of live text sports commentaries, Cohesion and Coherence in Spoken and Written Discourse. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009, 124–137.
- [18] **J. Chovanec**, Simulation of spoken interaction in written online media texts, Brno Studies in English, 35 (2) (2009) 109–128.
- [19] **J. Chovanec**, The Discourse of Online Sportscasting. Constructing meaning and interaction in live text commentary. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2018.
- [20] **J. Hoffmannová**, On-line sportovní přenosy jako hybridní žánr [Online sports as a hybrid genre], Jazyk a kultúra, 9 (35) (2018) 29–38.
- [21] **J. Hoffmannová**, Termíny – professionalism – slangismy a jejich podíl na stylu on-line sportovních reportáží [Terms, professional words, slang expressions and their contribution to the style of on-line sports reporting], Jazykovedný časopis, 69 (3) (2018) 415–429.
- [22] **J. Hoffmannová** et al., Stylistika mluvené a psané češtiny [Stylistics of Spoken and Written Czech] Praha: Academia, 2016.
- [23] **J. Klingová**, Emócie a emocionálnosť v mediálnej interakcii (so zameraním na jazyk mediálneho športu) [Emotions and emotionality in media interaction (focused on the media sport language)], Jazykovedný časopis, 69 (2) (2018) 141–174.
- [24] **R. Straberger**, K jednomu typu nepravých vedlejších vět vztažných [One type of relative clauses – „quasi-attributive“ relative clauses], Naše řeč, 90, (5) (2007) 247–257.
- [25] **F. Daneš**, Takzvané „vztažné věty nepřívlastkové“: současné názory na jejich status [So-called “non-attributive relative clauses”: current opinions on their status], Naše řeč, 92 (4) (2009) 169–183.
- [26] **P. Karlík**, Neomezovací vztažná věta [Non-restrictive relative clause], Nový encyklopedický slovník češtiny. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2016, 1165–1167.
- [27] **R. Giulianotti**, Supporters, followers, fans and flaneurs. A taxonomy of spectator identities, Football Journal of Sport and Social Issues, 26 (1) (2002) 25–46.
- [28] **R. Krøvel, T. Roksvold** (eds.), We Love to Hate Each Other. Mediated Football Fan Culture. Göteborg: Nordicom, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Hoffmannova Jana

E-mail: hoffmannova@ujc.cas.cz

DOI: 10.18721/JHSS.11206
УДК 378

УЧЕБНЫЙ ЛОНГРИД КАК МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ТЕКСТ: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЖАНРА

О.Ф. Купрещенко

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Российская Федерация

Цифровая революция повлияла на все сферы коммуникации, существенные изменения произошли и в образовательной среде. Цифровые тексты, с которыми школьники и студенты регулярно взаимодействуют в повседневной коммуникации, становятся эффективным средством обучения. Онлайн-технологии наделяют цифровые материалы возможностями, недоступными для бумажных текстов. В качестве примера цифрового текста рассматривается лонгрид – формат подачи медиатекстов, характеризующийся большим объемом, связностью вербальных и аудиовизуальных компонентов и глубиной погружения в тему. Передача информации с помощью разных семиотических систем позволяет рассматривать лонгрид как мультимодальный жанр. В статье описаны основные характеристики лонгрида как жанра, охарактеризованы преимущества использования лонгрида в образовательном процессе, приведены результаты опроса преподавателей по использованию цифровых текстов в образовательном процессе. Отдельно проанализированы учебные лонгриды с точки зрения их структурной организации и содержания, а также взаимодействия вербальных и аудиовизуальных компонентов.

Ключевые слова: методика преподавания, лонгрид, мультимодальный текст, цифровой текст, цифровизация образования.

Ссылка при цитировании: Купрещенко О.Ф. Учебный лонгрид как мультимодальный текст: к вопросу о специфике жанра // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 69–77. DOI: 10.18721/JHSS.11206

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

EDUCATIONAL DIGITAL LONGFORM ARTICLE AS A MULTIMODAL TEXT: ON THE ISSUE OF THE GENRE SPECIFICS

O.F. Kupreshchenko

Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russian Federation

The digitalization has affected all areas of communication, significant changes have occurred in the educational environment. This paper discusses the possibilities of including digital texts in the educational process. Digital longform Journalism has recently attracted increased attention among Internet users, including teachers. Consequently Digital Longform journalistic works must be considered not only in terms of journalism but also as an effective learning material. Potential of digital technologies is to integrate photographs, videos, information graphics, audios, animation effects into educational text. The transmission of information using different semiotic systems allows us to consider Digital longform Journalism as a multimodal genre. In order to analyze the possibilities of using Digital longform Journalism in learning, educational longform text are described: we have analyzed their structural organization and content, as well as the interaction of verbal and audiovisual components. As a result of the study ways of using Digital longform Journalism in the educational

process are proposed: It can be used for the presentation of educational material and as the form of the final student project.

Keywords: long read, multimodality, media, digital, e-learning, social medium.

Citation: O.F. Kupreshchenko, Educational digital longform article as a multimodal text: on the issue of the genre specifics, *Society. Communication. Education*, 11 (2) (2020) 69–77. DOI: 10.18721/JHSS.11206

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

С каждым годом онлайн-технологии играют все более заметную роль в образовании. С переходом обучения в цифровую среду основным источником информации становится цифровой текст — то есть текст, создание которого предполагает использование информационно-коммуникационных технологий. К цифровым текстам относятся не только электронные книги, но и посты в социальных сетях, новостные заметки и даже тексты комментариев на YouTube. Особенностью цифровых текстов является возможность сочетания разных семиотических систем (вербальной, визуальной, аудиальной) для передачи смысла. Такой способ представления материала называется мультимодальным (полимодальным/поликодовым) [1]. По сравнению с бумажными аналогами, в цифровых текстах модальности могут по-разному конфигурироваться, изменяться, а также расширяются способы распространения таких текстов. Читатель может управлять модальностями цифрового текста: контролировать поток информации с помощью кнопок паузы и перемотки, выбирать между форматами или объединять их (звук, изображение и текст), получать доступ к субтитрам, использовать интеллектуальные карты или онлайн-словари для улучшения понимания текста.

В интернет-среде цифровые тексты в основном представлены малыми жанровыми формами: инфографика, посты в социальных сетях, комментарии и т. п. Во-первых, это связано с постоянно увеличивающимся количеством информации и отсутствием времени на ее восприятие — пользователи предпочитают тексты, передающие информацию в сжатом и концентрированном виде. Во-вторых, процесс чтения цифрового текста, в отличие от бумажных аналогов, характеризуется сканированием информации, поиском ключевых слов. В такой ситуации удивляет следующая тенденция: при общем доминировании текстов малых форм, в последнее время набирают популярность лонгриды — длинные тексты, требующие внимательного и вдумчивого чтения.

Цель настоящего исследования — описание учебного лонгрида как мультимодального цифрового текста. Под учебным лонгридом мы понимаем мультимодальный формат презентации образовательного и просветительского материала большого объема, созданный путем объединения вербальных и невербальных компонентов в единое целое.

Обзор литературы

Основные принципы презентации учебных материалов сформулировал Р.Е. Майер, разработавший концепцию мультимодального обучения. Под презентацией понимаются вербальные и графические способы представления материала, такие как текст на экране или нарратив (звучащая речь), а также статическая графика или анимация (видео), используемые в большинстве компьютерных программ. Принцип *мультимедийности* утверждает, что студенты воспринимают информацию лучше, если она представлена в виде слов и картинок, чем только в виде слов. Принцип *согласованности* гласит, что студенты учатся лучше, когда посторонний материал исключен. Кроме того, на успешность усвоения материала может оказать влияние *принцип модаль-*

ности, который гласит, что люди лучше воспринимают информацию, переданную с помощью изображения и звука, чем с помощью изображения и письменного текста [2, 3]. Согласно этому принципу, представление изображения и письменного текста может создавать дополнительную когнитивную нагрузку, т. к. визуальный канал перегружается, и от читателя требуются дополнительные усилия для обработки информации. Названные принципы были апробированы для таких областей знаний, как физика, биология и механика.

Эффективность использования цифровых мультимодальных текстов в обучении подтверждает теория двойного кодирования А. Пайвио [4], которая утверждает, что представление информации в двух режимах (слуховом и письменном) улучшит обработку информации, что впоследствии приведет к большей глубине понимания и запоминания. Близка к этому мнению интегрированная теория обучения, предложенная Шнотцем, который рекомендовал сочетать визуальную и текстовую информацию для презентации материала по школьным предметам (биология, история, физика и т. д.) [5].

Таким образом, ценность для учебного процесса цифровых текстов, способных передавать разные типы информации, подтверждается целым рядом исследований. Эта ценность признается и в национальных системах образования. Например, в образовательном стандарте Австралии прописано, что тексты бывают письменными, устными, визуальными, мультимодальными, а также могут быть представлены в печатной или цифровой/онлайн формах¹. В школе и за ее пределами учащиеся сталкиваются с задачами, заключающимися в понимании и создании подобных текстов. Похожая ситуация в США, где в образовательном стандарте подробно прописаны формы работы с мультимодальными текстами (например, сравнить стандартный текст с аудио-, видео- или мультимедийной версией текста)². В России внедрение цифровых текстов в образование актуально в связи с развитием концепции цифровой школы и национальными проектами, направленными на формирование современной цифровой образовательной среды [6].

В данной статье подробно рассматривается один из жанров цифровых текстов, которые можно использовать в образовательном процессе, – учебный лонгрид.

Основная часть работ, посвященная изучению лонгрида, рассматривает его как жанр журналистики: описываются особенности темы и жанра в лонгридах, анализируются причины его популярности у современной медиааудитории, предлагается технология создания лонгридов с учетом профессиональных компетенций мультимедийных журналистов [7–9]. Лонгрид как креолизованный текст в рамках лингвистики текста с точки зрения взаимодействия в нем вербальных и медийных элементов рассматривает Д.П. Чигаев [10]. А.В. Колесниченко отмечает жанрообразующие признаки лонгрида: объем текста (длинный текст), глубину погружения в тему и качество собранной информации [11].

Методический потенциал представления образовательного контента в формате лонгрида глубоко не исследован. В то же время целый ряд работ посвящен дидактическим возможностям метода цифрового сторителлинга [12–15]. Цифровым сторителлингом называют комбинированное обучающее средство, объединяющее в себе визуальную, образную, музыкальную и словесную составляющие [16]. Лонгрид как один из видов цифрового сторителлинга обладает основными преимуществами этого метода. В [17] отмечены следующие преимущества цифрового сторителлинга в образовании:

- 1) обеспечение разнообразия образовательного процесса;
- 2) персонализация обучения;
- 3) убедительность в объяснении темы;
- 4) улучшение вовлечения студентов в процесс обучения.

¹ Australian Curriculum // URL: <https://www.australiancurriculum.edu.au/f-10-curriculum/english/key-ideas/>

² Common Core State Standards // URL: http://www.corestandards.org/wp-content/uploads/ELA_Standards1.pdf

Что касается лонгрида, методический потенциал использования этого формата в качестве обучающего материала обусловлен прежде всего соответствием принципам мультимодального обучения, а также некоторыми специфическими особенностями такого текста. Так, для лонгрида характерны упрощенные навигация и пользовательский интерфейс, а также плавный переход между мультимедийным контентом, которые замедляют взаимодействие читателей с лонгридом [18]. За счет этих особенностей лонгрид, в отличие от малых текстовых форм (инфографики, постов в социальных сетях, комментариев), создает среду, защищающую читателей от отвлекающих факторов, позволяя им погрузиться в повествование [19]. Кроме того, исследователи отдельно подчеркивают необходимость включения в образовательный процесс цифровых текстов большого объема, содержащих подробные описания, аргументацию, сложное повествование, для развития когнитивных способностей читателей [20].

Как формат представления обучающего контента лонгрид часто рассматривается в виде альтернативы учебным видео в рамках онлайн-курсов. Перед видеозаписями лекций лонгрид имеет ряд преимуществ. Во-первых, в снятый и смонтированный видеоролик достаточно сложно внести изменения. Учебный материал должен быть представлен в таком формате, который позволяет его актуализировать без серьезных затрат времени и ресурсов. Этим требованиям отвечает жанр лонгрида: в готовый текст можно быстро добавить новую текстовую информацию, обновить ссылки, вставить новые изображения и видео. Во-вторых, для современного образовательного процесса характерен переход от принципов образовательного процесса электронного обучения (e-learning) к мобильному обучению (m-learning): мобильное обучение является одним из направлений развития дистанционного обучения, в процессе которого используются мобильные телефоны, смартфоны и КПК [21]. Лонгрид в этом смысле отвечает тенденциям в образовании, т. к. он хорошо воспринимается с экрана мобильного телефона, и чаще тексты в таком формате читают именно на смартфонах.

Методология и материалы исследования

Материалом исследования стали примеры учебных лонгридов на следующих сайтах:

Arzamas (<https://arzamas.academy/>) – просветительский проект, размещающий видеолекции и материалы по литературе, истории, искусству, антропологии, философии и т. п.;

N+1 (<https://nplus1.ru/>) – сайт, знакомящий пользователей с новостями из мира науки, технологий, космоса и гаджетов;

ПостНаука (<https://postnauka.ru/>) – проект о современной фундаментальной науке и ученых, которые ее создают;

Skillbox (<https://skillbox.ru/>) – онлайн-университет современных digital-профессий.

Критерием отбора образовательных платформ стало регулярное размещение учебных лонгридов. Для достижения цели работы были применены теоретические и эмпирические методы исследования. Проведенный среди школьных учителей и преподавателей вузов опрос показал уровень готовности педагогов использовать цифровые тексты в учебном процессе, а также степень знакомства педагогов с жанром лонгрида. Отобранные учебные лонгриды были обработаны и проанализированы в соответствии с предварительно определенными параметрами. Интерпретация полученных на этом этапе данных позволила сравнить учебные лонгриды с мультимедийными лонгридами, считающимися классическими примерами жанра, и выявить специфику учебных лонгридов.

Результаты исследования

В целях изучения опыта использования цифровых текстов в образовании, нами проводился опрос среди школьных учителей и преподавателей вузов. В опросе приняли участие 139 человек из российских и зарубежных образовательных учреждений. Результаты опроса показали, что

большинство педагогов используют в образовательном процессе цифровые тексты: 86 % респондентов ответили, что регулярно предлагают учениками работу с цифровыми текстами в рамках заданий на уроке; 92 % учителей дают такую работу в качестве домашнего задания (рис. 1).

Что касается выбора формата цифрового текста, то оказалось, что самый популярный способ представления материала – презентации: 85,7 % респондентов отметили, что часто их используют в учебном процессе. При этом лонгриды используют лишь 19,8 % педагогов. Это можно объяснить новизной самого жанра, а также отсутствием подробных методических рекомендаций по созданию собственных лонгридов и использованию аутентичных учебных лонгридов в образовательном процессе.

Первыми шагами в этом направлении может стать описание учебных лонгридов, определение ключевых характеристик таких текстов и их структурных особенностей. Для выявления своеобразия учебных лонгридов были отобраны и проанализированы 20 текстов (по пять учебных лонгридов с каждого сайта – Arzamas, N+1, ПостНаука, Skillbox). Распределение невербальных компонентов в учебных лонгридах показано на рис. 2.

На графике видно, что медийные компоненты учебных лонгридов не отличаются большим разнообразием: в проанализированных примерах отсутствовали аудиофрагменты, 3D-панорамы, карты и т. д. Всего по три раза в учебных лонгридах встречаются карусели из нескольких иллюстраций, видеофрагменты и анимированные изображения в gif-формате, а наиболее частотным медийным компонентом учебного лонгрида являются статичные изображения. При этом, как мы видим на рис. 3, наиболее распространенными типами иллюстраций являются рисунки и фотографии, а графики и схемы присутствуют лишь на шести иллюстрациях из 75.

В 18 лонгридах были обнаружены гиперссылки на внешние источники, а в семи текстах присутствуют всплывающие подсказки, которые позволяют прояснить смысл слова или выражения, не переходя на сторонние ресурсы. В ряде учебных лонгридов содержатся такие интерактивные элементы, как встроенные опросы, позволяющие читателю в игровой форме узнать дополнительную информацию по изучаемой теме. Больше половины учебных лонгридов содержат визуально оформленные маркированные списки, ключевые фразы и цитаты, улучшающие структурированность текста и облегчающие восприятие. Семь из 20 лонгридов содержат библиографические списки, указывающие на источники данного лонгрида или дополнительные материалы.

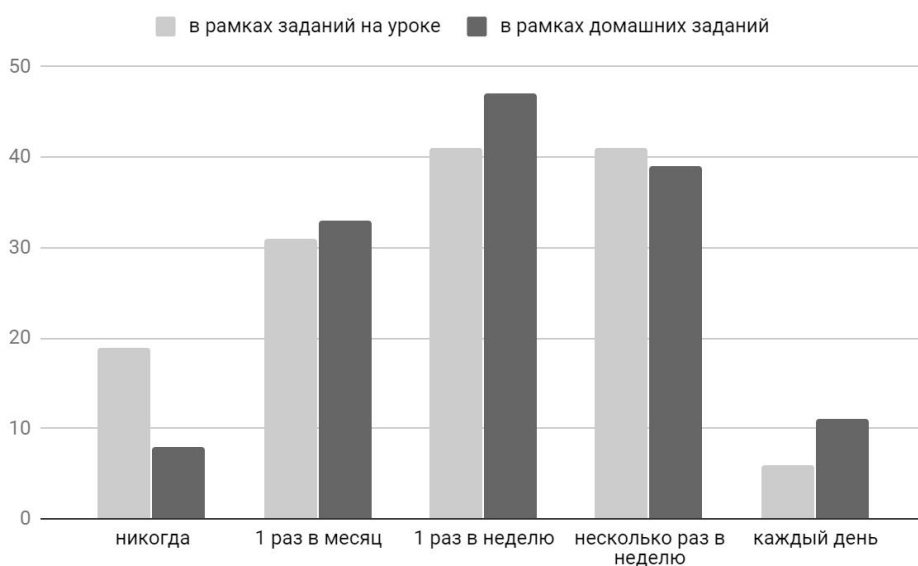

Рис. 1. Регулярность работы с цифровыми текстами
 Fig. 1. Regularity of working with digital texts

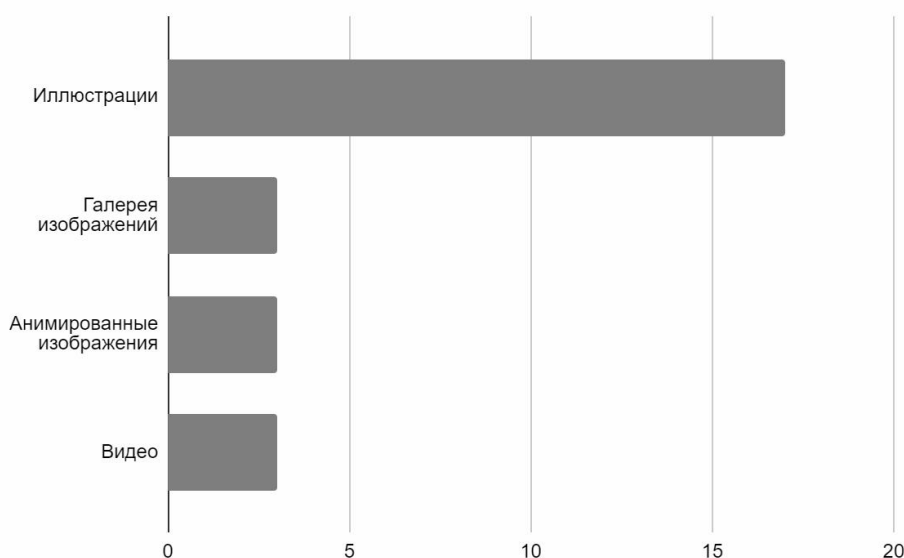

Рис. 2. Распределение невербальных компонентов учебного лонгрида
 Fig. 2. Distribution of non-verbal components in educational digital longform article

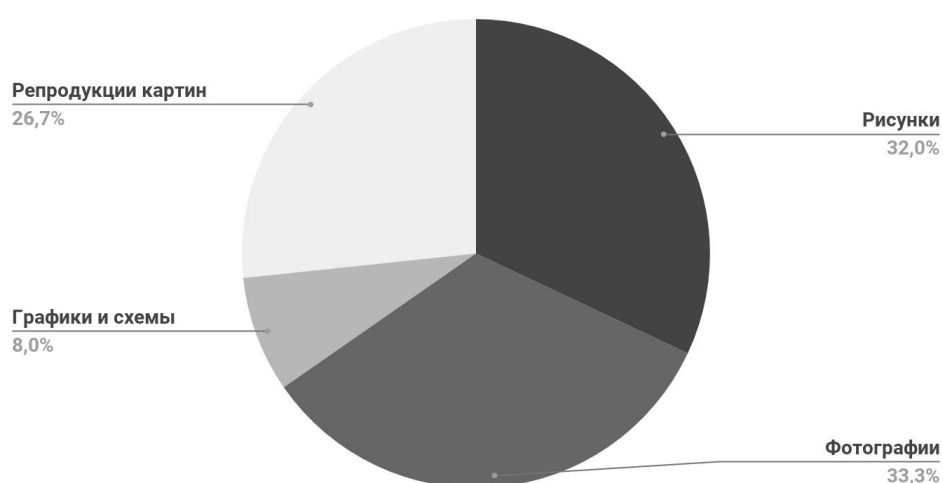

Рис. 3. Типы иллюстраций в учебном лонгриде
 Fig. 3. Types of illustration in educational digital longform article

Таким образом, проведенный анализ позволил выделить общие и отличительные характеристики лонгрида как жанра медиажурналистики и учебного лонгрида.

К общим характеристикам относятся:

- мультимодальность — передача информации с помощью разных семиотических систем (вербальной, визуальной и аудиальной), при этом каждый из элементов несет только часть информационной нагрузки;
- нелинейность — возможность перехода по гиперссылкам на другие ресурсы;
- интерактивность — активное взаимодействие с текстом (воспроизведение аудио и видео, встроенные опросы и т. д.).

Специфическими характеристиками учебного лонгрида являются:

- вербальноцентричность. Основная часть передаваемой авторами информации сосредоточена в линейном вербальном компоненте;

- второстепенность оформления. Лонгрид как формат медиажурналистики представляет собой сложный материал, над созданием которого трудится большая команда журналистов, программистов и дизайнеров. Такие тексты содержат максимально разнообразные медийные компоненты (карты, 3D-панорамы, интерактивная графика и др.). В учебных лонгридах медийные компоненты призваны не столько привлечь читателя, сколько передать дополнительную информацию, поэтому они не настолько эффективны. Кроме того, в классическом лонгриде весь экран, как правило, посвящен одной семиотической модальности, и для перехода к другому компоненту необходимо проскроллить вниз [18]. Для учебных лонгридов такое оформление материала не свойственно, и на одном экране могут одновременно отображаться и иллюстрация, и часть вербального компонента;
- наличие маркированных списков, инструкций и чек-листов, а также цитат, для оформления которых используется специальный стиль, за счет чего цитата выделяется из массива текста лонгрида;
- ссылки в конце лонгрида на дополнительные материалы, статьи по теме, которой был посвящен лонгрид, или на библиографические источники;
- использование локальных медийных компонентов вместо континуальных, к которым относятся фоновая музыка, фоновое изображение, континуальная интерактивная графика.

Заключение

В результате проведенного исследования впервые охарактеризован жанр учебного лонгрида. Анализ структурных (вербальных и невербальных) компонентов учебного лонгрида позволил выявить общие и отличительные характеристики такого формата цифровых учебных текстов и лонгрида как жанра медиажурналистики. В ходе исследования выявлено, что в целом учебный лонгрид строится в соответствии с законами жанра, а обнаруженные отличия касаются некоторых структурных элементов, а также количества и характера аудиовизуальных компонентов. Жанровые особенности лонгрида позволяют эффективно использовать его в образовательной среде, однако не все педагоги готовы работать с такими текстами. В этой связи кажутся перспективными дальнейшие исследования методического потенциала учебных лонгридов: разработка рекомендаций по использованию готовых учебных лонгридов в образовательном процессе, а также по созданию собственных лонгридов в обучающих целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Kress G., van Leeuwen T.** Reading images: the grammar of visual design. New York: Routledge, 1996.
2. **Mayer R.E.** Multimedia learning. New York: Cambridge University Press, 2009.
3. The Cambridge handbook of multimedia learning. New York: Cambridge University Press, 2014.
4. **Paivio A.** Mental Representations. New York: Oxford University Press, 1986.
5. **Schnotz W.** An integrated model of text and picture comprehension // The Cambridge handbook of multimedia learning. 2005. Vol. 49. P. 69.
6. **Лебедева М.Ю.** Цифровая революция в лингводидактике РКИ: некоторые лингвистические и методические аспекты // Сб. матер. Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Актуальные вопросы описания и преподавания русского языка как иностранного/неродного. 2018. С. 580–585.
7. **Глебова И.С.** Лонгрид – перспективный формат российской мультимедийной журналистики: опыт и технология создания // Сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. Ч. 1. С. 246–252.
8. **Симакова С.И.** Лонгрид и сноуфолл: к вопросу о роли мультимедийного контента в современной журналистике // Сб. матер. и науч. статей XI Междунар. науч.-практ. конф. Мультимедийная журналистика Евразии-2017: журналистская деятельность и ее трансформации

в цифровой среде Востока и Запада. Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2018. С. 15–26.

9. **Черепанова Я.М.** Лонгрид как формат мультимедийной журналистики // Сб. науч. статей: Медиареальность России: вчера, сегодня, завтра. Российский университет дружбы народов (РУДН). 2019. С. 353–358.

10. **Чигаев Д.П.** Лонгрид как разновидность креолизованного текста // Медиаскоп. 2017. Вып. 1 // URL: <http://www.mediascope.ru/2270>.

11. **Колесниченко А.В.** Длинные тексты (лонгриды) в современной российской прессе // Медиаскоп. 2015. Вып. 1 // URL: <http://www.mediascope.ru/node/1691>.

12. **Schmoelz A.** Enabling co-creativity through digital storytelling in education // Thinking Skills and Creativity. 2018. Vol. 28. Pp. 1–13.

13. **Chan B.S.K., Churchill D., Chiu T.K.F.** Digital literacy learning in higher education through digital storytelling approach // J. of Internat. Education Research. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 1–16.

14. **Robin B.** The power of digital storytelling to support teaching and learning // Digital Education Review. 2016. No. 30. Pp. 17–29.

15. **Walters L., Green M.R.** Building critical digital literacy through digital storytelling in teacher education. Andreas Moutsios-Rentzos. 2019. P. 477.

16. **Маняйкина Н.В., Надточева Е.С.** Цифровое повествование: от теории к практике // Педагогическое образование в России. 2015. № 10. С. 60–64.

17. **Van Gils F.** Potential applications of digital storytelling in education // 3rd Twente Student Conf. on IT. University of Twente, Faculty of Electrical Engineering, Mathematics and Computer Science Enschede. 2005. Vol. 7.

18. **Hiippala T.** The multimodality of digital longform journalism // Digital Journalism. 2017. Vol. 5. No. 4. Pp. 420–442.

19. **Dowling D., Vogan T.** Can we “Snowfall” this? Digital longform and the race for the tablet market // Digital Journalism. 2015. Vol. 3. No. 2. Pp. 209–224.

20. **Hillesund T.** Digital reading spaces: How expert readers handle books, the Web and electronic paper. 2010.

21. **Рублева Е.В.** От e-learning к m-learning: традиции и новации // Русский язык за рубежом. 2013. № 3. С. 46–49.

Статья поступила в редакцию 30.04.2020.

REFERENCES

[1] **G. Kress, T. van Leeuwen,** Reading images: the grammar of visual design, New York: Routledge. 1996.

[2] **R.E. Mayer,** Multimedia learning (2nd ed.), New York: Cambridge University Press. 2009.

[3] **R.E. Mayer,** (Ed.) The Cambridge handbook of multimedia learning (2nd ed.), New York: Cambridge University Press. 2014.

[4] **A. Paivio,** Mental Representations, New York: Oxford University Press. 1986.

[5] **W. Schnotz,** An integrated model of text and picture comprehension, The Cambridge handbook of multimedia learning. 49 (2005) 69.

[6] **M.Yu. Lebedeva,** Tsifrovaya revolyutsiya v lingvodidaktike RKI: nekotoryye lingvisticheskiye i metodicheskiye aspekty [Digital revolution in linguodidactics of Russian as a foreign language: some linguistic and methodological aspects], Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya internet-konferentsiya "Aktualnyye voprosy opisaniya i prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo/nerodnogo" Sbornik materialov. (2018) 580–585.

[7] **I.S. Glebova,** Longrid – perspektivnyy format rossiyskoy multimediynoy zhurnalistiki: opyt i tekhnologiya sozdaniya [Longform article – a promising format for Russian multimedia journalism: experience and technology for creating], Proryvnyye nauchnyye issledovaniya: problemy, zakonomernosti, perspektivy: sbornik statey IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 4 ch. Penza: Nauka i Prosveshcheniye. 1 (2017) 246–252.

[8] **S.I. Simakova,** Longrid i snoufall: k voprosu o roli multimediynogo kontenta v sovremennoy zhurnalistike [Longform article and snowfall: on the role of multimedia content in modern journalism], Multimediynaya zhurnalistika Yevrazii-2017: zhurnalistikaya deyatelnost i yeye transformatsii v tsifrovoy

srede Vostoka i Zapada, Sbornik materialov i nauchnykh statey XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Kazanskiy (Privolzhskiy) federalnyy universitet. (2018) 15–26.

[9] **Ya.M. Cherepanova**, Longrid kak format multimediynoy zhurnalistiki, Mediarealnost Rossii: vchera, segodnya, zavtra [Longform article as a format of multimedia journalism], Sbornik nauchnykh statey, Rossiyskiy universitet druzhby narodov. (2019) 353–358.

[10] **D.P. Chigayev**, Longrid kak raznovidnost kreolizovannogo teksta [Longform article as a variation of multimodal text], Mediaskop. 1 (2017). Available: <http://www.mediascope.ru/2270>.

[11] **A.V. Kolesnichenko**, Dlinnyye teksty (longridy) v sovremennoy rossiyskoy presse [Long texts (longform article) in the modern Russian press], Mediaskop. 1 (2015). Available: <http://www.mediascope.ru/node/1691>.

[12] **A. Schmoelz**, Enabling co-creativity through digital storytelling in education, Thinking Skills and Creativity. 28 (2018) 1–13.

[13] **B.S.K.Chan, D. Churchill, T.K.F. Chiu**, Digital Literacy Learning in Higher Education through Digital Storytelling Approach, Journal of International Education Research. 13(1) (2017) 1–16.

[14] **B. Robin**, The power of digital storytelling to support teaching and learning, Digital Education Review. 30 (2016) 17–29.

[15] **L. Walters, M.R. Green**, Building critical digital literacy through digital storytelling in teacher education, Andreas Moutsios-Rentzos. (2019) 477.

[16] **N.V. Manyaykina, Ye.S. Nadtocheva**, Tsifrovoye povestvovaniye: ot teorii k praktike [Digital storytelling: from theory to practice], Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii. 10 (2015) 60–64.

[17] **F. Van Gils**, Potential applications of digital storytelling in education, 3rd twente student conference on IT, University of Twente, Faculty of Electrical Engineering, Mathematics and Computer Science Enschede. 7 (2005).

[18] **T. Hiippala**, The multimodality of digital longform journalism, Digital journalism. 5(4) (2017) 420–442.

[19] **D. Dowling, T. Vogan**, Can we “Snowfall” this? Digital longform and the race for the tablet market, Digital Journalism. 3(2) (2015) 209–224.

[20] **T. Hillesund**, Digital reading spaces: How expert readers handle books, the Web and electronic paper. (2010).

[21] **Ye.V. Rubleva**, Ot e-learning k m-learning: traditsii i novatsii [From e-learning to m-learning: traditions and innovations], Russkiy yazyk za rubezhom. 3 (2013) 46–49.

Received 30.04.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Купрещенко Ольга Федоровна

Kupreshchenko Olga F.

E-mail: ofkupr@gmail.com

DOI: 10.18721/JHSS.11207
УДК 81`38

ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВЫ О ПИТАНИИ: РЕЧЕВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО «ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КАНОНА»

Е.Н. Басовская

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация

Статья посвящена анализу отзывов о гостиничном питании, размещенных на популярных российских туристических сайтах. Изучено 150 отзывов различного объема. Новый речевой жанр интернет-отзыва рассматривается исследователем как яркое отражение существующей в современном российском обществе системы потребительских ценностей. Цель исследования – выявление речевых форм репрезентации складывающегося в российском общественном сознании «потребительского канона». Проанализированные тексты дают основание говорить о сложившемся в сознании их авторов сценарии гостиничного питания. Среди важнейших достоинств питания отмечены разнообразие, высокие вкусовые качества и соответствие сегодняшней конъюнктуре, новейшим представлениям о сервисе, а среди недостатков – следование худшим традициям прошлого, ассоциации с советским опытом. Рассмотрено также отражение в интернет-отзывах национально-специфичных кулинарных предпочтений в сочетании с глобализированными представлениями туристов о вкусной еде. Отмечено, что стилистика пользовательских интернет-отзывов находится под значительным влиянием рекламного дискурса.

Ключевые слова: интернет-отзыв, концепт «питание», сценарий, оценка, «потребительский канон».

Ссылка при цитировании: Басовская Е.Н. Интернет-отзывы о питании: речевое воплощение современного российского «потребительского канона» // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 78–86. DOI: 10.18721/JHSS.11207

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

ONLINE FEEDBACK ABOUT THE FOOD: MANIFESTATION IN SPEECH OF MODERN RUSSIAN "CONSUMER CANON"

E.N. Basovskaya

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

This article is devoted to the analysis of reviews about the hotel food, posted on popular Russian travel sites. It considers 150 reviews of various volume and discusses the new speech genre of Internet review as a vivid reflection of the existing system of consumer values in modern Russian society. The purpose of the research is to identify speech forms of representation of the "consumer canon" that is developing in the Russian public consciousness. The analyzed texts give reason to speak about the scenario of hotel catering that has developed in the minds of their authors. Among the most important advantages of food are diversity, high taste qualities and compliance with today's market conditions, the latest ideas about service, and the disadvantage – following the worst traditions of the past, associations with the Soviet experience. The article also considers the reflection of nationally specific culinary preferences in Internet reviews in combination with the globalized ideas of tourists about delicious food. The author indicates that the style of user of Internet reviews is significantly influenced by the advertising discourse. The researcher considers it promising to further study online reviews of nutrition with the involvement of a more diverse empirical material.

Keywords: online review, food, script, evaluation, consumer requests.

Citation: E.N. Basovskaya, Online feedback about the food: manifestation in speech of modern Russian “consumer canon”, *Society. Communication. Education*, 11 (2) (2020) 78–86. DOI: 10.18721/JHSS.11207

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение. Постановка проблемы

В конце XX – начале XXI в. в распоряжении исследователей оказались новые возможности для анализа индивидуального и общественного сознания. Это связано с растущей творческой активностью пользователей Интернета, проявляющих себя в текстах блогов, постов, комментариев, отзывов и т. д. Дистанцированность от объекта и сохраняемая при желании пишущего анонимность влекут за собой высокую степень речевой раскованности, что способствует авторской самореализации в тексте. Поэтому вполне закономерно, что данная форма интернет-общения привлекает в последние десятилетия повышенное внимание специалистов.

Клиентским отзывам, размещенным в сети, посвящен ряд работ исследователей прагматической составляющей коммуникации в сфере сервиса (см., например, [14]). Особый интерес интернет-отзыв как речевой жанр медиакоммуникации [7, 12, 13] вызывает у медиалингвистов, отмечающих его «имиджеобразующий потенциал» [9], «усиленную диалогичность» [6], «стилистическую гибридность» [5, 6, 11]. Точным следует признать замечание И.В. Погореловой, указывающей на то, что в стилистике интернет-отзыва находит выражение «консьюмеризация и инфантилизация современного общества» [8, с. 151]. Однако несмотря на значительное число работ, посвященных лингвистическим характеристикам интернет-отзывов, данный объект недостаточно изучен с точки зрения оценочной составляющей.

На наш взгляд, отзыв, в котором преобладает модальность отношения к объекту, представляет особый интерес как форма спонтанной речевой реализации сегодняшней системы ценностей, народного понимания «хорошего» и «плохого». Существенен и тот факт, что открыто сформулированная в тексте отзыва оценка обладает, как отмечала, в частности, Н.Д. Арутюнова [1, с. 166, 174], большими воздействующими возможностями. Таким образом, отзыв не только репрезентирует, но и транслирует, активно внедряет в сознание реципиентов социально значимое оценочное содержание.

Цель и методика исследования

Целью проведенного исследования стало выявление речевых форм репрезентации складывающегося в российском общественном сознании «потребительского канона», т. е. совокупности представлений о надлежащем качестве продуктов и уровне сервиса. Для этого были изучены размещенные в сети с марта 2019 по март 2020 отзывы гостей о качестве питания в двух курортных отелях, расположенных в Подмосковье и Ленинградской области (рассматривались публикации на сайтах Booking.com, TopHotels и Tripadvisor). Чтобы обеспечить корректность сравнения, мы выбрали гостиницы, сопоставимые по ценовой категории, удаленности от города, предоставляемому набору услуг, организации питания. Всего проанализировали 150 отзывов. Объем текстов разнообразен: от двух до 148 слов.

Высказывания о пище мы считаем максимально репрезентативными, поскольку, как неоднократно отмечалось исследователями в области лингвокультурологии, кулинария в целом и отдельные ее части могут рассматриваться как один из важнейших модулей, посредством которого этнос выстраивает свой национально специфический образ мира» [2, с. 229].

При обращении к такому эмпирическому материалу, как интернет-отзыв, закономерно возникает вопрос о его репрезентативности. Достоверность полученных данных может быть поставлена под сомнение на основании того, что исследователь не может верифицировать так называ-

емую реальность отзывов, т. е. их принадлежность конкретным авторам, являющимся рядовыми покупателями товаров и получателями услуг, а не сотрудниками торговых и сервисных организаций, размещающими под видом отзывов скрытую рекламу и антирекламу. Мы, однако, не считаем данный фактор значимым с точки зрения проводимых нами изысканий. Во-первых, наш собственный опыт подтверждает тот факт, что по крайней мере часть отзывов составляется независимыми участниками социального взаимодействия. В частности, написанные нами отзывы были размещены на рассматриваемых сайтах без какого-либо редактирования. Во-вторых, если допустить, что часть отзывов имеет заказной характер, это никак не влияет на их способность фиксировать вербальные модели, отражающие, в свою очередь, существующую в современном российском обществе систему ценностей. Автор оплаченного отзыва использует — хотя бы с целью имитации речи рядового получателя услуг — те же речевые ходы, что и обыкновенный посетитель отеля. Соответственно, в ходе исследования нами не ставилась задача различения отзывов спонтанных и заказных, написанных гостями, сотрудниками отеля или их конкурентами.

Результаты исследования

Первая классификация, которая была осуществлена в процессе анализа эмпирического материала, производилась **по тематическому слову**, знаменующему переход к теме питания. Сознавая, что в одном отзыве могут использоваться несколько обозначений интересующего нас объекта, мы выделили в качестве тематической первую по порядку номинацию. При таком подходе мы получили следующие числовые показатели:

- *питание* — 36;
- *еда* — 29;
- *завтрак, обед, ужин* (различные комбинации этих слов) — 24;
- *шведский стол* — 16;
- *кухня* — 15;
- *ресторан* — 12;
- *кормят* — 6;
- *блюда* — 2.

Обращает на себя внимание значительное количественное преобладание номинации *питание*. Книжная стилистическая окраска данного существительного фиксируется не всеми словарями (соответствующая помета обнаружена нами лишь в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова [10, с. 269] — издании, которое в целом отличает максимальное внимание к прагматическим характеристикам слова. Выбор формального слова *питание* может быть обусловлен ориентацией авторов отзывов на рекламный дискурс: на сайтах отелей и туристических агрегаторов данный аспект гостиничного сервиса обозначается чаще всего именно так. В частности, отели, отзывы о пребывании в которых мы анализируем, сообщают на своих официальных страницах или на сайтах партнеров: «Комфортные условия размещения, 2-х или 3-х разовое питание «шведский стол», высокий уровень сервиса»¹; «Питание ... организовано по системе «Шведский стол», ресторан обладает возможностью разделения пространства на несколько площадок и вмещает до 500 гостей одновременно»².

Номинации *еда* и *завтрак, обед, ужин*, используются чаще, чем варианты *ресторан, кухня, блюда*, что указывает, на наш взгляд, на большое значение, придаваемое авторами отзывов такому аспекту отдыха, как сытость. Показательно неоднократное упоминание в отзывах о том, что питание на курорте является достаточным по объему: «*Шведский стол завтрак и ужин входил в стоимость, голодным не останетесь*»; «*Питание отличное, без изысков, но есть из чего выбрать — голодным не уйдёшь*»; «... *это не заказной аля карт ресторан, где можно сделать выбор из сотен блюд, но*

¹ <https://repino.cronwell.com/about/index.php>

² https://www.alean.ru/rossiya/podmoskovye/istrinskiy_rayon/istra_minatoma_sanatoriya/

голодным точно не уйдешь!»; «Еда вроде и есть, голодным не останешься, но не вкусно». Интересно, что факт достаточности питания фиксируют авторы как положительных, так и отрицательных отзывов. Складывается впечатление, что некоторая часть туристов приезжает отдыхать с опасением остаться голодными и расценивает достаточный объем питания как существенное достоинство отеля. В одном из отзывов мысль сформулирована именно так: «Больше всего боялись питания, но и здесь ничего плохого не могу сказать: столовая прекрасная и голодными мы ни разу не были».

Еще одно обстоятельство, внушающее посетителям курортов страх, – перспектива пищевого отравления. В ряде отзывов упоминаются или подобные опасения, или действительно случившееся у авторов и их близких ухудшение самочувствия: «*Очень хорошо кормят, сколько едим, ни разу не было проблем с животом*»; «*У меня на 2-й день начались проблемы с желудком*»; «*После проживания там я отравилась, уж не знаю, чем...*»; «*Почти все члены семьи не отравились салатами*». Отзывы с упоминанием желудочных заболеваний немногочисленны, но, на наш взгляд, весьма показательны: они отражают сохраняющееся с советских времен недоверие некоторой части населения к общественному питанию, внутреннюю готовность клиента в случае возникновения желудочного заболевания обвинить в этом работников столовой/кафе/ресторана.

Вторая классификация проводилась на основании выбранного автором отзыва **оценочного средства**. Максимально частотны характеристики, даваемые с помощью прилагательного *вкусный* и однокоренных слов (более 40 вхождений). В большей части отзывов дается общая оценка: *вкусная еда, вкусные блюда, вкусная кухня, вкусные завтраки (обеда, ужины), всё вкусно, питание вкусное, вкусно готовят, кормят вкусно*. Реже дается аналогичная оценка конкретных блюд: *вкусный горячий хлеб, вкусные десерты, очень вкусные сладости*. В относительно немногочисленных отрицательных отзывах также преобладают общие оценки: *еда стала менее вкусной; показалось невкусным питание*. Лишь в одном из отзывов упомянуты *невкусные сосиски*.

Мы обратили внимание на контекстуальную сочетаемость слов с корнем «вкус». Конструкции *очень вкусно (очень вкусный)* встречаются 15 раз; *вкусно и разнообразно (вкусный и разнообразный)* – 6 раз. Однократно представлены такие сочетания, как *вкусные, дорогие и с изыском, высокого качества и вкусные, вкусные и сытные, вкусные и красиво оформленные* (блюда); *отличная и вкусная; исключительно вкусная* (кухня); *вкусное и свежее; вкусно и симпатично; чисто, вкусно и живописно; вкусно и по-домашнему*. Такое соотношение вновь иллюстрирует тяготение авторов отзывов к речевому шаблону, следование нормативам рекламного дискурса.

Второе по частоте употребления средство положительной оценки питания в отеле – слово *отличный* (20 вхождений), третье – прилагательное *разнообразный* и существительное *разнообразие* (15). Кроме того, используются прилагательные *хороший* (13), *прекрасный* (5), *неплохой* (3), *нормальный* (3), *богатый* (1), *великолепный* (1), *шикарный* (1), *приличный* (1), *отменный* (1), *превосходный* (1), глагол *понравиться* (4), *устроить* (1), *порадовать* (1), обороты *выше всех/всяческих похвал* (2), *на высоте* (1), *вне всяких упреков* (1). Немногочисленны случаи применения жаргонных средств положительной оценки: *супер* (2), *норм* (1), *объедалово* (1), *обжирательство* (1). В целом очевидно, что при усредненной оценке питания преобладают средства позитивной характеристики.

Отрицательные отзывы демонстрируют иную организацию текста. Критически настроенные авторы высказываются более подробно и аргументированно. Некоторые из них используют пятибалльную систему оценки – чего не делают авторы положительных отзывов: «*Кухня на троечку*»; «*Оценки я бы поставила от "3" до "4" разным блюдам. Ничего на "отлично"*»; «*Питание тянет в лучшем случае на тройку, все стало скудно...*»; «*Питание: завтрак на 5, обед на 3*». В ряде случаев делаются конкретные замечания: *очень маленький выбор горячих блюд; рис был не вкусным; блюда не аппетитные и даже не свежие; завтрак не богатый, рыбы и мяса нет совсем; на завтраке самые дешевые перемороженные помидоры, колбаса ценового сегмента 100 рублей минус, безвкусный сыр из пальмового масла не имеющий вкуса*.

Отрицательные отзывы о еде, как и другие критические высказывания, нередко имеют иронический характер (*о существовании специй повара просто не догадываются; кухня делает одолжение, когда готовит, поэтому делает это очень плохо*).

Одна из речевых моделей, типичных для отзыва, — проведение сопоставления питания в данном отеле с предлагаемым в каком-либо другом месте: *«Еда отличная, вкус как дома»; «Раньше здесь шведский стол был одним из лучших, на мой взгляд, среди отелей Курортного района»; «Редко даже в ресторанах СПб такие вкусные /блюда/ можно попробовать!!!»; «... питание нормальное. Но нет завтраков в номер, как есть у Пахры»; «Завтрак был как в европейской 2-ке»; «Питание на очень высоком уровне (сравниваю с соседней Финляндией)»; «Красной рыбы не увидите конечно, как в той же Швеции, но мы в России...»*. Как следует из приведенных примеров, такого рода синхронные сравнения характерны для позитивных отзывов.

Иную функцию выполняет другой дискурсивный ход — диахронное сопоставление. В ряде отзывов дается оценка низкокачественного питания как *советского* («Кухня — привет из советского времени, оладьи и жареный минтай как в детском садике»), а гостиничного ресторана — как *столовой* («Еда, это столовая, а не ресторан»; «Питание разнообразное, но очень простое, как в столовой»; «... еда была хуже чем в любой столовой»). Антиномия «настоящий современный сервис — анти-сервис советского времени» вообще относится к числу строевых в композиции как позитивных, так и негативных интернет-отзывов. На наш взгляд, их авторы исходят из некоего представления о хорошем питании, которое кажется им общепринятым по умолчанию. Этот «коллективный фрейм» включает в себя красивое оформление ресторана, высокий уровень сервиса, обилие и разнообразие блюд, внимание ко вкусовым пристрастиям отдельных социальных групп (детей, вегетарианцев, а также тех, кто постится или нуждается в диетическом питании).

Один из типичных для отзывов речевых ходов — выражение благодарности работникам отеля, обеспечивающим питание: *«А кухня заслуживает ОТДЕЛЬНОЙ БЛАГОДАРНОСТИ»; «Особая благодарность Шефу и поварам!»; «Особая благодарность пекарям кондитерам...»; «Повару — огромное спасибо»; «Шеф-повару особый поклон!»; «Повару уважение реальное»*. Такие формулировки, используемые разными гостями разных гостиниц, говорят о такой особенности российского менталитета, как склонность к интимизации общения: клиент не принимает высокое качество питания как должное, а интерпретирует как заслугу поваров, любезность с их стороны.

На следующем этапе анализа мы рассмотрели упомянутые в отзывах отдельные продукты и блюда, а также микрореконтексты, в которых они функционируют.

В отзывах были специально отмечены и охарактеризованы положительно:

- арбуз	- груши
- багеты	- десерты — 2
- бекон	- запеканка — 2
- блины	- запеченная индейка
- выпечка — 15	- запеченная свинина — 2
- горошек	- йогурт — 2
- горячий хлеб	- картошка
- грибы (шампиньоны)	- каша (каши) — 7
- квашеная капуста	- салаты (овощные салаты, оливье) — 5
- киви	- сардельки
- колбаса (колбасы) — 3	- сладости (сладкое) — 4
- макароны	- сосиски — 3
- мандарины	- соусы
- мед	- спагетти
- мюсли	

- мясо (сорта мяса, мясные блюда) – 7	- супы – 3
- овощи (свежие овощи, овощи без заправки, овощи на пару) – 6	- суши
- овощные крем-супы	- сыр – 3
- оладьи	- сырники
- оливки	- творожная масса
- омлет – 5	- тефтельки
- паста с морепродуктами	- тортики
- печеная тыква	- фрукты – 2
- пицца	- яблоки
- роллы	- ягоды
- рыба (блюда из рыбы, соленая рыба) – 7	- яичница – 3
	- салаты
	- фрукты – 4

Негативные отзывы включают в себя упоминание таких невкусных, непривлекательных и не соответствующих запросам современного клиента блюд:

- безвкусный сыр	- дешевая колбаса
- вареная картошка неаппетитного цвета	- дешевая рыба
- гороховый суп, наверху которого плавали мелко нарезанные куски какого-то мясного продукта	- жареный минтай
- куриные крылышки	- жирное
- оладьи (толстые оладьи с малосъедобной коркой)	- котлеты
- пересушенное мясо	- омлет не первой свежести
- рис	- перемороженные помидоры
- салаты	- переваренные макарошки
- суп-лапша, напоминающий кашу	- поджарка в масляно-томатной подливке
- фаршированный перец с несоленым фаршем	- рыба на пару
	- сосиски невкусные
	- тефтели

Перечень положительно оцененных блюд дает основания говорить о том, что гости курортного отеля охотно употребляют в пищу выпечку, каши, мясные блюда (включая колбасу и сосиски), рыбу, овощи, фрукты и яйца. Список не свидетельствует о высоких и сложных кулинарных запросах авторов отзывов. Негативные оценки связаны с такими показателями, как свежесть, качество продукта и приготовления блюда. Такие отрицательные характеристики, как *безвкусный*, *невкусный*, *несвежий*, *неаппетитный*, *переваренный*, *пересушенный*, указывают на обманутые ожидания: турист рассчитывает получить в загородном доме отдыха свежую и вкусную еду. Шкала «полезное/неполезное» используется при оценке питания значительно реже: авторы отдельных отзывов отмечают, что блюда оказались слишком жирными, и рекомендуют поварам использовать меньше заправок и готовить овощи на пару. Однако такие высказывания составляют скорее исключение, нежели правило.

Заключение

Изученный материал дает основание говорить о наличии в современной российской культуре определенного сценария питания в курортном отеле, включающего в себя – в точном соответствии с концепцией Т.А. ван Дейка – не только структуру социальной ситуации, но и оценочные представления [4, с. 140]. К числу позитивных характеристик гостиничного питания относятся

свежесть и безопасность, вкусовые достоинства еды, ее разнообразие, красивое оформление столовой. Все это расценивается как признаки современности, включенности в эпоху. Несколько меньшее значение придается здоровому питанию: современная народная аксиология ставит вкус выше пользы. Негативные черты питания в отеле — это прежде всего отсутствие достаточного выбора блюд и их низкие вкусовые качества. Такое положение дел рассматривается авторами отзывов как возвращение к советскому прошлому. Все это отражает, на наш взгляд, активно формирующийся «потребительский канон», который находит в интернет-отзывах наиболее последовательное речевое воплощение.

Один из аспектов анализа отзывов туристов о гостиничном питании связан с выявлением влияющего на них национального компонента системы ценностей. Как справедливо замечают Х. Спенсер-Оати и Ц. Син со ссылкой на исследователей межкультурной коммуникации, оценка во многих случаях определяется не столько текущей ситуацией, сколько «предшествующим контекстом». Причем те же авторы подчеркивают, что в системе ценностей современного человека не следует преувеличивать значимость национальной составляющей: внутри каждой этнической культуры выделяется множество социальных «подкультур» [15, с. 145].

Полученные нами в процессе исследования сведения подтверждают данное положение. Оценки гостиничного питания являются лишь частично национально-специфичными. Перечень продуктов и блюд, которые предпочитают есть гости отелей, включает в себя такие позиции, как *каша, суп, блины, картошка, квашеная капуста, сырники* — по выражению одного из авторов отзыва, «меню привычное русскому человеку». Однако вторая половина списка позитивно оцениваемой еды состоит из наименований, отражающих скорее влияние глобализации, нежели приверженность авторов отзывов к традициям русской кухни: *багеты, бекон, йогурт, киви, мюсли, оливки, паста, роллы, спагетти, шампиньоны*. Обобщенный гастрономический вкус гостей, оставивших отзывы об отелях, можно охарактеризовать как универсальный и невзыскательный.

Представляется перспективной задача дальнейшего исследования интернет-отзывов о еде, в том числе — в отелях за рубежом, а также в кафе и в ресторанах. Изучение текстов, относящихся к данному активно развивающемуся речевому жанру, позволит нам приблизиться к пониманию сущности сегодняшней российской народной аксиологии и детально описать речевые формы ее реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арутюнова Н.Д.** Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 130–274.
2. **Борисова Л.В.** Концепт «пища» в культурологическом пространстве русского языка // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 224–230.
3. **Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.** Универсальный и активный словарь: развитие лексикографической традиции или возвращение к истокам // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (30). С. 7–23. DOI: 10.15293/2226-3365.1602.01
4. **Дейк ван Т.А.** Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 111–160.
5. **Говорунова Л.Ю.** Речевой жанр «интернет-отзыв туриста» в разных типах дискурса // Известия Волгоградского государственного университета. 2014. № 2. С. 43–47.
6. **Еремина М.А.** Речевой жанр отзыва в коммуникативном пространстве Интернета // Научный диалог. 2016. № 5. С. 34–45.
7. **Клушина Н.И.** Медиастилистика: монография. М.: Флинта, 2018.
8. **Погорелова И.В.** Лингвосомиотический аспект интернет-отзыва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10. Ч. 3. С. 149–152.
9. **Терских М.В.** Жанр интернет-отзыва в туристическом дискурсе // Новые медиа в России: Активные процессы в языке и коммуникации. Изд. 2-е, суш. доп. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 226–249.

10. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1939.

11. **Тулупова Е.Н., Головина Е.В.** Лексико-стилистические особенности интернет-отзыва туриста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 257–261. DOI: 10.30853/filnauki.2019.5.55

12. **Щипицина Л.Ю.** Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. М.: КРАСАНД, 2017.

13. Языковой анализ медиатекста: монография. Под общ. ред. Е.Г. Борисовой. М.: МГПУ, 2018.

14. **Ho V.** Giving offense and making amends: How hotel management attempts to manage rapport with dissatisfied customers // J. of Pragmatics. 2017. Vol. 109. Pp. 1–11.

15. **Spencer-Oateya H., Xing J.** Interdisciplinary perspectives on interpersonal relations and the evaluation process: Culture, norms, and the moral order // J. of Pragmatics. 2019. Vol. 151. Pp. 141–154.

Статья поступила в редакцию 20.04.2020.

REFERENCES

[1] **N.D. Arutyunova**, Otsenka v mekhanizмах zhizni i yazyka [Evaluation in the mechanisms of life and language]. Yazyk i mir cheloveka. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1999. Pp. 130–274. (rus)

[2] **L.V. Borisova**, Kontsept «pishcha» v kulturologicheskom prostranstve russkogo yazyka [The concept of "food" in the cultural space of the Russian language]. Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2013. No. 4. Pp. 224–230. (rus)

[3] **Ye.Yu. Bulygina, T.A. Tripolskaya**, Universalnyy i aktivnyy slovar: razvitiye leksikograficheskoy traditsii ili vozvrashcheniye k istokam [Universal and active dictionary: developing the lexicographic tradition or returning to its origins]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. No. 2 (30). Pp. 7–23. (rus). DOI: 10.15293/2226-3365.1602.01

[4] **T.A. van Deyk**, Analiz novostey kak diskursa [News as Discourse]. Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya. Moscow: LENAND Publ., 2015. Pp. 111–160. (rus)

[5] **L.Yu. Govorunova**, Rechevoy zhanr «internet-otzyv turista» v raznykh tipakh diskursa [Speech genre "Internet tourist review" in different types of discourse]. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No. 2. Pp. 43–47. (rus)

[6] **M.A. Yeremina**, Rechevoy zhanr otzyva v kommunikativnom prostranstve Interneta [Speech genre of a review in the communicative space of the Internet]. Nauchnyy dialog. 2016. No. 5. Pp. 34–45. (rus)

[7] **N.I. Klushina**, Mediastilistika: monografiya [Media stylistics]. Moscow: Flinta Publ., 2018. (rus)

[8] **I.V. Pogorelova**, Lingvosemioticheskiy aspekt internet-otzyva [Linguistic and semiotic aspect of Internet opinion]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. No. 10. Part. 3. Pp. 149–152. (rus)

[9] **M.V. Terskikh**, Zhanr internet-otzyva v turisticheskoy diskurse [Genre of online reviews in tourist discourse]. Novyye media v Rossii: Aktivnyye protsessy v yazyke i kommunikatsii. Moscow: LENAND Publ., 2019. Pp. 226–249. (rus)

[10] Tolkovyy slovar russkogo yazyka. Pod red. D.N. Ushakova [Explanatory dictionary of the Russian language edited by D. N. Ushakov]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1939. (rus)

[11] **Ye.N. Tulupova, Ye.V. Golovina**, Leksiko-stilisticheskiye osobennosti internet-otzyva turista [Lexical and stylistic features of an online tourist review]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. Vol. 12. No. 5. Pp. 257–261. (rus). DOI: 10.30853/filnauki.2019.5.55

[12] **L.Yu. Shchipitsina**, Kompyuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: Lingvisticheskiy aspekt analiza [Computer-mediated communication: the Linguistic aspect of analysis]. Moscow: KRA SAND Publ., 2017. (rus)

[13] Yazykovoy analiz mediateksta: monografiya [Language analysis of the media text]. Ed. Ye.G. Borisova. Moscow: MGPU Publ., 2018. (rus)

[14] **V. Ho**, Giving offense and making amends: How hotel management attempts to manage rapport with dissatisfied customers. Journal of Pragmatics. 2017. Vol. 109. Pp. 1–11.

[15] **H. Spencer-Oateya, J. Xing**, Interdisciplinary perspectives on interpersonal relations and the evaluation process: Culture, norms, and the moral order. Journal of Pragmatics. 2019. Vol. 151. Pp. 141–154.

Received 20.04.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Басовская Евгения Наумовна
Basovskaya Evgeniya N.
E-mail: jeni_ba@mail.ru

Сетевое пространство: продвижение научного и образовательного продукта

DOI: 10.18721/JHSS.11208

УДК 81

ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА И СЕТЕВОГО ПРОДВИЖЕНИЯ ЕГО НАУЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Л.Л. Шестакова¹, А.Ф. Яковлева²

¹ Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Российская Федерация;

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

Представлен опыт реализации исследовательского проекта, в котором на междисциплинарной основе разработаны способы адекватного отражения особенностей стилистической стратификации лексики русского литературного языка начала XXI века в толковом словаре нормативного типа (конкретно – в «Академическом толковом словаре русского языка»). Отмечено, что в подобных проектах, направленных на решение разных исследовательских задач, требуется привлечение экспертов – представителей широкого круга научных специальностей, чему способствует сетевая коммуникация. Проанализированы особенности и эффективность сетевой коммуникации специалистов, работающих, с одной стороны, в сфере лингвистики (лексикографии), с другой – в сферах информатики, политологии и др. Сделан вывод о том, что привлечение специалистов в определенных областях знания к составлению толкового словаря современного русского языка позволяет лексикографам при составлении словника и словарных статей отражать как процессы перехода стилистически окрашенной лексики из одного регистра в другой, так и вхождения в общий язык, функционирования в нем специальных терминов различных наук (технических и социальных).

Ключевые слова: русский язык, лексика, стилистика, толковый словарь, мультидисциплинарный, Национальный корпус русского языка, сетевая коммуникация.

Ссылка при цитировании: Шестакова Л.Л., Яковлева А.Ф. Из опыта реализации междисциплинарного лингвистического проекта и сетевого продвижения его научных результатов // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 87–94. DOI: 10.18721/JHSS.11208

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

FROM EXPERIENCE IN IMPLEMENTING AN INTERDISCIPLINARY LINGUISTIC PROJECT AND NETWORK PROMOTION OF IT'S SCIENTIFIC RESULTS

L.L. Shestakova¹, A.F. Yakovleva²

¹Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;

²Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

The article presents the experience of the research project implementation, using methods that are developed on an interdisciplinary basis. These methods adequately reflect the characteristics inherent to the stylistic stratification of the Russian literary language lexicon at the beginning of the 21st century in a normative type of the explanatory dictionary (in this case, in the “Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language”). It is noted that such projects, aimed at solving various research problems, require the involvement of experts of a wide range of scientific specialties, that is facilitated by network communication. The authors analyze features and effectiveness of network

communication of specialists working, on the one hand, in the field of linguistics (lexicography) and on the other hand, in the fields of computer science, political science, etc. It is concluded that the active involvement of specialists in the compilation of an explanatory dictionary of the modern Russian language allows lexicographers several options. Compiling a vocabulary and dictionary entries reflects both the processes of the transition of stylistically colored lexicon from one register to another and the entry of special terms of various sciences (technical and social) into the common language.

Keywords: Russian language, lexicon, stylistics, explanatory dictionary, multidisciplinary, Russian National Corpus, network communication.

Citation: L.L. Shestakova, A.F. Yakovleva, From experience in implementing an interdisciplinary linguistic project and network promotion of its scientific results, *Society. Communication. Education*, 11 (2) (2020) 87–94. DOI: 10.18721/JHSS.11208

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Научное сообщество на современном этапе активно развивается по сетевому принципу взаимодействия. Феномен сближения сетевой и институциональной, организованной по традиционному формальному признаку науки всё чаще проявляется в актуальных междисциплинарных проектах, направленных на решение сложных исследовательских проблем. Подобные проекты инициируются учеными – специалистами в одной области знания с целью интегрирования в исследовательский процесс экспертной составляющей, благодаря привлечению представителей других научных дисциплин, и, тем самым, реализации принципа сетевой коммуникации внутри проектной группы. Современные информационно-коммуникационные технологии предоставляют все необходимые возможности для решения поставленных задач и подключения к этому процессу обладающих необходимыми компетенциями активных участников, а также для эффективного выдвижения получаемых научных результатов. Согласимся с утверждением, что «выдвижение результата предполагает два уровня. Во-первых, <...> предполагает его прагматическое фокусирование как структурное и содержательно-смысловое подчеркивание определенных текстовых компонентов, несущих наиболее значимую, с точки зрения автора, информацию, их акцентирование в тексте через систему формальных и семантических средств привлечения внимания читателя. Во-вторых, выдвижение действует как совокупность воздействующих стратегий и приемов, обеспечивающих выдвижение данного текста/результата в фокус внимания внешних критиков, специалистов, экспертов, в дискурсе научной области, в системе иных публикаций и достижений» [11, с. 11].

В настоящей статье дается теоретическое осмысление практик сетевого продвижения на материалах и результатах исследовательского проекта, в котором реализован сетевой принцип сотрудничества лексикографов и представителей технических и социальных наук. Основная цель проекта – выявление изменений в стилистической стратификации русского литературного языка начала XXI века и выработка, на междисциплинарной основе, с опорой на комплексную методологию, способов адекватного их отражения в толковом словаре нормативного типа (конкретно – в «Академическом толковом словаре русского языка» (АТос) [1]). Системному анализу этих процессов и выработке соответствующих словарных методик посвящен проект «Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре» (см.: http://ruslang.ru/stratifikacija_leksiki)¹.

¹ В ходе проекта исследованы четыре группы слов: разговорная лексика просторечного и жаргонного происхождения; лексика предметных областей «Информатика», «Политология», «Религия и церковь». Участники проекта пришли к выводу о том, что введение такой лексики в словарь (имеется в виду, прежде всего, лексика трех названных областей) требует обязательного подключения специалистов в каждой предметной области к разработке, во-первых, особого подхода к отбору слов (к составлению словника) и, во-вторых, принципов составления словарных статей – при одновременной реализации принципа сетевой коммуникации внутри проектной группы.

Среди объективных факторов, определивших сетевой характер коммуникации при реализации проекта, можно назвать, во-первых, активное вхождение в общее речевое употребление специальных терминов различных наук (т. е. процесс детерминологизации научной лексики) и переход просторечной и жаргонной лексики в разряд разговорной (повышение статуса сниженной лексики), во-вторых, сами корпусные методы и технологии в лексикографии (подразумевающие, в частности, широкое использование в словарной практике интернет-ресурсов, таких как Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – информационно-справочная система, основанная на собрании значительного массива русских текстов [3, 4]), а также принятый исполнителями проекта принцип коммуникации (участие специалистов разных научных сфер) и использование сетевых ресурсов для продвижения результатов проекта.

Методология

Применяемая в статье методология связана с упомянутыми двумя уровнями выдвижения научного результата. Представлены материалы продолжающегося междисциплинарного проекта, в котором осуществлена конвергенция подходов разных наук с опорой на системную методологию. Несмотря на то, что в общелитературном языке система понятий какой-либо отрасли знания (и соответствующих терминов) отражается фрагментарно (в зависимости от значимости как самой области знания, так и конкретного термина для широкого круга носителей языка), требование системности описания терминологической лексики сохраняет свою актуальность. Это связано и с сохранением терминами части системных связей в составе общелитературного языка, и с тем, что, будучи включенными в толковый словарь, термины должны подчиняться общим правилам презентации лексики в данном словаре.

В практической части исследования большое место отводится количественным и корпусным методам, поскольку включение слова в толковый словарь зависит от его освоенности общелитературным языком, измеряемой частотностью употребления слова в стилистически и жанрово различных текстах². В процессе лексикографирования материала важную роль играют метод компонентного анализа лексического значения и метод синтаксически организованного толкования, позволяющие представить адекватное семантическое описание слова (словозначения).

Мы уже писали о феномене лексической стратификации в связи с разрабатываемым проектом [9, 10, 12, 13], поэтому не будем здесь подробно на этом останавливаться. Отметим только, что основная в проекте стилистическая стратификация лексики в ее отражении средствами лексикографии напрямую связана с полифункциональностью литературного языка, происходящими в нем внутренними процессами, а также с потребностями носителя языка в выборе оптимальных средств выражения в соответствии с целями, условиями и каналами коммуникации. В ходе реализации проекта сформулированы «Научно-методические рекомендации по усовершенствованию способов представления стилистических разрядов лексики в толковых словарях русского языка» (см. [13]).

В целом новизна представляемого исследования состоит в его междисциплинарной ориентированности, в целенаправленном выборе лексических групп для изучения, применении комплексного подхода к составлению словников этих групп для толкового словаря русского языка, использованном при подготовке словарных статей принципе внутренней стилистической стратификации групп, позволяющем дифференцированно маркировать входящие в них единицы, а также в общей прикладной направленности – возможности использования подготовленных материалов специалистами, работающими в области русской толковой лексикографии. Новизна полученных результатов приобретает наглядный характер на фоне имеющихся работ в области изучения стилистической стратификации русской лексики и ее отражения в нормативном толковом словаре.

² Новизна использования количественных методов в настоящем проекте связана с максимально активным привлечением числовых данных, полученных на основе обследования Национального корпуса русского языка общим объемом более 600 млн словоупотреблений.

Результаты исследования

Специфика исследования в его взаимосвязи с сетевой коммуникацией. Изучение разных типов стратификации национальных языков и междисциплинарных оценок стилистического статуса языковых единиц с учетом его закономерных эволюционных смещений — одно из важных направлений в лингвистике последних десятилетий. При этом проблема стилистической стратификации лексики русского языка и ее словарного представления относится к числу наиболее сложных проблем в лексикографии. Ее составной частью является словарное маркирование стилистически окрашенной лексики с помощью разных средств и приемов, прежде всего такого метаязыкового инструмента, как стилистические пометы [5, 6, 8, 14].

Сложность описания термина в общем словаре, в отличие от специального, обусловлена в значительной степени тем, что термин, находящийся в процессе детерминологизации, обращен одновременно и к языку науки, и к общелитературному языку. Его описание должно быть, с одной стороны, научно грамотным и точным, а с другой — общепонятным и доступным для непрофессиональной аудитории. Различная степень освоенности термина также, по возможности, должна отражаться в толковом словаре. Достичь всего этого бывает нелегко: требуются и высокая научная и техническая компетенция (здесь не только полезно, но и обязательно сотрудничество лексикографов со специалистами в разнообразных предметных областях науки и техники), и значительный лексикографический опыт. Особая задача, стоящая перед авторами толкового словаря, — описание терминов-неологизмов, не имеющих устойчивой практики лексикографирования, фиксируемых в словаре впервые.

Подобный подход позволяет также увидеть в деталях коммуникационный потенциал гуманитарных наук, реализуемых в первую очередь в их медиаторной функции, способных выступить по-настоящему профессиональным посредником между сферой науки и технологий и социумом. Важно отметить, что проект демонстрирует и ценность используемых при проведении исследования коммуникативных средств (как определяющих характер исследования, а не просто как инструментов), и ценность самой работы по сети.

Характеристика исследовательской сети. Из сфер, лексика которых наиболее активно входит в литературный язык и, следовательно, требует соответствующего отражения в объяснительном словаре, следует назвать компьютерные технологии (термины информатики и смежных с ней областей, а также распространенные профессионализмы, разговорные лексемы данной сферы деятельности), политику, медицину, спорт и некоторые другие, что определило специализацию участников сети.

Как мы писали ранее, «важнейшей чертой анализа социальных сетей является подход, в котором рассматриваются не дискретные личности или организации, а именно связи между ними и управление этими связями, и анализируется то, каким образом структуры связей воздействуют на них» [7, с. 304]. Участие в осуществляемом проекте разных специалистов придает ему ярко выраженный междисциплинарный сетевой характер, позволяющий отнести его к типу сетевых сообществ практики, или обмена знаниями (community of practice) [15, 16].

Среди типов сетевой коммуникации, характерной для научного сообщества, специалисты выделяют: «сообщества по интересам (community of interest), члены которых обмениваются мнениями по поводу тех или иных событий, но не могут оказывать на эти события непосредственного влияния, и сообщества обмена знаниями (community of practice), члены которых вовлечены в совместную деятельность» [2, с. 251], т. е. в реализацию проектов с сильной связью, в которых взаимодействие осуществляется в основном в режиме реального времени (там же). Именно работа по второму типу — обмена знаниями — позволяет развивать и продвигать коммуникационную инфраструктуру, способствуя объединению распределенных усилий для решения общих научных проблем, формируя распределенный исследовательский центр. Немаловажно отметить, что сообщество практики, или сообщество обмена знаниями (community of practice), «обозначает об-

ественное образование, члены которого вовлечены в совместную деятельность, а онлайн-общение является необходимым условием их сотрудничества» [2, с. 259].

Особый акцент нужно сделать на реализации принципа интегрированности экспертной оценки (привлечение специалистов из других областей знания) в процесс исследовательской и собственно лексикографической работы в представляемом проекте. Учитывая, что обычно экспертиза происходит в отложенный во времени по отношению к самому исследованию период, постоянное онлайн-«присутствие» специалистов, компетентных в той или иной области знания, служит залогом научно корректного описания, истолкования лексикографируемых языковых единиц.

Сетевое продвижение. Неотъемлемой частью реализуемого исследовательского проекта является сетевое продвижение его конкретных результатов – в виде постоянно обновляемой странички проекта на сайте Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН)³, размещения там «Научно-методических рекомендаций по усовершенствованию способов представления стилистических разрядов лексики в толковых словарях русского языка» и подготовленных, в соответствии с этими рекомендациями, фрагментов словников и образцов словарных статей.

Одним из ключевых факторов, определяющих обновление, пополнение словника современного толкового словаря, является научно-технический прогресс в области информатики, информационно-коммуникационных технологий. В словник этой предметной области, составленный в рамках проекта, верифицированный по данным разных корпусов НКРЯ и размещенный на сайте ИРЯ, вошли активно используемые сегодня слова и устойчивые выражения: *вебинар, голо-совой помощник, стрим, цифровизация, электронная подпись, электронный кошелек* и т. п.; ср. также слова, связанные с социальными сетями и активным использованием смартфонов, мессенджеров: *лайк, лента, соцсеть, эмодзи* и т. п.

При формировании и верификации словника, связанного с областью политики, широко использовались материалы различных сетевых ресурсов, например, «Национальной политической энциклопедии» (<http://politike.ru/>). Единицами этого словника стали такие актуальные слова и выражения, как *брекзит / брексит, постдемократия, согласованный (несогласованный) митинг, электронное голосование* и т. д.

Специфика работы над словником разговорной лексики просторечного и жаргонного происхождения (условно «новой» разговорной лексики) состояла в том, что из корпусных ресурсов привлекались данные, прежде всего, по художественным текстам. Частотность тех или иных предположительно «новых» разговорных единиц в подобных текстах (особенно последних десятилетий), их использование для речевой характеристики персонажей говорят в пользу включения таких единиц в словник современного толкового словаря. Необходимо подчеркнуть, в этой связи, важность обращения при верификации разговорного словника к другим сетевым источникам – поисковым системам типа «Google Книги», к электронным библиотекам художественной литературы (Библиотека Максима Мошкова / lib.ru и др.), к архивам толстых журналов («Знамя», «Новый мир» и др.) и т. д.

В подготовленных участниками проекта словарных статьях представлен широкий набор средств стилистической характеристики слов исследуемых групп лексики. Например, в перечень таких средств, которые характеризуют терминологические номинации, сохраняющие специальную окраску (пометы специального содержания – общие и частные; пометы с последующими ремарками-конкретизаторами [8, 14]), добавляется собственно ремарка как наиболее точное в некоторых случаях средство стилистической квалификации слова – ср.: «В социальных сетях, блогах и т. п.». Это нововведение связано, в частности, с функционированием и трансформацией языка в сетевых сообществах, являющихся одним из наиболее важных каналов вхождения специальных терминов в язык ежедневного общения.

³ http://ruslang.ru/stratifikacija_leksiki

Результаты работы по проекту отражают также публикации его участников в сетевых научных изданиях открытого доступа. Безусловно, в цифровую эпоху представление исследовательских материалов, не только узкоспециальных, но и междисциплинарного характера, в электронных периодических изданиях – наиболее оптимально для пользователя, начиная от студентов, аспирантов и заканчивая ведущими учеными.

Среди выбранных в проекте форм продвигающих коммуникаций можно назвать размещение на сайте ИРЯ РАН не только конкретных результатов проекта, но и других материалов (научных публикаций, отчетов о проведенных мероприятиях, презентаций докладов и т. д.).

В период пандемии, с переходом на удаленный режим работы в сфере научно-исследовательской деятельности, участники проекта успешно продолжили основную работу по нему (включая обсуждение словников, словарных статей, планируемых публикаций и др.) в онлайн-форматах с использованием различных онлайн-платформ.

Выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-29-09063 офи-м.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АТОС – Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А–Вилять; Т. 2: Вина–Гяур / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: ИД ЯСК, 2016.
2. Жукова Т.И., Тищенко В.И. Сетевые научные сообщества в Рунете: Типология и практика // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. М., 2013. С. 248–271.
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка // URL: <http://ruscorpora.ru> (Дата обращения: 10.02.2020).
4. Плулган В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 7–20.
5. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003.
6. Стратификация национального языка в современном российском обществе. Тезисы междунар. конф. СПб., 2013 // URL: <http://www.zlat.spb.ru/CatalogImages/File/Konferenzia+.pdf>
7. Труфанова Е.О., Яковлева А.Ф. Социальная технология сетевого взаимодействия // Общество. Техника. Наука. На пути к теории социальных технологий. М., 2012. С. 301–317.
8. Цумарев А.Э. Об усовершенствовании маркирования специальной лексики в толковых словарях // Терминология и знание. Матер. IV Междунар. симп. Москва, ИРЯ РАН, 6–8 июня 2014. М.: Вест-Консалтинг, 2014. С. 255–273.
9. Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л., Нечаева И.В., Кулева А.С., Грунченко О.М. «Академический толковый словарь русского языка»: традиционное и новое // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2017. Т. 76. № 5. С. 5–21.
10. Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л. Языковые нормы в «Академическом толковом словаре русского языка» // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 58–80. DOI: 10.17223/22274200/13/4
11. Чернявская В.Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: УРСС, 2017. 144 с.
12. Шестакова Л.Л., Яковлева А.Ф. Актуальный политический термин в перспективе общезыкового словаря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6. С. 78–82.
13. Яковлева А.Ф., Шестакова Л.Л. Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре: Основные методологические подходы (обзор круглого стола) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 4. С. 47–55. DOI: 10.18721/JHSS.10405
14. Verkuyl H., Janssen M., Jansen F. The codification of usage by labels // Terminology and Lexicography Research and Practice. Vol. 6. A Practical Guide to Lexicography. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. Pp. 297–311.
15. Wenger E. Communities of practice: Learning as a social system // Systems thinker. Waltham (MA), 1998. Vol. 9. No. 5. Pp. 1–8.

16. **Wenger E.** Communities of practice and social learning systems: The career of a concept // Social Learning Systems and Communities of Practice. Springer Verlag and the Open University, 2010. Pp. 179–198. URL: <https://wenger-trayner.com/resources/publications/cops-and-learning-systems/> (Дата обращения: 11.05.2020).

Статья поступила в редакцию 13.05.2020.

REFERENCES

[1] АТоS – Akademicheskiiy tolkovyy slovar russkogo yazyka. Vol. 1: A–Vilyat; Vol. 2: Vina–Gyaur / Otv. red. L.P. Krysin. Moscow: YaSK Publ., 2016. (rus)

[2] **T.I. Zhukova, V.I. Tishchenko,** Setevyye nauchnyye soobshchestva v Runete: Tipologiya i praktika // Sotsialnyye seti i virtualnyye setevyye soobshchestva: Sb. nauch. tr. Moscow, 2013. Pp. 248–271. (rus)

[3] NKRYa – Natsionalnyy korpus russkogo yazyka. Available: <http://ruscorpora.ru> (Accessed: 10.02.2020). (rus)

[4] **V.A. Plungyan,** Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [Corpus as a tool and as ideology: on some lessons of modern corpus linguistics], Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian language in scientific coverage]. 2008. No. 2. Pp. 7–20. (rus)

[5] Sovremennyy russkiy yazyk: Sotsialnaya i funktsionalnaya differentsiatsiya [Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation], ed. L.P. Krysin. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury [Languages of Slavic culture], 2003. (rus)

[6] Tezisy mezhdunarodnoy konferentsii «Stratifikatsiya natsionalnogo yazyka v sovremennom rossiyskom obshchestve» [Stratification of the national language in modern Russian society. Abstracts of the international. conf.]. St. Petersburg, 2013. Available: <http://www.zlat.spb.ru/CatalogImages/File/Konferenzia+.pdf>. (rus)

[7] **E.O. Trufanova, A.F. Yakovleva,** Sotsialnaya tekhnologiya setevogo vzaimodeystviya [Social networking technology], Obshchestvo. Tekhnika. Nauka. Na puti k teorii sotsialnykh tekhnologiy. Moscow, 2012. Pp. 301–317. (rus)

[8] **A.E. Tsumarev,** Ob usovershenstvovaniy markirovaniya spetsialnoy leksiki v tolkovykh slovaryakh [On the improvement of marking of special vocabulary in explanatory dictionaries], Terminologiya i znaniye. Materialy IV Mezhdunarodnogo simpoziuma, Moscow, IRYa RAN, 2014. Moscow: Vest-Konsalting, 2014. Pp. 255–273. (rus)

[9] **A.E. Tsumarev, L.L. Shestakova, I.V. Nechayeva, A.S. Kuleva, O.M. Grunchenko,** «Akademicheskiiy tolkovyy slovar russkogo yazyka»: traditsionnoye i novoye [Academic Dictionary of the Russian Language: Traditional and New], Izvestiya RAN. Seriya lit-ry i yazyka. 76 (5) (2017) 5–21. (rus)

[10] **A.E. Tsumarev, L.L. Shestakova,** Yazykovyye normy v «Akademicheskoy slovare russkogo yazyka» [Language norms in the “Academic Dictionary of the Russian Language”], Voprosy leksikografii. 13 (2018) 58–80. (rus). DOI: 10.17223/22274200/13/4

[11] **V.Ye. Chernyavskaya,** Nauchnyy diskurs: Vydvizheniye rezultata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema [Scientific Discourse: Advancing Results as a Communicative and Language Problem]. Moscow: URSS, 2017. 144 p. (rus)

[12] **L.L. Shestakova, A.F. Yakovleva,** Modern political term as a potential entry of a common language dictionary, Proceedings of Petrozavodsk State University. 6 (2018) 78–82. (rus)

[13] **A.F. Yakovleva, L.L. Shestakova,** Stratification of the lexicon of the modern Russian language and its reflection in the explanatory dictionary: ways of the discussion (round table review), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 47–55. DOI: 10.18721/JHSS.10405

[14] **H. Verkuyl, M. Janssen, F. Jansen,** The codification of usage by labels, Terminology and Lexicography Research and Practice. Vol. 6. A Practical Guide to Lexicography. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. Pp. 297–311.

[15] **E. Wenger,** Communities of practice: Learning as a social system // Systems Thinker. Waltham (MA), 9 (5) (1998) 1–8.

[16] **E. Wenger**, Communities of practice and social learning systems: the career of a concept, Social Learning Systems and communities of practice. Springer Verlag and the Open University. 2010. Pp. 179–198. Available: <https://wenger-trayner.com/resources/publications/cops-and-learning-systems/> (Accessed: 11.05.2020).

Received 13.05.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Шестакова Лариса Леонидовна

Shestakova Larisa L.

E-mail: lara.shestakova@mail.ru

Яковлева Александра Федоровна

Yakovleva Alexandra F.

E-mail: afyakovleva@gmail.com

DOI: 10.18721/JHSS.11209
УДК 378.1

ИНОЯЗЫЧНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ТРЕНИНГ РЕГИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПРИКЛАДНАЯ ИНФОРМАТИКА» К МЕЖДУНАРОДНЫМ АКАДЕМИЧЕСКИМ ОБМЕНАМ

Е.М. Татаурова¹, Е.П. Глумова¹, В. Хэнсон²

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация;

² Вашингтонский университет,
Вашингтон, США

Рассмотрена проблема развития иноязычной коммуникативной компетенции у студентов магистерских программ по направлению подготовки «Прикладная информатика», профилю «Эргодизайн пользовательского интерфейса», предполагающих участие в академическом обмене по обучению основам взаимодействия человека с компьютером (Human-Computer Interaction) и дизайна взаимодействия с пользователем (User Experience Design). В качестве технологии развития данной компетенции предложен иноязычный коммуникативный тренинг, предполагающий создание условий интенсивного межличностного взаимодействия на иностранном языке в профессиональной сфере. Данная технология реализуется с учетом регионального аспекта содержания обучения будущих специалистов в области информатики и вычислительной техники. Региональное содержание иноязычного коммуникативного тренинга строится на учете особенностей функционирования и развития IT-сферы в Нижегородской области, России и штате Вашингтон, США в их наглядном сравнении. Приведены примеры реальных образовательных кейсов, используемых в процессе обучения. Понятие региона рассматривается на микроуровне и позволяет смоделировать конкретные коммуникативные задания на основе актуальных ситуаций взаимодействия, предполагающих совместное решение профессиональных задач, наиболее значимых для представителей двух регионов. Иноязычный коммуникативный тренинг регионального содержания позволит подготовить специалистов конкретного региона в области информатики и вычислительной техники к успешному взаимодействию с зарубежными коллегами на основе учета опыта проектирования удобных интерфейсов и фронтенд-разработки. Представлена детальная структурная организация экспериментального обучения. Выделены умения иноязычной диалогической речи в профессиональной сфере, развитие которых является целью иноязычного коммуникативного тренинга регионального содержания. На основании полученных статистических и математических данных сделан вывод о высокой эффективности разработанной обучающей технологии.

Ключевые слова: предметно-языковое интегрированное обучение, высшее образование, студенческий обмен, взаимодействие человека с компьютером, дизайн взаимодействия с пользователем.

Ссылка при цитировании: Татаурова Е.М., Глумова Е.П., Хэнсон В. Иноязычный коммуникативный тренинг регионального содержания в подготовке студентов направления «Прикладная информатика» к международным академическим обменам // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 95–107. DOI: 10.18721/JHSS.11209

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

REGIONAL CONTENT FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE TRAINING AS A MEAN OF PREPARATION OF “APPLIED INFORMATICS” PROGRAMME STUDENTS FOR INTERNATIONAL ACADEMIC EXCHANGE

E.M. Tataurova¹, E.P. Glumova¹, V. Hanson²

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

² The University of Washington, Washington, USA

This article is devoted to the issues of developing foreign-language communicative competence of master's degree students majoring in “Applied Informatics” with a minor of “Ergodesign of user's interface” who apply for academic exchange programmes that presuppose studying the basics of Human-Computer Interaction and User Experience Design. The authors suggest foreign language communicative training as the main technology for the development of foreign-language communicative competence. This technology presupposes creation of special conditions for intensive interpersonal interaction. The assignments of the communicative training include regional content that is connected to the field of Informatics and Computer Engineering. The regional content itself reflects the comparison of IT-sphere in Nizhny Novgorod region, Russia and the State of Washington, USA. The article contains examples of real educational cases used in the learning process. The concept of regional content is studied at micro-level and allows creating special communicative training tasks that are based on real professional communicative situations that are significant for the representatives of both regions. Regional content foreign language communicative training allows to prepare Nizhny Novgorod computer science and computer technology specialists for successful interaction with foreign colleagues in the subject of designing user-friendly interfaces and front end development. The authors present a detailed structural description of experimental training process. The skills of foreign-language dialogic speech that are developed by the means of regional content foreign language communicative training are highlighted. The conclusion of high efficiency of the developed teaching technology is drawn on the basis of the obtained statistical and mathematical data.

Keywords: content and language integrated learning, high education, student exchange, human-computer interaction, user experience design.

Citation: E.M. Tataurova, E.P. Glumova, V. Hanson, Regional content foreign language communicative training as a mean of preparation of “Applied informatics” programme students for international academic exchange, Society. Communication. Education, 11 (2) (2020) 95–107. DOI: 10.18721/JHSS.11209

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

В настоящее время наблюдается тенденция к сближению и гармонизации систем высшего образования ведущих мировых образовательных систем [1, 2]. Поэтому особую актуальность приобретает расширение международных контактов отечественных университетов с целью обмена и совместной разработки новейших образовательных технологий, позволяющих продвинуть мировую науку на новый инновационный уровень развития.

В условиях современного информационного общества с его постоянно увеличивающимися объемами данных и скорости их устаревания, наиболее перспективной отраслью международного сотрудничества университетов является информатика и вычислительная техника. Ученые обращают все больше внимания на взаимодействие человека и машины, стараясь создавать по-настоящему удобные интерфейсные решения, основанные на анализе пользовательского опыта.

Для установления прочных научных связей с представителями мирового IT-сообщества выпускники российских вузов должны не только демонстрировать готовность к кооперации с зарубежными коллегами, но и обладать высоким уровнем иноязычной коммуникативной компетенции как

способности и реальной готовности осуществлять иноязычное общение с носителями языка в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках своей сферы деятельности.

Постановка проблемы

Несмотря на то, что иноязычная коммуникативная компетенция входит в ядро универсальных компетенций, необходимых для усвоения в рамках всех программ системы высшего образования РФ, согласно требованиям ФГОС ВО 3++, более высокие показатели уровня её развития наблюдаются в гуманитарных вузах. Данное противоречие обусловлено недостаточным внедрением эффективных коммуникативных технологий обучения иностранным языкам в образовательный процесс технических вузов. Низкий уровень владения иностранным языком является основным препятствием к участию студентов российских вузов в программах академических обменов, что представляет собой большую проблему, особенно в сфере инновационных образовательных программ, таких как «Взаимодействие человека с компьютером» (Human-Computer Interaction) и «Дизайн взаимодействия с пользователем» (User Experience Design).

Таким образом, цель данного исследования – создание технологии иноязычного коммуникативного тренинга регионального содержания для российского технического вуза, осуществляющего образовательный процесс в магистерских программах по направлению подготовки «Прикладная информатика», профилю «Эргодизайн пользовательского интерфейса».

В рамках исследуемой проблемы нами изучены научные работы отечественных и зарубежных авторов в следующих областях знаний: развитие универсальных компетенций в образовательной среде российских технических вузов [3, 4], современные технологии развития иноязычной коммуникативной компетенции в образовательной среде российских технических вузов [5–7], коммуникативные тренинги в обучении иностранным языкам [8–10], региональный компонент содержания иноязычного обучения [11–13]. Также мы провели сравнительный анализ научных парадигм в области взаимодействия человека с компьютером в рамках отечественной и зарубежной науки [14–17].

В результате критического осмысления научной литературы по теме исследования были выявлены следующие минусы: недостаточная ориентация образовательной среды российских технических вузов на развитие иноязычной коммуникативной компетенции; отсутствие эффективной технологии развития умений иноязычной диалогической речи профессиональной сферы в образовательной среде российских технических вузов; отсутствие современных обучающих материалов, содержащих кейсы, демонстрирующие разницу научных парадигм и подходов отечественной и зарубежной науки в области магистерских программ по направлению подготовки «Прикладная информатика», профилю «Эргодизайн пользовательского интерфейса» дисциплин «Взаимодействие человека с компьютером» и «Дизайн взаимодействия с пользователем».

Методология и методика исследования

Вышеуказанные противоречия определили выбор темы научной статьи и позволили сформулировать вопрос исследования: какова эффективность применения технологии иноязычного коммуникативного тренинга регионального содержания для развития иноязычной коммуникативной компетенции как составляющей комплекса универсальных компетенций студентов технических вузов по направлению подготовки «Прикладная информатика», профилю «Эргодизайн пользовательского интерфейса».

Практические исследования по сформулированному вопросу были проведены и объективно оценены в ходе обучающего эксперимента на базе Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова в рамках программы дополнительного профессионального образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Организация экспериментальной проверки осуществлялась в период с 2019 по 2020 г. Общее количество участников составило 60 человек.

В настоящей статье приводятся данные по двум группам, каждая из которых состояла из десяти человек. В целях соблюдения логичности и ясности эксперимента мы обозначили одну из них группой 1, она являлась экспериментальной группой (далее по тексту ЭГ), а вторую – группой 2, она была контрольной группой (далее по тексту КГ).

В число **неварьируемых** условий эксперимента вошли: одинаковое количество времени, отводимого на усвоение учебного материала; продолжительность занятий (90 мин); регулярность проведения занятий (два раза в неделю по два занятия); одинаковое количество испытуемых в ЭГ и КГ; приблизительно одинаковый стартовый уровень развития универсальных компетенций в ЭГ и КГ на момент начала экспериментального обучения; содержание констатирующей и итоговой диагностик; единые критерии оценивания; единая форма обработки статистических данных эксперимента.

В число **варьируемых** условий эксперимента вошли: разные преподаватели, ведущие обучение в ЭГ и КГ; ведущая технология обучения; форма организации и проведения занятий.

Структурная организация экспериментального обучения предполагала несколько этапов: 1) организационно-подготовительный этап; 2) экспериментальное обучение; 3) этап обработки и интерпретации результатов.

Организационно-подготовительный этап включал в себя разработку структуры профессионально-ориентированного иноязычного коммуникативного тренинга и наполнения его региональным содержанием.

Перед этим нами были уточнены определения следующих понятий: иноязычная коммуникативная компетенция; региональное содержание иноязычного обучения; иноязычный коммуникативный тренинг.

В рамках проводимого исследования мы будем опираться на определение, представленное И.Л. Бим, которая рассматривает иноязычную коммуникативную компетенцию как «способность и реальную готовность осуществлять иноязычное общение с носителями языка, а также приобщение школьников к культуре страны/стран изучаемого языка, лучшее осознание культуры своей собственной страны, умение представлять её в процессе общения» [18, с. 159–160].

Учитывая тот факт, что иноязычная коммуникативная компетенция является комплексным понятием, мы будем рассматривать его в единстве трёх сторон, согласно теории Г.М. Андреевой: коммуникативной (общение как обмен информацией), интерактивной (общение как взаимодействие) и перцептивной (общение как восприятие людьми друг друга) [19].

На основании данного положения мы провели отбор умений иноязычной коммуникативной компетенции в профессиональной сфере, необходимых для развития у студентов технических вузов по направлению подготовки «Прикладная информатика», профилю «Эргодизайн пользовательского интерфейса». Данные умения обобщены в таблице.

Перечень умений иноязычной коммуникативной компетенции **List of skills of foreign communicative competence**

Коммуникативная сторона общения	Перцептивная сторона общения	Интерактивная сторона общения
устанавливать контакт	активно слушать партнера	ориентироваться в ситуации общения
достигать поставленной цели коммуникации	понимать и принимать точку зрения собеседника	оценивать эффективность собственного коммуникативного поведения
аргументировать свою точку зрения	оценивать и прогнозировать вербальное поведение партнера	общаться в конфликтных ситуациях

Под региональным компонентом в обучении иностранным языкам мы понимаем часть содержания иноязычного материала, отражающего родную региональную культуру в сопоставлении с региональной культурой иноязычного социума и направленного на формирование способности к межкультурному диалогу на основе межрегионального сознания.

В структуру регионального компонента содержания иноязычного образования входят следующие составляющие: региональный материал российского лингвосоциума и региональный материал стран изучаемого языка. Оба из представленных компонентов реализуются в проводимом исследовании на микроуровне (отдельный территориальный субъект) и отражают особенности функционирования и развития сферы «Взаимодействие человека с компьютером» (Human-Computer Interaction) и «Дизайн взаимодействия с пользователем» (User Experience Design) в Нижегородской области, Россия и штате Вашингтон, США.

Внедрение регионального компонента в содержание обучения студентов технических вузов по направлению подготовки «Прикладная информатика», профилю «Эргодизайн пользовательского интерфейса» иностранному языку будет способствовать формированию их межрегионального сознания в профессиональной сфере, которое позволит сравнивать, анализировать, сопоставлять проблемы различных регионов на разных уровнях в ситуациях профессионального общения. В результате средствами иностранного языка они будут способны описывать факты и явления профессиональной сферы, существующие в условиях их региона, и, следовательно, в процессе реальной коммуникации будут способны транслировать её своеобразие и сделать её достоянием мирового научного сообщества.

В рамках проводимого исследования мы рассматриваем иноязычный коммуникативный тренинг, как современную технологию обучения, направленную на активное развитие профессионально-значимых иноязычных умений диалогической речи в процессе интенсивного межкультурного взаимодействия в сфере компьютерных технологий.

Основной задачей обозначенной технологии в данном исследовании является создание условий сопоставления и выявления основных различий функционирования и развития сферы «Взаимодействие человека с компьютером» (Human-Computer Interaction) и «Дизайн взаимодействия с пользователем» (User Experience Design) в Нижегородской области, России и штата Вашингтон, США с целью выработки у студентов новых стратегий коммуникативного поведения в условиях профессионального межличностного социально-коммуникативного взаимодействия.

Отталкиваясь от основных принципов технологии action learning [20–22] и базовых обучающих циклов [23, 24], лежащих в основе любого тренинга, мы предполагаем создание следующих этапов: 1) вводно-ознакомительного; 2) первичного анализа коммуникативной ситуации; 3) поиска эффективных способов осуществления диалогического взаимодействия; 4) развития умений диалогической речи на микроуровне; 5) развития умений диалогической речи на макроуровне; 6) рефлексии.

На *вводно-ознакомительном этапе* обучающиеся получают от преподавателя информацию о целях, задачах, планируемых результатах и формах предстоящей работы на данном занятии. Одновременно с этим обучающиеся делятся своими ожиданиями от предстоящего занятия и планируемыми результатами совместной деятельности.

На *этапе первичного анализа коммуникативной ситуации* обучающимся предлагаются к рассмотрению примеры межличностного взаимодействия, демонстрирующие различные модели социально-коммуникативного поведения данного конкретного региона.

Коммуникативные ситуации предъявляются преподавателем в виде аутентичных видеофрагментов, аудиозаписей, текстового материала или иллюстраций.

После ознакомления с полученным материалом обучающимся предлагается письменно ответить на серию вопросов теста. После выполнения теста проводится мини-дискуссия, студенты обмениваются мнениями. На этапе обобщения полученных данных преподаватель подводит итоги, выделяет компоненты умений, необходимые для развития.

Этап *поиска эффективных способов осуществления коммуникативного взаимодействия* направлен на замену усвоенных ранее неэффективных способов иноязычной профессиональной деятельности в различных ситуациях межличностного взаимодействия на новые, учитывающие региональный компонент, т. е. более эффективные.

На этапе *развития умений коммуникативной компетенции на микроуровне* предполагается отработка усвоенных на предыдущем этапе моделей социально-коммуникативного поведения в инвариантных учебно-речевых ситуациях профессионального межличностного взаимодействия.

На этапе *развития умений коммуникативной компетенции на макроуровне* создаются условия для активного применения усвоенных на предыдущем этапе моделей профессионального социально-коммуникативного поведения в различных вариативных ситуациях иноязычного общения, наполненных региональным компонентом и максимально приближенных к реальным условиям коммуникации.

На этапе *рефлексии* обучающиеся делятся своим мнением о ходе и результатах проведенного коммуникативного тренинга регионального содержания, отмечают наиболее запомнившиеся и понравившиеся моменты.

Ю.М. Жуков выделяет три основные формы организации тренинговых занятий: интенсивный курс, регулярные занятия и эпизодические встречи [25, с. 75]. Выбор одной из представленных форм должен основываться на расчете времени, отводимого на тренинговую работу, и требований программы обучения.

Принимая во внимание тот факт, что положительный образовательный эффект тренинга может быть обеспечен только при одновременном последовательном прохождении его этапов, мы выделили следующие временные границы для его освоения: вводная часть 10–15 мин; основная часть 60–70 мин; заключительная часть 10–15 мин.

Этап экспериментального обучения предполагал обучение студентов направления подготовки «Прикладная информатика» в рамках программы дополнительного профессионального образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в Нижегородском государственном лингвистическом университете имени Н.А. Добролюбова.

Применение иноязычного коммуникативного тренинга регионального содержания в профессиональной сфере предполагает использование следующих методов обучения: 1) коммуникативного; 2) дискуссии; 3) проблемного обучения; 4) игрового; 5) анализа конкретных ситуаций; 6) мозгового штурма. В этой связи приведем примеры некоторых групповых заданий, примененных в процессе обучения.

Task 1. Project work. Website redesign for a local client

1. Break into teams of 4-6, and pick a small local company (client) for a website redesign. If you'd like, establish roles on your team (project manager, researcher, designer, engineer) to divide project-related tasks. Alternatively, you may decide to work together on every step of the project - up to you.

2. Get in contact with the client to better understand their customer base, as well as their business and branding goals. These should drive your redesign.

3. Conduct user research using a combination of methods (survey, contextual inquiry, interviews, usability study of the current website, etc.) to gather insights about customers' patterns of interaction with the website, their pain points and delights.

4. Create user personas – fictional representations of your primary users. Who are they? Where do they live and what do they do for a living? What are their motivations? What are their goals in using the website? What are their key tasks on the website? User personas are meant to guide your design process.

5. Having identified user pain points and opportunities for improvement via research, create a low-fidelity prototype of your new website, e.g. clickable wireframes, using a design tool. Make sure your designs respond to the problems and opportunities you had identified.

6. Recruit at least five current users of the website for a usability test of the prototype. Have them walk through the prototype, guided by website-related scenarios and tasks you provide them with. Track and quantify key usability metrics: task success, time on task, error rate, and satisfaction.

7. Based on the results of the usability test, adjust your design and build a high-fidelity prototype in a design tool. Consider any technical limitations that may impact actual implementation.

8. If time permits, do another round of usability testing of the high-fidelity prototype and hand it over to the client for review/implementation.

Task 2. Project work. Physical prototyping with a cultural context

1. Work in teams of 4-6, pick a country, other than your native, to design a vending machine for.

2. Conduct secondary research to learn more about that country's culture, values, and/or social events that can inform your vending machine's visual design, placement, and its contents. Pay attention to your target audience – the users who will be interacting with the vending machine. Which of their needs can be satisfied by a vending machine, in ways that are appropriate or desirable in their culture, as well as in its context of use? Use **Hofstede's cultural dimensions** as a resource for better cultural awareness.

3. Collaborate on designing product concepts. First, seek inspiration from other vending machines designed in different countries. Second, try the following exercise called “**Crazy 8's**”: give each member on your team an A4 sheet of paper, and ask them to draw eight squares on it. Then, set a timer for 8 minutes, and ask each team member to silently draw eight quick ideas in 8 minutes, inside those squares (these ideas can be very rough). When the timer goes off, each team member should present their ideas to the team. Once everybody is done presenting, hang the sheets on the wall. Hand out three sticky dots to each member, so everybody can vote on their three favorite ideas, excluding their own, by placing the sticky dots on the squares they like. The ideas that get the most dots should be considered winning.

4. Further develop your design ideas and seek other teams' feedback on your design concepts. Ideally, you would want to run 2-3 design concepts by your target users for more actionable feedback.

5. Based on user/peer feedback, select your final concept for physical prototyping. Working collaboratively, use any available materials (paper, cardboard, colored sticky notes, glue, tape, plastic bottle caps) to build a small-scale version of your vending machine – its outside structure and elements of the UI – buttons, slots, touch screen panels, etc. If there is an engineering enthusiast on your team, you might want to experiment with wires and LED circuits for exemplifying core interactions.

6. Once you've built your physical prototype, you will need to test it. Let 5-8 members of other teams play around with it, while you note what's not working as it should, what's confusing to the user, or is different from their expectations.

7. As a final step, work on the necessary improvements for an updated version of your vending machine prototype.

Task 3. Project work. UX research for generating knowledge

1. Working in pairs, decide on a topic you'd like to research. Your chosen topic should involve human interaction with any software tool (a software program, site, app, or a wearable device).

2. Identify a single open-ended research question (not a yes/no question) that will guide your research efforts. In other words, what are you interested in learning in relation to the human interaction with the software tool in question?

3. Using **grounded theory approach**, gather user data by triangulating a few generative research methods (diary study, interviews, observations, contextual inquiry, user journey mapping, co-design, participatory activities, focus groups, etc.). For example, design a one-week diary study for 10 active users of the software tool you are studying, by asking these users to self-document their daily interactions with the tool. This will help you learn more about their common interaction scenarios, as well as their

motivations, key tasks, frequency of use, and attitudes toward the tool. Make sure the questions within the diary study help you answer your research question.

4. Transcribe and transfer all user data into one repository (E.g., a Word document or a digital Trello board) for the convenience of thematic coding. Each researcher should individually go over the entire repository and assign codes (themes) to user data. For example, one of the codes may be "pain points" or a more specific insight coming from the data, like "curiosity". The codes can be applied via comments in a Word document, or via colored labels on a Trello board. There is no minimum or maximum number of codes that should be created – just follow what your data is telling you.

5. Get together with your research partner and compare the codes you individually came up with. Do they match? Do they differ? If they differ, can you come to a consensus? Reaching a consensus around observed data is called inter-rater reliability and contributes to the strength of your findings.

6. Now, how can you make sense of the codes you have identified? One activity you can do is affinity diagramming. Pull key themes from your user data, along with any representative quotes, and write them all on sticky notes. Put the sticky notes up on the wall and work collaboratively to re-arrange them in larger categories, prioritize them, or draw logical connections between them.

7. The final step in your analysis is connecting your findings back to your original research question. Can you come up with a one-sentence thesis statement that answers it? This is the most exciting part. Most likely, you have discovered something that has not been studied or explained yet, which can be used to improve user experience with the product.

Результаты исследования

Третий этап экспериментального обучения предполагал качественную и количественную оценку динамики роста показателей уровня развития иноязычной коммуникативной компетентности в ЭГ и КГ до и после обучения. Студентам предлагалось выполнить два устных задания: составление диалога-обмена мнением в рамках заданной ситуации и составление диалога-распроса в рамках заданной ситуации. Выбор типов заданий обусловлен делением устной речи на подготовленную и неподготовленную. Тематика диалогов соответствовала специфике образовательных программ «Взаимодействие человека с компьютером» (Human-Computer Interaction) и «Дизайн взаимодействия с пользователем» (User Experience Design).

Устные ответы студентов оценивались по специально разработанной системе оценки устных диалогических высказываний, которая предполагает три количественных и три качественных критерия для каждого из умений диалогической речи, представленных ранее.

Далее мы вычислили коэффициент успешности выполнения всех заданий диагностического среза на определение уровня развития иноязычных умений диалогической речи в ЭГ и КГ по формуле В.П. Беспалько: $K_u = a/n$, где a – количество испытуемых, показавших в целом положительный результат по устным заданиям; n – общее количество испытуемых в группе. Полученные данные: $K_u (\text{ЭГ } 1) = 1/12 = 0,083$; $K_u (\text{КГ } 2) = 1/12 = 0,083$.

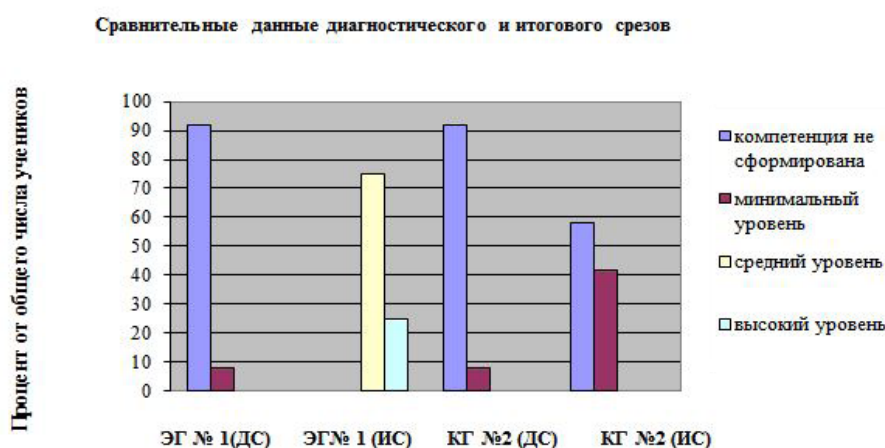
Поскольку минимально допустимым считается коэффициент успешности 0,7, то результаты вычисления свидетельствуют о предельно низком уровне развития иноязычных умений диалогической речи у испытуемых. Таким образом, на основании данных, полученных в ходе проведения диагностического среза, подтвердилась практическая значимость настоящего исследования, которая проявилась в необходимости разработки и внедрения новой технологии развития иноязычных умений диалогической речи. При этом стоит отметить, что результаты диагностики выявили у обучающихся обеих групп одинаковые показатели исходного уровня развития искомых умений, что свидетельствует об отсутствии необходимости в реформировании групп для проведения обучающего эксперимента.

По итогам экспериментального обучения был проведен диагностический срез, направленный на определение уровня развития иноязычных умений диалогической речи в конечной точке об-

учения. По аналогии с обработкой данных диагностического среза мы вычислили коэффициент успешности выполнения всех заданий в ЭГ и КГ по формуле В.П. Беспалько. Полученные данные: $K_u(\text{ЭГ } 1) = 11/12 = 0,917$; $K_u(\text{КГ } 2) = 5/12 = 0,45$.

Результаты вычисления свидетельствуют о высоком уровне развития иноязычных умений диалогической речи у испытуемых в ЭГ и о среднем уровне развития иноязычных умений диалогической речи у испытуемых в КГ.

Сравнительный анализ полученных данных до и после обучения показывает интенсивную положительную динамику изменения качественных и количественных показателей уровня развития иноязычной коммуникативной компетентности в ЭГ, обучавшейся по технологии иноязычного коммуникативного тренинга регионального содержания (см. рис.).

Уровни развития иноязычных умений диалогической речи у испытуемых в ЭГ и КГ до и после экспериментального обучения

The level of development of the foreign language communicative competence in the EG and CG before experimental learning (BE) and after experimental learning (AE)

Обработка полученных данных позволила сделать вывод об интенсивной положительной динамике изменений качественных и количественных показателей уровня развития иноязычных умений диалогической речи в ЭГ по результатам проведенного экспериментального обучения.

При отсутствии обучающихся с высоким уровнем развития иноязычных умений диалогической речи на доэкспериментальном этапе, результаты итогового среза показывают увеличение данного показателя на 25 %.

На 75 % увеличилось количество студентов со средним уровнем развития искомых умений. Полностью сократилось количество обучающихся с минимальным уровнем развития искомых умений и обучающихся, у которых эти умения не развиты.

Обучающиеся КГ не показали столь значительных результатов как обучающиеся ЭГ. Количество обучающихся, у которых искомые умения были не развиты, сократилось на 34 %. Количество обучающихся с минимальным уровнем развития искомых умений увеличилось на 34 %, однако количество обучающихся со средним и высоким уровнем развития искомых умений осталось на нулевой отметке.

Таким образом, предлагаемая образовательная технология иноязычного коммуникативного тренинга регионального содержания в профессиональной сфере была апробирована в ходе экспериментального обучения на базе Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова.

Сравнительный анализ результатов диагностических и итоговых срезов на основе математической обработки статистических данных подтверждает эффективность представленной технологии. Это означает, что ее применение положительно стимулирует развитие иноязычной коммуникативной компетенции как неотъемлемой части универсальных компетенций студентов российских технических вузов, обучающихся на магистерских программах по направлению подготовки «Прикладная информатика», профилю «Эргодизайн пользовательского интерфейса».

Заключение

Регионы все чаще становятся непосредственными субъектами международных отношений, в том числе, когда это касается участия студентов в процессах академической мобильности.

Владение студентами информацией о культурных особенностях функционирования сферы «Взаимодействие человека с компьютером» (Human-Computer Interaction) и «Дизайн взаимодействия с пользователем» (User Experience Design) в России и США на макро-, мезо- и микроуровнях с последующим развитием необходимых диалогических умений в рамках иноязычной коммуникативной компетенции совершенствует их способность быть эффективным участником и медиатором диалога культур и извлекать больше профессионального опыта из программ академического обмена по направлению подготовки «Прикладная информатика», профилю «Эргодизайн пользовательского интерфейса».

Иноязычный коммуникативный тренинг регионального содержания, направленный на развитие умений иноязычной диалогической речи, разработан специально для последующей интеграции в образовательный процесс магистратуры, т. к. образовательный контекст современных технических вузов должен быть наполнен дополнительными материалами, содержащими региональный компонент университетов-партнеров. Это поможет обеим сторонам выявить потенциальные точки профессионального роста и взаимодействия, а также способствовать развитию образовательного сообщества на инновационном уровне.

На наш взгляд, данный тренинг способен помочь будущим специалистам в решении ряда глобальных профессиональных задач, таких как обмен, анализ и сопоставление профессиональных знаний регионального содержания о функционировании сфер «Взаимодействие человека с компьютером» (Human-Computer Interaction) и «Дизайн взаимодействия с пользователем» (User Experience Design) в России и США; достижение взаимопонимания и выработка двусторонних перспективных решений по улучшению функционирования данных сфер; планирование и осуществление совместных инновационных проектов специалистами-представителями конкретных регионов России и США.

Иноязычный коммуникативный тренинг на основе регионального содержания позволит будущим специалистам быть востребованными в соответствии с потребностями и основными направлениями стратегического развития конкретного региона России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Bedenlier S., Kondakçı Y., Zawacki-Richter O.** Two decades of research into the internationalization of higher education: Major themes in the J. of Studies in International Education (1997-2016) // J. of Studies in International Education. 2018. Vol. 22. Issue 2. Pp. 108–135. DOI: 10.1177/1028315317710093
2. **Rubene Z.** The Portret of a Contemporary Child and Youngster in the Global Education Space // Internat. J. of Smart Education and Urban Society. 2018. Vol. 9. Pp. 17–26. DOI: 10.4018/IJSEUS.2018070102
3. **Леонова Е.В.** Формирование общекультурных компетенций у студентов технического вуза // Высшее образование в России. 2010. № 2. С. 124–131.
4. **Фомина Н.Н.** Гуманитарное образование в техническом вузе: содержание, технология, компетенции // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2007. № 36. С. 153–160.

5. **Khalyapina L., Almazova N., Popova N.** Models of interdisciplinary coordination in higher education area of Russia // Proc. of the 10th Internat. Conf. of Education, Research and Innovation. Seville, Spain: ICERI. 2017. Pp. 780–785. DOI: 10.21125/iceri.2017.0287
6. **Рубцова А.В., Алмазова Н.И.** Стратегия развития профессионально ориентированного иноязычного образования в высшей школе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 2. С. 107–114. DOI: 10.18721/JHSS.8212
7. **Valeeva R.A., Baykova O.V., Kusainov A.K.** Foreign language professional communicative competence as a component of the academic science teacher's professional competence // Internat. J. of Environmental & Science Education. 2016. Vol. 11. Issue 3. Pp. 173–183. DOI: 10.12973/ije-se.2016.301a
8. **Filippova O.** Online learning in a professionally oriented communicative training of students: ehe Opportunities and Barriers // Scientific Research and Development. Modern Communication Studies. 2019. Vol. 8. No. 6. Pp. 57–61. DOI: 10.12737/2587-9103-2019-57-61
9. **Ситосанова О.В., Грин Н.В.** Коммуникативное обучение иностранным языкам // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2019. Т. 1. № 1. С. 293–294. DOI: 10.36629/2686-9896/2019-1-1-293-294
10. **Fandiño F.G., Muñoz L.D., Velandia A.J.** Motivation and E-Learning English as a foreign language: A qualitative study // Heliyon. 2019. Vol. 5. No. 9. Pp. 1–7. DOI: 10.1016/j.heliyon.2019.e02394
11. **Шитикова И.Б., Плешкова А.В.** Обращение к региональным этнокультурным традициям как важнейшему компоненту народного искусства (в процессе профессиональной подготовки дизайнеров) // Актуальные проблемы развития науки и современного образования: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 548–550 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30129125>
12. **Ермакова Ю.И.** Средства формирования профессиональной коммуникативной компетенции с интегрированным региональным компонентом // European Social Science Journal. 2017. № 8. С. 300–306 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30684596>
13. **Oberemko O., Glumova E., Shimichev A.** Developing foreign language regional competence of future foreign language teachers: Modeling of the process // Going Global through Social Sciences and Humanities: A Systems and ICT Perspective. GGSSH 2019. Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. Vol. 907. Pp. 195–2009. DOI: 10.1007/978-3-030-11473-2_22
14. **Frich J., Biskjaer M.M., Dalsgaard P.** Twenty years of creativity research in Human-Computer Interaction: Current state and future directions // Proc. of the 2018 Designing Interactive Systems Conf. 2018. Pp. 1235–1257. DOI: 10.1145/3196709.3196732
15. **Sundar S.S., Bellur S., Oh J., Jia H., Kim H.** Theoretical importance of contingency in Human-Computer Interaction // Communication Research. 2016. Vol. 43. Issue 5. Pp. 595–625. DOI: 10.1177/0093650214534962
16. **Karr A.** UX research vs. UX design // Interactions. 2015. Vol.22, Issue 6. P.7. DOI: 10.1145/2834964
17. **Jones A., Thoma V.** Determinants for successful agile collaboration between UX designers and software developers in a complex organization // Internat. J. of Human-Computer Interaction. 2019. Vol. 35. Pp. 1914–1935. DOI: 10.1080/10447318.2019.1587856
18. **Бим И.Л.** Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам // Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. М.: «ИНЭК», 2007. С. 156–163.
19. **Андреева Г.М.** Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 5–15 // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9132866>
20. **Кларин М.В.** Инновационные модели обучения: исследование мирового опыта: Монография. М.: Луч, 2018. 640 с.
21. **Yonemoto S.** GA-based action learning // 7th Internat. Joint Conf. on Computational Intelligence (IJCCI), Lisbon. 2015. Pp. 293–298. DOI: 10.5220/0005613902930298
22. **Warwick R., Palmer A., McCray J.** Action learning: ripples within and beyond the set // Leadership in health services. 2017. Vol. 30, Issue 2. Pp. 138–147. DOI: 10.1108/LHS-10-2016-0049
23. **Ata R., Çevik M.** Exploring relationships between Kolb's learning styles and mobile learning readiness of pre-service teachers: A mixed study // Education and Information Technologies. 2018. Vol. 24. Pp. 1351–1377. DOI: 10.1007/s10639-018-9835-y
24. **Noran O.** On gamification in action learning // Proc. of the Australasian Computer Science Week Multiconference (ACSW). 2016. No. 15. Pp. 1–9. DOI: 10.1145/2843043.2843344
25. **Жуков Ю.М.** Коммуникативный тренинг. М.: Гардарика, 2004. 223 с.

Статья поступила в редакцию 01.05.2020.

REFERENCES

- [1] **S. Bedenlier, Y. Kondakçi, O. Zawacki-Richter**, Two Decades of Research Into the Internationalization of Higher Education: Major Themes in the Journal of Studies in International Education (1997-2016), *Journal of Studies in International Education*. 2 (22) (2018) 108–135. DOI: 10.1177/1028315317710093
- [2] **Z. Rubene**, The Portret of a Contemporary Child and Youngster in the Global Education Space, *International Journal of Smart Education and Urban Society*. 9 (2018) 17-26. DOI:10.4018/IJ-SEUS.2018070102
- [3] **E.V. Leonova**, Formation of general cultural competencies among students of a technical university, *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2 (2010) 124–131. [In Rus]
- [4] **N.N. Fomina**, Humanitarian education in a technical university: content, technology, competencies, *Nauchno-tehnicheskij vestnik informacionnyh tekhnologij, mekhaniki i optiki*. 36 (2007) 153–160. [In Rus]
- [5] **L. Khalyapina, N. Almazova, N. Popova**, Models of interdisciplinary coordination in higher education area of Russia. ICERI 2017 Proceedings: 10th International Conference of Education, Research and Innovation. (2017) 780–785. Seville, Spain: ICERI DOI: 10.21125/iceri.2017.0287
- [6] **A.V. Rubtsova, N.I. Almazova**, Strategy for developing professionally oriented foreign languages education in tertiary education, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 8 (2) (2017) 107–114. DOI: 10.18721/JHSS.8212
- [7] **R.A. Valeeva, O.V. Baykov, A.K. Kusainov**, Foreign Language Professional Communicative Competence as a Component of the Academic Science Teacher's Professional Competence, *International Journal of Environmental & Science Education*. 11 (3) (2016) 173–183. DOI: 10.12973/ije-se.2016.301a
- [8] **O. Filippova**, Online Learning in a Professionally Oriented Communicative Training of Students: the Opportunities and Barriers, *Scientific research and development. Modern communication studies*. 8 (6) (2019) 57–61. DOI: 10.12737/2587-9103-2019-57-61
- [9] **O.V. Sitosanova, N.V. Grin**, Communicative teaching of foreign languages *Covremennye tekhnologii i nauchno-tehnicheskij progress*. 1 (1) (2019) 293–294. [In Rus] DOI: 10.36629/2686-9896/2019-1-1-293-294
- [10] **F.G. Fandiño, L.D. Muñoz, A.J. Velandia**, Motivation and E-Learning English as a foreign language: A qualitative study, *Heliyon* 5 (9) (2019) V 1–7. DOI: 10.1016/j.heliyon.2019.e02394
- [11] **I.B. Shitikova, A.V. Pleshkova**, Appeal to regional ethnocultural traditions as the most important component of folk art (in the process of training designers), *Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy razvitiya nauki i sovremennogo obrazovaniya»* 10 April 2017. (2017) 548–550. [In Rus]
- [12] **Y.I. Ermakova**, Means of forming professional communicative competence with an integrated regional component, *European Social Science Journal*. 8 (2017) 300–306. [In Rus]
- [13] **O. Oberemko, E. Glumova, A. Shimichev**, Developing Foreign Language Regional Competence of Future Foreign Language Teachers: Modeling of the Process. *Going Global through Social Sciences and Humanities: A Systems and ICT Perspective. GGSSH 2019, Advances in Intelligent Systems and Computing*. 907 (2019) 195-2009. DOI: 10.1007/978-3-030-11473-2_22
- [14] **J. Frich, M.M. Biskjaer, P. Dalsgaard**, Twenty Years of Creativity Research in Human-Computer Interaction: Current State and Future Directions, *Proceedings of the 2018 Designing Interactive Systems Conference*. (2018) 1235–1257. DOI: 10.1145/3196709.3196732
- [15] **S.S. Sundar, S. Bellur, J Oh, H. Jia, H. Kim**, Theoretical Importance of Contingency in Human-Computer Interaction, *Communication Research*. 4(5) (2016) 595–625. DOI: 10.1177/0093650214534962
- [16] **A. Karr**, UX research vs. UX design, *Interactions*. 22 (6) (2015). 7. DOI: 10.1145/2834964
- [17] **A. Jones, V. Thoma**, Determinants for Successful Agile Collaboration between UX Designers and Software Developers in a Complex Organisation, *International Journal of Human-Computer Interaction*. 35 (2019) 1914 –1935. DOI: 10.1080/10447318.2019.1587856
- [18] **I.L. Bim**, Competency-based approach to education and teaching foreign languages, *Kompetencii v obrazovanii: opyt proektirovaniya: sb. nauch. tr. M.: INEK. 2007. 156–163. [In Rus]*

[19] **G.M. Andreeva**, Social psychology and social changes, psychological journal. 5(26) 5–15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9132866> [In Rus]

[20] **M.V. Klarin**, Innovative Learning Models: A Study of World Experience. Monograph. Luch, Moscow, 2018 [In Rus]

[21] **S. Yonemoto**, GA-based action learning, 7th International Joint Conference on Computational Intelligence (IJCCI), Lisbon. (2015) 293–298. DOI: 10.5220/0005613902930298

[22] **R. Warwick, A. Palmer, J. McCray**, Action learning: ripples within and beyond the set, Leadership in health services. 30 (2) (2017) 138–147. DOI: 10.1108/LHS-10-2016-0049

[23] **R. Ata R, & M. Çevik**, Exploring relationships between Kolb’s learning styles and mobile learning readiness of pre-service teachers: A mixed study, Education and Information Technologies. 24 (2018) 1351–1377. DOI: 10.1007/s10639-018-9835-y

[24] **O. Noran**, On gamification in action learning, Proceedings of the Australasian Computer Science Week Multiconference (ACSW). 15 (2016) 1–9. DOI: 10.1145/2843043.2843344

25. **Y.M. Zhukov**, Communicative training, Gardariki, Moscow, 2004. [In Rus]

Received 01.05.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Татаурова Екатерина Михайловна

Tataurova Ekaterina M.

E-mail: kate_tataurova@yahoo.com

Глумова Елена Петровна

Glumova Elena P.

E-mail: el.glumova2010@yandex.ru

Хэнсон Вероника

Hanson Veronika

E-mail: veronann1209@gmail.com

DOI: 10.18721/JHSS.11210
УДК 8'33

СЕТЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО И НАУЧНЫЙ СТИЛЬ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ

Л.Н. Беляева, О.Н. Камшилова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Необходимым требованием и следствием научного общения, продвигающим научный результат в глобальном академическом пространстве, сегодня становится профессиональный билингвизм. Терминология как главный транслятор нового знания, вводящий в научный обиход новые разработки и идеи, заимствуется активно публикующимися в международных изданиях авторами, минуя стадию унификации и стандартизации, в результате чего научные тексты на национальных языках, предназначенные для национальных научных журналов и материалов конференций, демонстрируют конкуренцию национальной и заимствованной терминологий, при этом использование терминологических неологизмов часто свидетельствует о плохом знании терминологии, принятой в отечественной традиции. В результате стремительно ухудшается качество национального научного текста как в информативном, так и в стилистическом плане. Обсуждение способов и особенностей введения новой терминологии представляется насущным и своевременным. В задачи данного исследования входит предложение процедуры обнаружения новой англоязычной терминологии и описание ее представления в современных русских научных текстах на примере области интернет- и лингвистических технологий.

Ключевые слова: научный (академический) стиль, академическая грамотность, заимствование терминологии, терминологические неологизмы, корпус текстов.

Ссылка при цитировании: Беляева Л.Н., Камшилова О.Н. Сетевое пространство и научный стиль: терминологические неологизмы // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 108–116. DOI: 10.18721/JHSS.11210

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

NETWORK SPACE AND ACADEMIC STYLE: TERMINOLOGICAL NEOLOGISMS

L.N. Beliaeva, O.N. Kamshilova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
 St. Petersburg, Russian Federation

A demanded requirement and consequence of academic communication today, promoting scientific results in the global academic space, is professional bilingualism. Terminology as the main translator of new knowledge, introducing new developments and ideas into scientific use, is borrowed by active internationally published authors, bypassing the stage of unification and standardization, as a result of which scientific texts in national languages intended for national scientific journals and conference proceedings demonstrate competition between national and borrowed terminologies, while the use of terminological neologisms often indicates poor knowledge of the terminology adopted in domestic tradition. As a result, the quality of national scientific texts is rapidly deteriorating both informatively and stylistically. Discussing the ways and means of introducing new terminology seems both urgent and timely. The objectives of this study are to propose a procedure for extracting new English terminology and to describe its presentation in modern Russian scientific texts. The research bases on original text corpora compiled for a definite subject domain, namely, Internet and linguistic technologies.

Keywords: scientific publication, wordnet, terminology, loanword, neologism, corpus.

Citation: L.N. Beliaeva, O.N. Kamshilova, Network space and academic style: terminological neologisms, Society. Communication. Education, 11 (2) (2020) 108–116. DOI: 10.18721/JHSS.11210

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Главной особенностью современной научной коммуникации можно без преувеличения назвать скорость научного обмена, обеспеченную активным использованием сетевых источников информации, в том числе реферативных и цитирующих баз данных (Scopus, Web of Science и др.) или поисковых систем типа Google Scholar. Продвижение научного результата в глобальном академическом пространстве напрямую связано с тем, насколько хорошо «веб-академики» владеют английским языком. Профессиональный билингвизм становится одновременно необходимым следствием и требованием научного общения. Публикации на английском языке (“publish or perish”), цитирование работ, проиндексированных в международных базах данных, приводят к необходимости некоторым образом унифицировать терминологию как главный транслятор нового знания «здесь и сейчас», до завершения крупных проектов типа TTC project¹, что с неизбежностью ведет к масштабному заимствованию, часто некорректному, и появлению терминологических неологизмов [1–3]. В отличие от публикаций в международных англоязычных научных журналах и материалах конференций, научные тексты на национальных языках, предназначенные для национальных научных журналов и материалов конференций, демонстрируют конкуренцию национальной и заимствованной терминологий, результат этой конкуренции редко оказывается в пользу первой [4–6]. Публикуемые на национальном уровне материалы различной достоверности также широко представлены в Интернете, что усиливает расхождение в использовании и толковании заимствованной терминологии.

Поскольку текст вне зависимости от того, на каком языке, естественном или искусственном, он создан, и кто является адресатом этого текста – человек или система [7, 8], остается (и останется) основным средством извлечения информации и знаний, потребности современного информационного общества («Информация 4.0») касаются каждого аспекта того, как текст создается, структурируется и используется, каким образом осуществляется обмен текстами или их структурными частями между различными технологическими и гуманитарными системами.

В современной научной коммуникации отражается процесс интернационализации научной среды и образования в целом, однако недостаточная сформированность академической грамотности на родном языке является тем камнем преткновения, с которым сталкиваются при обучении профессиональной коммуникации на английском языке². Наши наблюдения показывают, что даже базовое филологическое образование начинающих российских исследователей не гарантирует владения текстовыми компетенциями в области академического письма [8], поскольку в российских вузах не ведется целенаправленное обучение представлению информации о своих исследовательских проектах в разных текстовых формах на родном (русском) языке. Отсутствие такого обучения приводит к отрыву от русского академического стиля и русской академической традиции в целом. В отношении задачи настоящего исследования это выражается в употреблении и популяризации заимствованных терминов, что часто связано не столько с новыми знаниями и технологиями, сколько с тем, что современному поколению исследователей не слишком хорошо известна уже существующая, принятая русской академической традицией терминология. Однако, совершенно ясно, что соблюдение норм представления нового знания (ср. [9]) предполагает и корректное использование актуальной для отдельной области знания терминологии.

¹ TTC Project: Terminology Extraction, Translation Tools and Comparable Corpora // URL: <http://www.ttc-project.eu/about-ttc/concept-and-objectives>

² Ср., Смит Е. Организация работы центров академического письма / Writing centers in multilingual settings: a workbook: учеб. пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2017. 116 с.

Частично это можно объяснить тем, что в новых условиях индивидуального обмена научной информацией перевод английского термина (или текста в целом) стал излишней и утраченной практикой.

На фоне профессионального билингвизма, независимо от объема использования информационных технологий, исключение перевода иноязычного текста и выбора эквивалентов для новых терминов из современного технологического процесса как самой исследовательской работы, так и процесса отражения ее результатов в виде научного текста на русском языке (статьи, монографии, отчеты и т. д.) стало обычным явлением, хотя именно профессиональный перевод иностранных текстов не только наиболее адекватно вводил новые термины, но и устанавливал паритет между принятой терминологией и новыми заимствованиями [10, 11]. Таковы были известные выпуски сборника «Новое в зарубежной лингвистике» с профессионально переведенными лингвистическими текстами и предметными указателями, которые фиксировали новую терминологию. Если учесть, что при переводе научного или технического текста на выбор переводного эквивалента конкретного термина затрачивается до 75 % времени, необходимого для перевода текста в целом [12], то трудоемкий процесс формирования и описания переводных эквивалентов оказывается исключен из процесса академического письма, что и приводит к созданию текстов на безумной смеси языков, научном воляпюке. Вряд ли примеры приведенных ниже текстов (1) и (2) можно рассматривать как корректный научный текст на русском языке:

(1) *Представленное исследование направлено на выявление вербальной и паравербальной специфики формирования и функционирования в мировой электронной медийной среде социально-сетевого дискурса (ССД), определяемого нами как дистантный опосредованный, многовекторно-разнонаправленный, одновременно-разновременный в реальном времени (on-line) и отложенный (off-line), многотематический электронный макрополилог, который отражает межличностные, межэтнические, межконфессиональные, социально-экономические, геополитические и т. д. типы отношений, что находит непосредственное выражение в специфике вербальных и паравербальных коррелятов письменных и устных дискурсивных высказываний.*

(2) *Это справедливо, например, для энвайронментализма который, в свою очередь, был тесно связан с другими арт-практиками, в частности, ленд-артом, экологическим искусством, арте повера, био-артом, art&science.*

Необходимость чтения и понимания массы научных текстов на глобальном английском языке приводит к активному использованию заимствованной лексики не только в текстах на русском языке. Так, например, в материалах конференций *tekom-Jahrestagungund Tcworld conference* в текст на немецком языке непосредственно включаются термины на языке английском:

(3) *Das reicht von der reinen MT über die Kombination von MT mit Post-Editing bis hin zur Beibehaltung der klassischen "Humanübersetzung".*

(4) *Am Standort Rorschacherberg (Schweiz) setzen die hauseigenen Technischen Redakteure für die Dokumentenerstellung ein Content-Management-System ein – anschließend werden die fertigen Dokumente an den Übersetzungs–dienstleister geschickt, der die Daten in einem-Translation Memory-System weiter verarbeitet.*

Подобный подход в рамках русского текста представляется невозможным из-за различия алфавитов, что никак не смущает авторов, пишущих по-русски (см. пример (2)).

Использование и заимствование английской терминологии в академическом веб-сообществе является естественным процессом, распространение терминологических заимствований в опубликованных русских текстах неконтролируемо, а выбор автора для представления нового заимствованного термина является абсолютно произвольным. Таким образом, обсуждение способов и особенностей введения новой терминологии представляется насущным и своевременным. В задачи данного исследования входит предложение процедуры обнаружения новой англоязычной терминологии и описание ее представления в современных русских научных текстах на примере отдельной предметной области, а именно области интернет- и лингвистических технологий.

Методология

Современные методы определения беспереводной лексики можно разделить на две группы [13].

Первая группа методов применяется к определенному набору новых данных, используя такие языковые ресурсы, как частотные словари (списки) слов и лингвистические модели. Для обнаружения беспереводной лексики частотные списки слов обычно создаются на основе существующих лексикографических традиционных (бумажных) и веб-ресурсов, словарей или текстовых корпусов, а затем редактируются с помощью специальных фильтров, удаляющих наборы символов, не являющихся словами естественного языка (даты, URL, формулы), опечатки и ошибки (например, *awaranness, abyssin, adjudicated*), именованные сущности (личные имена, названия организаций, геолокации, временные интервалы). Для оптимизации обнаружения новых слов процедура может применять лингвистические модели, такие как маркеры лексической новизны: знаки препинания (различные кавычки, диакритические знаки и индексы), курсив и / или полужирный шрифт и т. д., которые могут указывать на то, что конкретное слово является новым (неологизмом) или используется в новом значении (ср. [14]).

Другая группа методов, обычно применяемая к нескольким наборам данных, ориентирована на статистическую оценку или машинное обучение, которые необходимы для расчета и оценки роста использования слова или изменения его значения, возникшего в разные периоды времени или в разных регистрах. В рамках этого подхода можно использовать национальные текстовые корпуса или специально созданные корпуса, такие как, например, Chambers Harrap International Corpus (CHIC) – постоянно пополняемый, сбалансированный ресурс, специально созданный для извлечения новых слов и включающий в себя более 500 млн слов из глобальных текстов на английском языке [14], или также специально созданный корпус справочных текстов в [15]. Естественно, веб-источники в целом можно использовать как корпус с применением различных компьютерных программ сканирования и поиска, так называемых *crawlers*. Одним из таких средств является расширяемая программа Heritrix с открытыми исходными текстами, выполняющая сканирование и поиск в веб-архивах [14].

Настоящее исследование основано на двух оригинальных текстовых корпусах, включающих недавно опубликованные тексты по указанной предметной области. Первый корпус включает репрезентативные материалы конференций, опубликованные на английском языке: 1) *tekom-Jahrestagung und tcworld* (2013 и 2014); 2) 19th Conference on Computational Language Learning (2015); 3) Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 7th International Joint Conference on Natural Language Processing (2015); 4) EURALEX International Congress (2018); 5) Workshop on Natural Legal Language Processing (NAACL HLT, 2015, 2019). Корпус включает 372 статьи, написанные на глобальном английском языке исследователями из Европы, Северной и Южной Америки, Юго-Восточной Азии, Австралии и Новой Зеландии. Объем корпуса – 3 468 000 токенов, объем словаря – 71 000 словоформ.

Рассмотрение ситуации с введением заимствований в русский научный текст основано на создании корпуса статей, представленных и, что важно, принятых в материалы международных конференций университета ИТМО «Интернет и современное общество», IMS-2017, 2018. В исследовательском корпусе объемом 226 301 токена (34 833 разных слов) представлены статьи, относящиеся к следующим разделам: компьютерная лингвистика, проблемы прикладной лингвистики, электронное обучение и дистанционные образовательные технологии, информационные системы для науки и образования, киберпсихология, взаимодействие государства и общества в цифровую эпоху, коммуникативная культура в цифровую эпоху, культура и технологии, информационные технологии и системы.

Прежде чем тексты были добавлены в корпус, они прошли необходимые процедуры нормализации: формулы и метайнформация (об авторах) были удалены вручную. Внутритекстовые ссыл-

ки на цитируемый текст были сохранены. Автоматические частотные словари были получены с помощью корпусного менеджера AntConc.

Для обеспечения сопоставимости английских и русских корпусов английский корпус был сокращен до выборки объемом 275 056 токенов (13 699 словоформ).

Следующим шагом в определении кандидатов в новые термины был перевод каждого элемента автоматически созданных и отредактированных списков слов (английский и русский) с помощью системы машинного перевода WORD⁺. Переведенные слова были удалены из списков слов; слова, которые не получили перевода, были проверены в лексической системе АBBY LINGVO и, следовательно, удалены в том случае, если их перевод уже был зафиксирован там. Слова, оставшиеся без перевода после этой проверки, рассматривались как новая лексика, возможно, как кандидаты в новые термины.

Результаты исследования

Полученные списки новой беспереводной лексики позволяют фиксировать неологизмы в рассматриваемой предметной области, описывать продуктивную технику словообразования, анализировать попытки адаптировать заимствования к русскому тексту, их можно использовать и в качестве исходной информации для словарей перевода.

Предварительное наблюдение за извлеченными неологизмами и их морфологической структурой отмечает сходство продуктивных словообразовательных техник в обоих языках:

- использование латинских и греческих композитов (*hypernymhyponym, mereological, cinerphotomacrography, гиперпараметр, дискурсология, интерактив, квазикультурный*, etc.);
- использование аффиксов (*-ness, -hood, -icity*, etc.; *-ство, -сть, -стика* etc.) для именования новых свойств, характеристик и сущностей (*aboutness, termhood, formulaicity, гуманитаристика, дистантность, коммуникационность*);
- использование сложных дефисных конструкций (*-based, -driven, -formed*, etc.; *-коммуникативный, -поисковый, -ориентированный*, etc.);
- использование аббревиатур (*AAsum – a very complex MDS method which fully exploits the advantages of clustering and the flexibility of matrix factorization; ACT-PTQ – Adding the adjectives (modifiers) and settings to the subject, verb and object, which we will called parse tree quintet (ACT-PTQ); ММО – многопользовательские онлайн игры; НБИК – Ипотечное бюро независимого кредитования*).

Основными вариантами введения заимствований в русский текст являются калькирование, транслитерация и транскрибирование. В исследуемом массиве основным способом является транслитерация.

Английские лексические единицы с прозрачной морфологической структурой хорошо мотивированы не только для носителей английского языка, они достаточно легко понятны носителям других языков при условии знания их составляющих, поэтому и возникает целый пласт заимствований в виде транслитерированных или транскрибированных лексических единиц, мотивированность которых в русском языке может отсутствовать. В том случае, когда морфологические составляющие либо прозрачны, либо соотносимы с имеющимися в русском языке, то заимствование является мотивированным и может быть оправданным, хотя позволяет параллельное введение переводного соответствия, т. е. калькирования, см., например:

(5) “Наука о данных” или “**даталогия**” (“*Datalogy*”), начиная с 70-х годов прошлого века, рассматривается как академическая дисциплина, а с начала 2010-х годов, во многом благодаря популяризации концепции “больших данных”, – и как практическая межотраслевая сфера деятельности.

В то же время, транслитерированные заимствования сложных слов не всегда позволяют «вычислить» значение неологизма, например в (6):

(6) Данный **датасет** уже был получен готовый с сайта британского проекта Mendeleev, направленного на хранение и распространение научных трудов и баз данных по всему миру.

Термины с компонентом *сет* активно заимствуются, однако, его соотнесение со словом *сеть* в русском языке может привести к непониманию значения композита, см., например, *сетература*, *сетикет*, *сетинг* с одной стороны и *синсет* с другой.

В некоторых случаях даже прозрачная структура исходного английского слова не определяет возможности понимания его транскрибированного варианта, заимствование используется в таких случаях для того, чтобы избежать толкования слова, см., например:

(7) *В то же время, пользователи часто указывают, что их сообщение имеет личный, а не официальный характер, это так называемый «дисклеймер» — письменный отказ от ответственности за возможные последствия в результате действий человека (или организации), заявившего данный отказ.*

Слово *disclaimer* при всей ясности его морфологической структуры является многозначным, так, например, в универсальном словаре *lingvouniversal* системы *ABBY LINGVO* ему соответствуют:

- 1) отказ, отклонение, отречение;
- 2) письменный отказ от ответственности:

The company asserts in a disclaimer that it won't be held responsible for the accuracy of information. — В разъяснительном замечании компания предупреждает, что она отказывается нести ответственность за точность информации. Syn: denial, disavowal, rejection, renunciation;

3) оговорка о случайном характере совпадений (имён персонажей в книге или фильме с именами реально существующих людей);

- 4) отказ (от права на что-л.), отречение.

Предлагаемое в (7) заимствование использует только одно из его значений.

Сложная ситуация возникает в том случае, когда заимствуемое слово принадлежит другой части речи, например, английское *dispositive* является прилагательным, а заимствованное слово — транслитерация английского — представляет собой существительное:

(8) *Аффективный диспозитив. Идеология в средствах массовой информации и социальных медиа <...> Аффективный идеологический диспозитив не восприимчив к идущим от Просвещения моделям борьбы с идеологией через рациональное (научное) объяснение фактов. <...> В аффективном диспозитиве популистской идеологии герой-одиночка борется с силами, намного превосходящими его, к тому же эти силы никогда не играют честно.*

Понимание этого заимствования при полном отсутствии толкования затруднено. Аналогично используется заимствованное существительное *интерактив* при исходном прилагательном *interactive*:

(9) *Однако при использовании новых технологий необходимо помнить, что, несмотря на все новации, интерактив в цифровом формате не отменяет правила хорошего тона, тем более, что, как уже отмечалось, тема самопрезентации в сети на персональном и корпоративном уровнях — одна из наиболее актуальных тем современной деловой коммуникации.*

Список примеров может быть продолжен, но они подтверждают тот факт, что перегрузка русского текста заимствованными словами, смысл которых не всегда полностью понятен автору, делает сам текст на русском языке неточным и расплывчатым.

Спасти ситуацию могло бы введение терминологического аппарата, который в принципе позволяет максимально устранить возможные противоречия и ввести те рабочие определения, которыми автор может пользоваться в своей работе. Однако толкования безусловно новых слов (даже с точки зрения авторов статьи) вводятся в текст редко, являются, скорее, исключением, см., например (10) (орфография авторская):

(10) *Д. Берман и Д. Уэицнер ещё в 1997 году писали о детецентрилизованной структуре Интернета, которая предоставляет выбор из многочисленных вебсайт-хостингов (платформ, поддерживающих непрерывную работу сайта), что тем самым исключает необходимости получения «разрешения со стороны власти» [2, р. 1314].*

В то же время в некоторых случаях можно встретить в рамках одного предложения введение новых терминов, не сопровождаемое пояснениями или толкованиями, и введение толкований терминов с использованием неологизмов, которые сами не имеют определений, как в случае (11), где словосочетание *дигитальный перформанс* вряд ли можно рассматривать как определение неологизма *медиаперформанс*:

(11) *При этом культурные трансформации, новые требования к искусству, новая эстетика, социально-культурные потребности стали основаниями появления множества видов искусств. Это «электронное искусство», «цифровое искусство», видео-арт (в том числе, виджеинг, саунд-арт, медиаинсталляция и медиаскульптура), медиаперформанс (дигитальный перформанс), медиаландшафт (или медиасреда), сетевое искусство (интернет-арт или нет-арт, иногда также веб-арт) и др.*

В этом же примере можно видеть вариант описания синонимии новых терминов: *медиа-ландшафт (или медиасреда), интернет-арт или нет-арт, иногда также веб-арт*.

Заключение

Проведенное исследование доказало, что русский академический стиль и качество научных текстов на русском языке, как и в случае других языков и научных культур, переживает сильное влияние современного формата научного обмена, выражающееся, в частности, в увлечении заимствованной терминологией, что оказывает негативное влияние на точность и адекватность передаваемой информации, отражает низкий уровень академической грамотности авторов публикуемых текстов и, в некотором смысле, указывает на утрату национальной академической традиции.

Появление и распространение новой терминологии объективно отстает от процесса ее унификации и стандартизации. В этих условиях обращение к исследованию способов и особенностей введения новой терминологии представляется насущным и своевременным. Разработанная в ходе исследования процедура извлечения новой англоязычной терминологии в текстах на глобальном английском и русском языках, опирающаяся на корпусный анализ, позволила установить, что способы образования новых терминов (терминологических неологизмов) в сопоставляемых корпусах схожи. Наиболее продуктивными из них являются аффиксация, аббревиация, использование греческих и латинских композитов и дефисных конструкций. При заимствовании терминологических неологизмов русские авторы используют калькирование, транслитерацию и транскрибирование, с предпочтением транслитерации как наиболее простого способа для профессиональных билингвов. Транслитерация (не всегда корректная) обманчиво снимает с автора ответственность за правильный выбор терминологического эквивалента, предполагающий профессиональную работу переводчика и терминоведа, и часто свидетельствует о незнании автором терминологии, принятой и действующей в отечественной традиции. Редкие авторы решаются вводить дефиницию термина или использовать рабочее описание, что помогло бы восприятию нового термина и нового опыта (текста в целом).

Заимствование в языке, в том числе в научном — объективный и прогрессивный процесс, поскольку несет с собой новое знание. Однако «терминологический беспорядок», порождаемый авторами, стремящимися быть в авангарде распространения нового знания и опыта, должен быть предупрежден до того, как новые термины получают квалифицированное стандартизованное описание. Предупреждающим инструментом в данном случае должны стать обучение русскому академическому стилю и традиции, с одной стороны, и ответственность рецензентов и редакторов научных изданий, принимающих материалы к публикации, с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Abel A., Stemle E.W.** On the detection of neologism candidates as a basis for language observation and lexicographic endeavors: the STyrLogism Project // Proc. of the XVIII EURALEX Internat. Congress: Lexicography in Global Contexts. Ljubljana, 2018. Pp. 535–545.
2. **Beliaeva L.** Applied lexicography and scientific text corpora // Transactions on Business and Engineering Intelligent Applications. Rzeszow, Poland: ITHEA, 2014. Pp. 55–63.
3. **Beliaeva L., Chernyavskaya V.** On methodology of knowledge presentation: Terms and translation in seismic discourse // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 9 (12). С. 2904–2912.
4. **Ertugrul M., Lei J., Qiu J., Wan Ch.** Annual report readability, tone ambiguity, and the cost of borrowing // J. of Financial and Quantitative Analysis. Apr. 2017. Vol. 52. No. 2. Pp. 811–836. DOI:10.1017/S0022109017000187
5. **Asnaghi C.** English loans in written Italian: A regional perspective // Language and Social Life. 2017. Vol. 6. Pp. 293–320.
6. **Patekar J.** Prihvatljivost prevedenica kao zamjena za anglizme // Fluminensia. 2019. Vol. 31. No. 2. Pp. 143–179.
7. **Beliaeva, L.N., Cherniavskaya V.E.** Technical writer in the framework of modern natural language processing tasks // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2019. Т. 12, № 1, С. 20–31.
8. **Beliaeva L., Kamshilova O.** Problems and perspectives of language worker professional training // Internat. J. of Open Information Technologies. 2018. Vol. 6. No. 3. Pp. 35–42.
9. **Чернявская В.Е.** Выдвижение нового знания в структуре публикации // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 5. С. 99–107.
10. **Haspelmath M.** Loanword typology: Steps toward a systematic cross-linguistic study of lexical borrowability // Aspects of language contact: New theoretical, methodological and empirical findings with special focus on Romancisation processes. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. Pp. 43–62.
11. **Tadmor U.** Loanwords in the world's languages: Findings and results // Loanwords in the world's languages. The Hague: De Gruyter Mouton, 2009. Pp. 55–75.
12. **Vasiljevs A., Pinnis M., Gornostay T.** Service model for semi-automatic generation of multilingual terminology resources // Terminology and Knowledge Engineering. 2014. Pp. 67–76.
13. **Cook P., Lau J.H., Rundell M., McCarthy D., Baldwin T.** A lexicographic appraisal of an automatic approach for detecting new word-senses // Proc. of the 2013 Conf. on Electronic Lexicography in the 21st Century: Thinking Outside the Paper. Tallinn, Estonia, 2013. Pp. 49–65.
14. **O'Donovan R., O'Neill M.** A Systematic approach to the selection of neologisms for inclusion in a large monolingual dictionary // Proc. of the 13th EURALEX Internat. Congress. Barcelona, Spain: Institut Universitari de Linguística Aplicada, Universitat Pompeu Fabra, 2008. Pp. 571–579.
15. **Kerremans D.** A Web of Words. A Corpus-Based Study of the Conventionalization Process of English Neologisms. Peter Lang GmbH, Frankfurt, 2015.

Статья поступила в редакцию 21.04.2020.

REFERENCES

- [1] **A. Abel, W. Stemle,** On the Detection of Neologism Candidates as a Basis for Language Observation and Lexicographic Endeavors: the STyrLogism Project. Proceedings of the XVIII EURALEX International Congress: Lexicography in Global Contexts. Ljubljana. (2018) Pp. 535–545.
- [2] **L. Beliaeva,** Applied Lexicography and Scientific Text Corpora In: Transactions on Business and Engineering Intelligent Applications. Rzeszow, Poland: ITHEA. (2014) Pp. 55–63.
- [3] **L. Beliaeva, V. Chernyavskaya,** On Methodology of Knowledge Presentation: Terms and translation in seismic discourse. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 9/12 (2016) 2904–2912.
- [4] **M. Ertugrul, J. Lei, J. Qiu, Ch. Wan,** Annual Report Readability, Tone Ambiguity, and the Cost of Borrowing. Journal of Financial and Quantitative Analysis. 52/2 (2017) 811–836. DOI:10.1017/S0022109017000187

- [5] **C. Asnaghi**, English Loans in Written Italian: A Regional Perspective. *Language and Social Life*. 6 (2017) 293–320
- [6] **J. Patekar**, Prihvatljivost prevedenica kao zamjena za anglizme. *Fluminensia*. 31/2 (2019) 143–179.
- [7] **L.N. Beliaeva, V.E. Cherniavskaya**, Technical writer in the framework of modern natural language processing tasks. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 12/1 (2019) 20–31.
- [8] **L. Beliaeva, O. Kamshilova**, Problems and Perspectives of Language Worker Professional Training. In: *International Journal of Open Information Technologies*. 6/3 (2018) 35–42.
- [9] **V.Ye. Chernyavskaya**, Vydvizheniye novogo znaniya v strukture publikatsii [Promotion of new knowledge in the structure of publication]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*. 5 (2017) 99–107.
- [10] **M. Haspelmath**, Loanword typology: Steps toward a systematic cross-linguistic study of lexical borrowability. In: *Aspects of language contact: New theoretical, methodological and empirical findings with special focus on Romancisation processes*, Berlin: Mouton de Gruyter. (2008). Pp. 43–62.
- [11] **U. Tadmor**, Loanwords in the world's languages: Findings and results, In *Loanwords in the world's languages*. The Hague: De Gruyter Mouton. (2009). Pp. 55–75.
- [12] **A. Vasiljevs, M. Pinnis, T. Gornostay**, Service model for semi-automatic generation of multilingual terminology resources. In: *Terminology and Knowledge Engineering*, 19–21 Jun 2014, pp. 67–76.
- [13] **P. Cook, J.H. Lau, M. Rundell, D. McCarthy, T. Baldwin**, A lexicographic appraisal of an automatic approach for detecting new word-senses. In: *Electronic lexicography in the 21st century: thinking outside the paper. Proceedings of the 2013 Conference on Electronic Lexicography in the 21st Century: Thinking Outside the Paper*. Tallinn, Estonia, 2013. Pp. 49–65.
- [14] **R. O'Donovan, M. O'Neill**, A Systematic Approach to the Selection of Neologisms for Inclusion in a Large Monolingual Dictionary. *Proceedings of the 13th EURALEX International Congress*. Barcelona, Spain: Institut Universitari de Linguística Aplicada, Universitat Pompeu Fabra, (2008). Pp. 571–579.
- [15] **D. Kerremans**, *A Web of Words. A Corpus-Based Study of the Conventionalization Process of English Neologisms.*: Peter Lang GmbH, Frankfurt (2015).

Received 21.04.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Беляева Лариса Николаевна
Beliaeva Larisa N.
E-mail: belyaeva@ Herzen.spb.ru

Камшилова Ольга Николаевна
Kamshilova Olga N.
E-mail: onkamshilova@gmail.com

DOI: 10.18721/JHSS.11211
УДК 81

СПЕЦИФИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ ДИСКУРСА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СТАТЬИ: ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ

И.П. Хутыз

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Российская Федерация

Научно-исследовательская статья – исчисляемый показатель работы учёного, оформляемый в соответствии с определёнными требованиями научного журнала. Однако эти требования в одной и той же лингвокультуре могут заметно измениться за относительно короткий период времени. Представлены результаты контрастивного анализа дискурса русскоязычных научно-исследовательских статей по лингвистике, опубликованных в 2010–2011 и 2019 гг. в научном журнале. Анализ проводится с помощью методов дискурсивного анализа, систематизации и классификации. Эмпирический материал рассмотрен по двум основным показателям, характеризующим ретиорику дискурса научного труда. Это – ориентация на форму / содержание и на читателя / автора. Обнаружены значимые изменения в структурировании научно-исследовательской статьи и, как следствие, в описании ряда её компонентов: цели исследования, методологии и т. д. Сделан вывод о том, что изменения требований к написанию и оформлению научно-исследовательской статьи свидетельствуют о преобразованиях академической среды, о новом статусе науки и учёного в обществе.

Ключевые слова: научно-исследовательская статья, ориентация на читателя / автора, ориентация на форму / содержание, контрастивный подход, академическая среда.

Ссылка при цитировании: Хутыз И.П. Специфика конструирования дискурса научно-исследовательской статьи: диахронный аспект // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 117–126. DOI: 10.18721/JHSS.11211

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

SPECIFICS OF RESEARCH ARTICLE CONSTRUCTION: A DIACHRONIC STUDY

I.P. Khoutyz

Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation

A research article is a result of scholar's work that can be measured and must be presented in compliance with publishing conventions of a scientific journal. However, it turns out that in the same culture these conventions can change in a short period of time. The article presents the results of a contrastive analysis of research articles published in a scientific journal. The research corpus is studied with reference to two dimensions – form and content orientation, reader and writer orientation. The analysis reveals significant differences in how a research article is constructed in two different periods of time in the same culture. The conclusion is made that the changing conventions of presenting a work of science reflect transformation of academic environment and social perceptions about the role of science and scholarly activities.

Keywords: research article, writing, genre, academic environment, academic writing, metadiscourse.

Citation: I.P. Khoutyz, Specifics of research article construction: a diachronic study, Society. Communication. Education, 11 (2) (2020) 117–126. DOI: 10.18721/JHSS.112011

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Академический дискурс как любой тип институционального дискурса воплощает в себе коммуникативные традиции, стремления представителей общества в определенный период его развития. Научно-исследовательская статья (НИС) как жанр академического дискурса — одна из форм измерения деятельности учёного, один из параметров отчётности. В целом, отмечается грандиозный рост публикационной активности: учёные мира публикуют ежегодно примерно 2,5 млн статей в рецензируемых журналах [1], а в глобальном масштабе продуктивность учёных удваивается каждые два года [2]. В этой связи лингвисты часто рассуждают о различиях в риторических публикационных традициях англоязычных зарубежных и русскоязычных отечественных журналов, публикуемых вузами.

Несмотря на то, что академический дискурс и его жанр дискурс НИС привлекают внимание отечественных лингвистов, вопрос о том, насколько изменились национальные традиции демонстрации научного результата с помощью НИС, пока не был затронут. Богатству информации, которую мы можем выявить, изучая научные публикации учёных одной культуры, посвятили свой научный труд британский лингвист К. Хайланд и его коллега из Китая профессор Ф.К. Джианг [2], отметившие, что наиболее актуальные тенденции в издании академического труда можно получить в процессе проведения диахронического анализа, сравнивая современные тенденции с особенностями публикационной деятельности прошлых лет. Лингвисты отмечают четыре основные причины, которые, по их мнению, объясняют, почему публикационная деятельность сейчас характеризуется невиданной ранее активностью. Это — достижения в сфере технологий, открывшие новые возможности поиска информации и сотрудничества: например, появление таких платформ для обмена информацией, как Science 2.0, Open Science, а также Google Docs, Authorea и т. д.; создание бизнес-моделей, основанных на открытом доступе научных трудов; увеличение активности исследователей; рост роли публикационной деятельности в успешной карьере учёного [2]. Безусловно, все эти параметры влияют и на научно-публикационную активность современных российских учёных. В подобном профессиональном контексте освоение международных требований к оформлению НИС для возможности публикации в реферируемых англоязычных журналах представляется важным и актуальным.

Однако, на наш взгляд, интересно определить, как изменились требования к публикации НИС в отечественной науке за последние 10 лет. Выявленные различия укажут на преобразования научной сферы, на переосмысление в обществе роли науки и деятельности учёного. В связи с этим цель представленного исследования — рассмотреть особенности конструирования дискурса НИС двух разных периодов (с разрывом почти в 10 лет) по двум параметрам, которые были ранее выделены лингвистами, исследующими риторические традиции академического дискурса в контрастном аспекте. Это такие параметры, как ориентация на форму / содержание и ориентация на читателя / автора (например, [3]). Планируется решение следующих задач: 1) охарактеризовать дискурс НИС и подходы к его исследованию; 2) систематизировать основные элементы НИС; 3) выявить различия русскоязычных НИС различных периодов и объяснить данные различия социокультурным фоном.

Научная новизна проведенного исследования заключается в описании временных различий в конструировании дискурса НИС как основного показателя деятельности учёного, а также в обосновании связи данных изменений с трансформациями академической среды.

Материал и методы исследования

Материалом анализа стали НИС из выпусков издания «Научно-технические ведомости СПбПУ. Гуманитарные и общественные науки». Исследовали десять статей, опубликованных в 2010–2011 гг. в разделе «Актуальные проблемы языкознания», и пять статей, опубликованных в 2019 году в разделе «Прикладная лингвистика». Обращает на себя внимание тот факт, что количество страниц НИС заметно изменилось: если в 2010–2011 гг. НИС имела 5–6 страниц, то в 2019 количество страниц одной статьи увеличилось в среднем до 8–10.

Выбор данного научного издания для исследования обусловлен тем, что оно является рецензируемым, входит в перечень, рекомендуемый ВАК, и отражает актуальные требования к публикации научного труда, которые существуют в российском обществе на момент выхода журнала. Как отмечается на сайте издания: «Журнал публикует актуальные исследования, представляющие общество в тех его существенных аспектах, которые проявляются и наблюдаются в коммуникации, культуре и образовании»¹. Соответственно, можно полагать, что НИС, опубликованная в данном журнале, воплощает и отражает основные традиции академической коммуникации на момент выхода издания. Изменения, произошедшие в том, как отечественные учёные представляют результаты своего научного труда, наиболее ярко можно проследить на материале одного журнала, соответствующего актуальным требованиям научной реальности.

Кратко отметим параметры анализа, которые были в фокусе контрастивного исследования. Как отмечалось ранее, в ходе анализа внимание уделялось проявлению двух особенностей академического дискурса: ориентации на форму / содержание и ориентации на читателя / автора. Данные параметры были выделены учёными, изучающими риторические традиции академического письма различных культур (например, [3–7]).

При проведении исследования тексты статей изучались на предмет их сходств или различий по вышеуказанным параметрам с помощью методов дискурсивного анализа, классификации и интерпретации. Далее, по аналогии с публикациями, в которых лингвисты, выявив кросс-культурные различия в риторических традициях академического письма, объясняют эти различия социокультурным фоном лингвокультуры, мы пытаемся найти объяснения этим различиям в контексте развития общества.

Основные подходы к исследованию дискурса научно-исследовательской статьи

НИС – письменный жанр академического дискурса, все больше привлекающий интерес отечественных лингвистов, т. к. является основной формой «оповещения научного сообщества о новых результатах исследований» [8, с. 56]. Поскольку англоязычный академический дискурс оказывает значимое влияние на конструирование современных национальных академических дискурсов, в фокусе отечественных учёных находится вопрос о сходствах и различиях российской и англоязычной академической коммуникации. Так, учёные настойчиво отмечают, что авторы научных статей опираются на свои культурные риторические традиции при написании статьи на английском языке, которая, как оказывается, имеет национальность [9]. Культурно-риторические традиции проявляются, например, когда русскоязычные учёные на английском языке используют длинные цепочки существительных с предлогом «of» и другие синтаксические структуры, не типичные для английского языка, но иллюстрирующие особенности родного языка автора. Лингвисты сходятся во мнении о том, что родной язык и культура несомненно влияют на риторическое изложение материала в научной статье [9].

Лингвистами рассмотрены базовые дискурсивные параметры англоязычной научной статьи. Отмечено, что анализ научного дискурса выявляет связь «между миром и сознанием и конкретным выражением этой связи посредством языка» [10, с. 88]. Рассматривая научную статью

¹ Общество. Коммуникация. Образование (официальный сайт) // URL: <https://human.spbstu.ru/>

как первичный жанр научной коммуникации, А.А. Яшина выделяет его базовые параметры с помощью интегрального подхода, объединяющего когнитивный, социальный, языковой и национально-культурный секторы. Так, в системе когнитивного сектора автором были выявлены типы когнитивных тактик, в языковом секторе определены три уровня – композиционно-структурный, лексический и синтаксический, по конвенциональным нормам которых происходит оформление информации и т. д. [10]. Различия в риторических традициях конструирования академического дискурса, которые формировались в далёком прошлом под влиянием различных философских течений, например, философии Сократа (Аристотеля) и Конфуцианства, объясняются ценностными ориентирами культур, а освоение англоязычных норм возможно только при осознанном «переключении» с местных традиций написания НИС на международные [11]. Лингвисты обращают внимание на структурные особенности передачи знания посредством НИС [12], на важность и возможности выражения авторской позиции в научной статье [13, 14] и т. д.

Однако изменения в конструировании академического дискурса в родной лингвокультуре, произошедшие на протяжении определённого времени, пока не привлекают внимание российских лингвистов, но были затронуты в научных трудах англоязычных учёных, отметивших, что за последние 50 лет в англоязычных статьях произошли значимые изменения в том, как, например, учёные выражают свою позицию. Изучив статьи различных научных направлений, лингвисты отмечают, что в точных науках выражение авторской позиции усилилось, а в гуманитарных, наоборот, понизилось. Учёные объясняют это тем, что в точных науках исследовательский результат теперь, как правило, базируется на лабораторных исследованиях, что позволяет авторам, особенно в области биологии и электроинженерии, в которых было отмечено наиболее яркое выражение авторской позиции, излагать свою позицию, опираясь на конкретный исчисляемый показатель, в то время как в статьях по прикладной лингвистике и социологии авторское присутствие и, как следствие, позиция минимизируются. По сравнению с 1965 годом это выражается в значительно меньшем использовании средств хеджирования, маркеров авторского присутствия. В целом, лингвисты приходят к выводу, что за последние 50 лет дискурс НИС стал более информационно-центричным, т. е. фокус с личности учёного был перенесён на информацию [15]. Также учёные отмечают значительные изменения в самоцитировании, которое возросло за последние 50 лет от пяти до 12 раз в одной статье, что связано с необходимостью самопродвижения современного учёного [16].

Наше исследование также посвящено сравнению некоторых параметров НИС на русском языке, опубликованных в 2010–2011 и 2019 гг. Значимые изменения в российской науке, произошедшие за этот период, отражаются в различиях рассмотренных НИС, которые были опубликованы с промежутком менее 10 лет. Перейдём к анализу НИС из нашего исследовательского корпуса.

Результаты исследования и их обсуждение

Материал анализа рассмотрен по нескольким показателям, позволившим нам осуществить контрастивный дискурсивный анализ НИС за 2010–2011 и 2019 гг.

Первый показатель (или измерение) – это *ориентация на форму или содержание*, который проявляется в том, насколько строго авторы должны придерживаться определённой структуры НИС. Как известно, англоязычные научные издания придерживаются чёткой структуры, которую можно описать аббревиатурой IMRD [17] – введение (Introduction), методология (Methodology), результаты (Results) и дискуссия (Discussion). Названия разделов могут варьироваться, но их функциональная суть сохраняется. Читатель знает, какую информацию и в каком разделе статьи можно найти. Автор «преобразует» информацию своей НИС согласно необходимой структуре. Этот показатель тесно связан с *ориентацией на автора или читателя*: чёткая, известная заранее структура НИС, подробное разъяснение всех аспектов исследования характерно для научной тра-

диции с ориентацией на читателя. Это, как правило, типично для англоязычных изданий, придерживающихся линейной системы изложения информации, при которой всё, что напрямую не связано с темой исследования, считается неуместным. Разделы НИС помогают читателям найти именно ту информацию, которая им нужна.

Риторический подход, ориентирующийся на читателя (reader-focused), активизировался в середине 1980-х гг., пытаясь подчеркнуть необходимость когнитивной ориентации информации на предполагаемого адресата. Таким образом, в основе ориентации на читателя лежит представление о том, что текст создают определённые когнитивные стратегии, раскрывающие содержание информации с учётом ожиданий предполагаемого читателя [18]: речь идет о конструировании дискурса, заранее прогнозирующего интерес адресата и пытающегося представить информацию по теме исследования в максимально понятной форме. В нашем случае это проявляется в чётком формулировании цели исследования, активном привлечении иллюстративного материала для демонстрации точки зрения автора, систематизации полученных результатов с помощью таблиц и схем.

Соответственно, для НИС с ориентацией на читателя характерно обилие иллюстративного материала, его подробный анализ. Ориентация на автора не предполагает чёткой структурной организации статьи — автор сам решает, как лучше представить информацию по теме своего исследования. Это также подразумевает и то, что читатель должен делать усилие, чтобы понять содержание НИС. Примеры могут практически отсутствовать, исследовательские корпус и методология, применённая для его анализа, не получают подробного объяснения и т. д.

Итак, рассмотрим НИС из нашего исследовательского корпуса. В статьях, опубликованных в 2010 и 2011 гг., отсутствуют очевидные структурные компоненты, обозначающие линейность развития темы, т. е. её начало, основную часть и завершение (вывод). Компоненты НИС определяются, как правило, имплицитивно. Так, обсуждение материала исследования вводится фразами *обратимся к; анализ показал; как показало наше исследование; проиллюстрируем выше-сказанное на фактическом материале* и т. д. Авторы обозначают заключение, состоящее из одного абзаца (в 90 % случаев) сочетанием «таким образом» (в 50 % статей): *Таким образом, разработка и внедрение различных по организации образовательного процесса вариантов подобного курса профессиональной коммуникации является решением задачи речевой подготовки и переподготовки юристов* [19, с. 205].

Цель исследования чётко указана в двух статьях; еще в двух статьях цель сформулирована имплицитно. Вот пример косвенного описания цели автором НИС: *Недостаточная разработанность когнитивной топонимики и побудила нас продолжить исследования в намеченном направлении* [20, с. 217]. То есть читатель может сделать умозаключение, что цель НИС — исследование когнитивной топонимики. Или: *Иными словами, мы сделаем попытку рассуждения о феноменологии дискурсивной параметризации* [21, с. 195]. Пример эксплицитного выражения темы: *Цель нашего исследования — изучение когнитивных особенностей дефиниций термина...* [22, с. 226].

Информация о методах и материале исследования в большинстве случаев отсутствует. Например, автор, если и информирует о материале исследования, то делает это кратко: *В ходе проведения исследования были проанализированы материалы судебной практики: более 20 приговоров различных судов Санкт-Петербурга за период 2002–2005 годов* [19, с. 201].

Для сравнения в материале анализа из последних выпусков журнала за 2019 год все статьи имеют чёткую структуру, аналогичную англоязычным публикациям. Например, одна из НИС содержит следующие очевидные разделы: введение; постановка проблемы и цели исследования; методология и методика исследования; результаты исследования (делятся на несколько смысловых разделов — «Внешняя речь про себя...» и «Громкая внешняя речь...»; заключение [23]. «Размещая» своё исследование в такую структуру, все авторы указывают цель, методы, исследовательский материал.

Помимо указанных компонентов, авторы формулируют научную новизну, обосновывают избранную методику, обозначают возможное дальнейшее развитие темы, что типично для англо-

язычной статьи: *Перспективы исследования связаны с уточнением идентификации познавательно-коммуникативных действий с применением методов классификации последовательностей* [24, с. 85]. Авторы более активно отмечают свой вклад в исследование темы НИС, что характерно для академического пространства, участники которого вынуждены конкурировать за признание и связанные с ним различного рода выгоды для профессионального выживания [25]: *Новизна проведенного нами экспериментального исследования заключается не только, как было сказано выше, в анализе результата понимания именно учебных текстов, но и в принципах отбора экспериментальных текстов* [26, с. 60]. Или: *Своеобразие нашей трактовки жанра состоит прежде всего в том, что в ней акцентируется операциональный аспект решения некоторой познавательно-коммуникативной задачи...* [24, с. 75].

Для сохранения линейности изложения авторы используют «мостики» между разделами НИС: *Перейдем к анализу текстов* [24, с. 77]; *А теперь попытаемся реконструировать ход мысли переводчика, процессы, протекающие в его языковом сознании, т. е. представить «следы» языкового сознания переводчика* [23, с. 43]. Результаты контрастивного анализа публикаций систематизированы в таблице.

Результаты контрастивного анализа изданий научного журнала **The results of a contrastive analysis of the publications of the scientific journal**

	НИС 2010-2011, %	НИС 2019, %
Очевидная структура	0	100
Эксплицирована цель	20	100
Определены методы	30	100
Определен материал исследования	30	100
Использован систематизирующий материал (таблицы, схемы и т. д.)	20	40

Также хотелось бы обратить внимание, что заключение, которому отводится значимая роль в англоязычных исследованиях и которое ранее было нетипично для НИС учёных из Восточной Европы [3], стало важным компонентом структуры современного научного труда. Ранее заключение часто отсутствовало или, как мы видим, могло состоять из одного короткого и обобщённого абзаца. Адресат не ожидал от автора суммирования результатов, т. к. предполагалось, что читатель должен обдумать содержание, сделать собственные выводы. Теперь же из пяти публикаций за 2019 год только в одной НИС отсутствует структурно выделенное заключение. В других статьях заключение в среднем увеличилось в объеме до 3-4 абзацев и представляет собой либо перечисление полученных результатов (1, 2, 3 и т. д.), либо начинается с таких выражений: *Анализ подтверждает* [24, с. 85]; *Проведенное исследование показывает* [23, с. 44] и т. д. Снова очевидно влияние англоязычных традиций оформления НИС, в которой заключение считается важнейшей частью, без которой на читателя не будет оказан ожидаемый эффект (Ср.: “Conclusions serve a vital function in your papers. Without an effective conclusion, your paper will seem incomplete or unfinished”) [27].

В целом, из проведённого анализа мы видим, что менее, чем за 10 лет значительно изменилось структурное оформление НИС: авторы чётко обозначают компоненты линейного развития темы исследования, что делает их похожими на статьи, публикуемые в англоязычных научных журналах, для которых характерна ориентация на форму и стремление сделать информацию максимально удобной для восприятия читателем.

Заключение

Проведённый анализ НИС показал, что структура оформления научного труда за относительно небольшой период (менее 10 лет) претерпела значимые изменения, которые заключаются в том, что НИС включает обязательные разделы: введение, методы и материал исследования, основная часть (анализ и обсуждение результатов), заключение. Сама подача материала также изменилась. Авторы более ярко стремятся определить свой вклад в тему исследования, облегчают восприятие информации для читателя, например, наглядно представляя результаты исследования в таблицах и схемах, анализируя результаты в заключении статьи.

Хочется отметить, что средний объем НИС увеличился. Теперь она включает обязательно аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова; список литературы также представлен на двух языках. Подобные изменения связаны с необходимостью быстро и чётко информировать читателя о содержании статьи, а также в связи с тем, что аннотация «имеет селективную (поисковую) и справочную (индексальную) функции» [28, с. 102] и является привычным компонентом большинства индексируемых журналов.

Все указанные изменения свидетельствуют о преобразованиях академической среды, о новом статусе науки и учёного в обществе. Также очевидно влияние англоязычной культуры на требования к оформлению НИС, проявляющееся в том, что ведущие российские научные издания адаптируют новые риторические формы представления научного труда с ориентацией на форму и выдвигая на первый план интересы читателя. Подобные трансформации также указывают на изменение значения публикационной деятельности учёного, которая теперь, как правило, направлена на исчисляемый результат (например, показатель цитируемости автора).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ware M., Mabe M.** The STM Report: An overview of scientific and scholarly journal publishing. Hague: International Association of Scientific, Technical and Medical Publishers, 2015 // URL: https://www.stm-assoc.org/2015_02_20_STM_Report_2015.pdf. (Дата обращения: 01.04.2020).
2. **Hyland K., Jiang F.** Academic discourse and global publishing. Routledge: New York, London, 2019.
3. **Bowe H., Martin K.** Communication across cultures: Mutual understanding in a global world. Cambridge: Cambridge University Press, 2016 (Kindle Edition).
4. **Clyne M.** Cultural differences in the organization of academic texts: English and German // J. of Pragmatics. 1987. No. 11(2). Pp. 211–241.
5. **Clyne M.** Inter-cultural communication at work: Cultural values in discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
6. **Connor U.** Contrastive rhetoric. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
7. **Connor U.** Intercultural rhetoric in the writing classroom. University of Michigan Press, 2011.
8. **Чернявская В.Е.** Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) // Жанры речи. 2016. № 1. С. 56–64. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64.
9. **Милеева М.Н., Баско А.В.** Есть ли национальность у академической статьи? // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 4. № 2. С. 127–130.
10. **Яшина А.А.** Базовые дискурсивные параметры письменной англоязычной научной коммуникации: на материале современных статей по гуманитарной проблематике // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23 (4). С. 88–92.
11. **Хутыз И.П.** Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: особенности конструирования // Вестник МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 3 (23). С. 87–93.
12. **Макушева Ж.Н.** Изучение структурности текста статьи научного медицинского дискурса // Вестник ТГПУ. 2018. № 7 (196). С. 15–18.
13. **Жаркынбекова Ш.К., Байбатырова А.А.** Выражение авторской позиции в научных статьях: метадискурсивные стратегии создания межличностных отношений // Вестник

Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16 (2). С. 188–213 // URL: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.203>.

14. **Макушева Ж.Н.** Особенности актуализации авторской позиции в научном медицинском дискурсе (на материале фразеологических единиц английского языка) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. № 6 (171). С. 76–80.

15. **Hyland K., Jiang F.** Change of attitude? A diachronic study of stance // Written Communication. 2016. No. 33(3). Pp. 251–274.

16. **Hyland K., Jiang F.** Changing patterns of self-citation: Cumulative inquiry or self-promotion? // Text and Talk. 2018. No. 38 (3). Pp. 365–387. DOI: 10.1515/text-2018-0004

17. **Swales J.** Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge, Cambridge University Press, 1990.

18. **Canagarajah S.** Critical academic writing and multilingual students. Ann Arbor, the University of Michigan Press, 2013.

19. **Шестакова А.Ю.** Проблемы структурного и языкового оформления уголовного судопроизводства и пути их решения // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 2 (111). С. 200–205.

20. **Быканова В.И.** Доминантные пространственные концепты // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 1 (118). С. 217–220.

21. **Кузина И.Ю.** О дискурсивной параметризации в лингвистических исследованиях // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 2 (111). С. 194–200.

22. **Смирнова Ю.С., Мишланова С.Л.** Когнитивные особенности дифиниционного анализа в медицинском дискурсе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 1 (118). С. 226–231.

23. **Кушникова Л.В.** Когнитивно-семиотическое пространство перевода // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 4. С. 39–47. DOI: 10.18721/JHSS.10404

24. **Салимовский В.А., Девяткин Д.А., Каждая Л.А., Мишланов В.А.** Автоматическое распознавание ментальных действий, реализуемых в научных эмпирических текстах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 74–88. DOI: 10.18721/JHSS.10307

25. **Canagarajah S.A.** A Geopolitics of academic writing. University of Pittsburgh Press, 2002.

26. **Пиотровская Л.А., Трушелёв П.Н.** Инвариантность и вариативность понимания учебных текстов школьниками и студентами (результаты экспериментального исследования по методике набора ключевых слов) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 58–74. DOI: 10.18721/JHSS.10306

27. Bucks County Community college official website // URL: https://www.bucks.edu/media/bccsmedialibrary/tutoring/documents/writing/The_ConclusionRev8-14.pdf (Дата обращения: 01.04.2020).

28. **Чернявская В.Е.** Научный дискурс. Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: Ленанд, 2014. 144 с.

Статья поступила в редакцию 04.04.2020.

REFERENCES

[1] **M. Ware, M. Mabe,** The STM Report: An overview of scientific and scholarly journal publishing. Hague: International Association of Scientific, Technical and Medical Publishers, 2015. Available: https://www.stm-assoc.org/2015_02_20_STM_Report_2015.pdf. (Accessed: 01.04.2020).

[2] **K. Hyland, F. Jiang,** Academic Discourse and Global Publishing. Routledge: New York, London, 2019.

[3] **H. Bowe, K. Martin,** Communication across Cultures: Mutual Understanding in a Global World. Cambridge: Cambridge University Press, 2016 (Kindle Edition).

[4] **M. Clyne,** Cultural differences in the organization of academic texts: English and German // Journal of Pragmatics, 1987. No. 11(2). Pp. 211–241.

- [5] **M. Clyne**, *Inter-cultural Communication at Work: Cultural Values in Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- [6] **U. Connor**, *Contrastive Rhetoric*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- [7] **U. Connor**, *Intercultural Rhetoric in the Writing Classroom*. University of Michigan Press, 2011.
- [8] **V.Ye. Chernyavskaya**, Scientific result in research paper in linguistics. *Speech Genres*. 2016. No. 1. Pp. 56–64. (rus). DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64
- [9] **M.N. Mileyeva, A.V. Basko**, Yest li natsionalnost u akademicheskoy stati?. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2017. Vol. 4. No. 2. Pp. 127–130.
- [10] **A.A. Yashina**, Bazovyye diskursivnyye parametry pismennoy angloyazychnoy nauchnoy kommunikatsii: na materiale sovremennykh statey po gumanitarnoy problematike. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 2017. Vol. 23 (4). Pp. 88–92. (rus)
- [11] **I.P. Khutyz**, Lingvokulturnyye traditsii v prostranstve akademicheskogo diskursa: osobennosti konstruirovaniya. *Vestnik MGPU. Ser. Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye*. 2016. No. 3 (23). Pp. 87–93. (rus)
- [12] **Zh.N. Makusheva**, Izucheniye strukturnosti teksta stati nauchnogo meditsinskogo diskursa // *Vestnik TGPU*. 2018. No. 7 (196). Pp. 15–18. (rus)
- [13] **Sh.K. Zharkynbekova, A.A. Baybatyrova**, Expressing an authorial stance in research articles: metadiscursive strategies for establishing interpersonal relations. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019. No. 16 (2). Pp. 188–213. (rus). Available: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.203>
- [14] **Zh.N. Makusheva**, Osobennosti aktualizatsii avtorskoy pozitsii v nauchnom meditsinskom diskurse (na materiale frazeologicheskikh yedinit angliyskogo yazyka). *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)*. 2016. No. 6 (171). Pp. 76–80. (rus)
- [15] **K. Hyland, F. Jiang**, Change of Attitude? A Diachronic Study of Stance. *Written Communication*, 2016. No. 33(3). Pp. 251–274.
- [16] **K. Hyland, F. Jiang**, Changing patterns of self-citation: Cumulative inquiry or self-promotion?. *Text and Talk*. 2018. No. 38 (3). Pp. 365–387. DOI: 10.1515/text-2018-0004
- [17] **J. Swales**, *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990.
- [18] **S. Canagarajah**, *Critical Academic Writing and Multilingual Students*. Ann Arbor, the University of Michigan Press, 2013.
- [19] **A.Yu. Shestakova**, Problems of structural and language lay-out of sentences in criminal court proceeding. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 2 (111) (2010) 200–205. (rus).
- [20] **V.I. Bykanova**, Dominant spatial concepts. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 1 (118) (2011) 217–220. (rus)
- [21] **I.Yu. Kuzina**, On discourse parameterization in linguistic researches. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 2 (111) (2010) 194–200. (rus)
- [22] **Yu.S. Smirnova, S.L. Mishlanova**, Cognitive peculiarities of definition analysis in medical discourse. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 1 (118) (2011) 226–231. (rus)
- [23] **L.V. Kushnina**, Cognitive-semiotic translation space. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 4 (2019) 39–47. (rus) DOI: 10.18721/JHSS.10404
- [24] **V.A. Salimovsky, D.A. Devyatkin, L.A. Kadzhaya, V.A. Mishlanov**, Automatic identification of mental actions in scientific empirical texts, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 10 (3) (2019) 74–88. (rus) DOI: 10.18721/JHSS.10307
- [25] **S.A. Canagarajah**, *A Geopolitics of Academic Writing*. University of Pittsburgh Press, 2002.
- [26] **L.A. Piotrovskaya, P.N. Trushchelev**, Invariability and variability of expository text comprehension by schoolchildren and university students (the results of the experimental study via the keywords method), *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 10 (3) (2019) 58–73. (rus) DOI: 10.18721/JHSS.10306
- [27] Bucks County Community college official website. Available: https://www.bucks.edu/media/bcccmcdialibrary/tutoring/documents/writing/The_ConclusionRev8-14.pdf (Accessed: 01.04.2020).
- [28] **V.Ye. Chernyavskaya**, Nauchnyy diskurs. Vydvzheniye rezultata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema [Scientific discourse. Nomination of the result as a communicative and language problem]. Moscow: Lenand Publ., 2014. 144 p. (rus)

Received 04.04.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Хутыз Ирина Павловна

Khoutyz Irina P.

E-mail: ir_khoutyz@hotmail.com

DOI: 10.18721/JHSS.11212
УДК 001.863

«СЕТЬ НАУКИ» И ПОСЛЕДСТВИЯ ПЛАГИАТА В РОССИЙСКОЙ ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

М.Г. Лазар

Российский государственный гидрометеорологический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье раскрыто содержание нарушений профессиональной этики ученого, проанализированы причины роста нарушений академической этики в современной российской науке. Подчеркнуто, что плагиат является неизбежным следствием погони за количеством публикаций, за высокими рейтингами университетов, проводимой властями политики оптимизации высшего образования и науки. Толерантное отношение части научного сообщества к плагиату отражает падение нравственности в обществе и в науке. Проведен анализ отрицательных последствий нарушений норм деонтологии науки и высшего образования для разных уровней их организации. Как важнейший элемент культуры современного общества наука зависит напрямую от уровня информационного обеспечения и взаимодействия участников создания новых знаний, от их нравственно-эстетической и правовой культуры. В условиях тотальной компьютеризации научной деятельности в стране создавшаяся ситуация с плагиатом требует более активной пропаганды и проверки норм научной этики в процессе подготовки студентов, магистров и аспирантов всех профилей.

Ключевые слова: Россия, наука, высшее образование, научные публикации, этика ученого, плагиат, цитирование.

Ссылка при цитировании: Лазар М.Г. «Сеть науки» и последствия плагиата в российской постакадемической науке // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 127–135. DOI: 10.18721/JHSS.11212

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

“WEB OF KNOWLEDGE” AND THE CONSEQUENCES OF PLAGIARISM IN RUSSIAN POST-ACADEMIC SCIENCE

M.G. Lazar

Russian State Hydrometeorological University,
St. Petersburg, Russian Federation

The article reveals the content of violations of professional ethics of the scientist, analyzes the reasons for the growth of violations of academic ethics. It is emphasized that plagiarism is an inevitable consequence of the pursuit of the number of publications, high University ratings, and the policy of optimization of higher education and science pursued by the Russian higher education authorities. The tolerant attitude of a part of the scientific community to plagiarism reflects the decline of morality in society and in science. The article analyzes the negative consequences of violations of the norms of deontology of science and higher education for different levels of their organization. As the most important element of the culture of modern society, science depends directly on the level of information support and interaction of participants in the creation of new knowledge, on their moral, aesthetic and legal culture. In the conditions of total computerization of scientific activity in the country, the current situation with plagiarism requires more active promotion and verification of the norms of scientific ethics and registration of scientific papers in the process of training students, masters and postgraduates of all profiles.

Keywords: Russia, science, higher education, scientific publications, scientist ethics, plagiarism, citation.

Citation: M.G. Lazar, “Web of knowledge” and the consequences of plagiarism in Russian post-academic science, *Society. Communication. Education*, 11 (2) (2020) 127–135. DOI: 10.18721/JHSS.11212

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение. Новые ситуации в науке и высшем образовании России

Мировая постнеклассическая наука переживает в настоящее время сложный период, связанный с компьютеризацией всех сфер жизнедеятельности общества, с переходом к электронным формам научных коммуникаций, к новым формам организации и управления научными исследованиями и высшим образованием. В частности, во многих странах наблюдается переход от исследовательского типа университета к менеджериальному типу управления университетами [6], предполагающий усиление конкуренции ученых и университетов разных стран. Многие европейские университеты вслед за американскими в конце XX века перешли к этой модели университета третьего поколения, осуществляя так называемый новый государственный менеджмент (New Public Management), или к модели предпринимательского университета как бизнес-модели. Пренебрегая спецификой современного российского общества и особенностями высшего образования в прошедшем столетии, чиновники от науки и высшего образования России стали в последнем десятилетии также активно внедрять эту модель университета.

Между тем, в течение XIX и XX столетий российские университеты на первое место ставили процесс подготовки специалистов, а параллельно преподавательский корпус в той или иной мере занимался и наукой. В США и Европе в течение всего XX века складывалась другая традиция, там образовались исследовательские университеты, обильно финансируемые как государством, так и крупным бизнесом и разными фондами. В СССР вузы и исследовательские институты финансировались исключительно государством и государственными учреждениями. Начатая в первом десятилетии XXI века под флагом Болонской декларации, российская реформа высшего образования, необходимая в принципе, но навязанная сверху, без ее предварительного обсуждения самими университетами, без роста финансирования, окончательно разрушила прежнюю систему высшего образования. По мнению многих исследователей реформы, она пока привела к снижению уровня профессиональной подготовки и общей грамотности выпускников вузов страны, за исключением полтора десятка вузов, получающих более высокое финансирование. Деятельность российских университетов, наподобие фирм в сфере бизнеса, оценивается сегодня с помощью ряда количественных индикаторов, отражающих четыре позиции: 1) успехи в производстве и накопление финансовых ресурсов; 2) объем привлеченных средств из фондов и сферы бизнеса; 3) объем человеческого капитала (количество студентов и остепененных преподавателей); 4) уровень репутационного капитала (престиж, рейтинг и статус университета) [6, с. 106–115]. Преподаватели вузов России сегодня не преподают, не учат студентов, как раньше, а «оказывают образовательные услуги» клиентам-студентам. Эти и другие аспекты реформы привели, естественно, к погоне за ростом количественных показателей по указанным параметрам, к погоне за ростом рейтингов университетов [8, с. 144–154]. Отмеченная совокупность факторов обострила проблему плагиата в науке, которому в литературе последних лет уделяется большое внимание [1–4, 7, 9, 11]. В этих работах анализируются нравственные, правовые, организационные и другие аспекты использования плагиата, а также способы и направления борьбы с ним и прочими нарушениями научной деонтологии.

В данной статье нами используется *метод вторичного анализа* результатов исследований проблемы за последние пять лет и *метод наблюдения* автором в процессе работы со студентами, ма-

гистрами и аспирантами за последнюю четверть века, после появления в России персональных компьютеров.

Причины роста объема плагиата в науке

Описанная выше ситуация в науке и высшем образовании страны не полностью раскрывает причины катастрофического роста плагиата в публикациях, поэтому необходимы некоторые уточнения. Дело в том, что достижение высоких позиций университетов (в которых работают большинство остепененных ученых России) в разных мировых рейтингах стало для руководящих чиновников от высшего образования и науки России в настоящее время главной целью, подменяющей, на наш взгляд, основное предназначение вузов страны. А высокие рейтинги во многом достигаются и количеством публикаций ученых-преподавателей вуза в научных журналах, отраженных в международных базах данных Web of Sciences или Scopus, в иностранных журналах. Давно известно, что количество научных публикаций и патентов является важнейшим показателем продуктивности отдельного ученого на уровне своего университета.

В результате в России (и не только) повсеместно наблюдается погоня за количеством публикаций, и, что парадоксально, при невысокой оплате труда преподавателей вузов, они же сами вынуждены часто оплачивать публикацию своих статей или участие в научных конференциях. Грантовая система в России существует с 1992 года, но она, как было нами ранее отмечено в нескольких публикациях на эту тему, выполняет функции не столько стимулирования наиболее активных преподавателей и ученых, сколько базового финансирования работников этой системы. Оставляя в стороне особенности грантовой системы России, отличающейся закрытостью, чрезмерным бюрократизмом и невеликим размером индивидуального гранта, отметим, что, как свидетельствует статистика, от общего количества подавших заявки на грант, его получают лишь около 30 %.

В результате всего этого комплекса обстоятельств и низкого уровня оплаты труда, в России повсеместно наблюдается тенденция роста количества статей, в которых имеется *плагиат и компиляция* [1], а также рост неоднократной публикации одного и того же материала в разных журналах с измененным названием и незначительными изменениями текста ради увеличения количества публикаций. За рубежом его называют автоплагиатом, а в России – *множественной (повторной) публикацией*. Этим вариантам нарушения научной деонтологии, профессиональной морали ученого и в первую очередь плагиату уделяется значительное внимание в научной литературе [7, 9, 11]. В частности, в статье В.Е. Чернявской [13] под «повторяемостью» подразумевается фундаментальный познавательный смысл, т. е. *повторное научное открытие*. Не исключая и этот редкий случай, следует подчеркнуть, что в данной статье мы имеем в виду повторяемость текста научной статьи, которая в современной науке, особенно в социально-гуманитарных дисциплинах редко является научным открытием.

Множественные или повторные публикации отличаются от плагиата тем, что здесь автор в новой работе использует тексты или часть текстов из своих прежних работ. Возникает вопрос: является ли это нарушением авторского права и научной этики? Очевидно, что множественная публикация не нарушает ничьих авторских прав, поскольку автор использует в них свое законное «право на обнародование результатов исследований», которое никак не ограничивает количество обнародований. Сложнее обстоит дело с оценкой того, являются ли множественные публикации нарушением этики ученого, научной деонтологии. Международные документы по научной этике не выделяют множественные публикации и, следовательно, не считают их нарушением научной этики, но они рекомендуют авторам сообщать, где и когда текст был опубликован впервые. «В то же время многие журналы считают множественные публикации нарушением научной этики. Такая позиция, очевидно, вызывается нежеланием журналов публиковать «несвежую» научную публикацию. Эта позиция спорная, поскольку глубокая научная работа остается «свежей» очень

долго, и даже навсегда, так что её многократная публикация идет только на пользу ученым и науке. Проблема, таким образом, здесь лишь в рецензентах, способных выявлять такие работы» [13, с. 29]. Можно вполне согласиться с выраженной в статье В.Е. Чернявской мыслью о полезности повторной публикации: «дублирование публикаций в различных изданиях прямо связано с ситуацией информационного уплотнения в современном обществе... Поэтому безусловно существующая яркая тенденция к повторным публикациям выступает как средство быть услышанным» [там же], а «плагиат или компиляция означают заимствование формы, материализующей научный результат» [13, с. 27]. Однако во многих статьях на тему плагиата справедливо подчеркивается также мысль о том, что плагиат, как и «повторная публикация» наблюдаются чаще в социально-гуманитарных науках, чем в естественно-научных дисциплинах [10, с. 68]. Различия между естественно-научными дисциплинами и социально-гуманитарными весьма существенны, они заслуживают отдельного анализа в будущем.

Другая причина роста этого вида отклонений от норм авторского права и этики ученого — в отсутствии качественного или реального рецензирования присланных статей и их проверки на плагиат в некоторых журналах. Недаром такие журналы именуются «мусорными» и имеют мало отношения к науке, являясь скорее формой бизнеса, а если быть точнее — финансовой аферой в науке [10]. Вместе с тем, существование таких журналов говорит о наличии спроса на них, а спрос, как известно в экономике, рождает предложение. В условиях вынужденной «штамповки» большинством преподавателей вузов России как можно большего количества статей, преднамеренный, *сознательный плагиат* стал неизбежным средством их создания. Поэтому необходимы краткий анализ истории возникновения плагиата, более точное его определение и анализ способов снижения его объема и борьбы с ним.

Что является плагиатом в социально-гуманитарных науках?

Увеличение количества плагиата в социально-гуманитарных науках во многом закономерно и неизбежно, и кроется этот рост в особенностях современного общества, именуемого на Западе *обществом постмодерна или обществом знаний*. Общество постмодерна, по мнению французского философа деконструктивиста Ж. Деррида (1930–2004), характеризуется тем, что новые тексты создаются на основе других, уже существующих текстов. То есть вся культура рассматривается им как серия текстов, пересекающихся с другими текстами, включая тексты критики [5]. В эпоху Интернета, когда трудно быть оригиналом в плане создания собственных текстов, мнение французского мыслителя приобретает адекватный реальности смысл. Сказанное означает, что наука как важнейший структурный элемент культуры современного общества воспроизводит нравы общества, «этику рынка» в частности, с его жесткой конкурентностью, необязательностью, пренебрежением такими нормами морали, как корректность, честность, порядочность и др.

Известно, что нормы общественной и профессиональной морали, выражающие «должное» поведение в обществе и профессии, нигде и никогда не выполняются полностью и повсеместно, т. е. «сущее» (нравы, этос) и «должное» не совпадают. Но это вовсе не означает, что мораль (именуемая сегодня некоторыми авторами на английский манер — «этикой») не нужна вообще, что общество может обойтись без неё. Роль общественного мнения как специфического для морали средства контроля за выполнением моральных норм, никто не отменял и не может отменить. Но это общественное мнение в науке надо создавать, культивировать. Именно поэтому «повторные» или «множественные» публикации на тему плагиата *призваны, в первую очередь, обратить внимание научной общественности на эти отрицательные явления в науке, формировать определенное отношение ученых к ним*.

Для того чтобы раскрыть последствия плагиата для науки, вначале следует четко определить его как форму нарушения норм «этоса науки». Слово «плагиат» произошло от латинского «*plagium*», которое первоначально означало «похищение и продажа в рабство свободного челове-

ка». По мнению Э.Г. Баландиной, впервые данное понятие использовалось в XVII веке в смысле литературного воровства, «как умышленное присвоение авторства чужой работы или ее фрагмента» [3, с. 67]. Запрет на повтор-плагиат в науке существовал, конечно, и до информационного общества, и автор этой статьи писал о нем еще в 1978 году в первой монографии в СССР на тему этики науки «НТР и нравственные факторы научной деятельности. Очерки этики науки», а также в монографии «Этика науки» (1985). Однако тогда плагиат был менее распространен. Появление Интернета и современных информационных технологий ощутимо расширили возможности его применения. Я бы сказал, что они *создают соблазн использования плагиата*, одновременно привлекая внимание научного сообщества к данному отклонению.

В результате в России были созданы и начали также применяться программы «Антиплагиат» (2005), «Диссернет» (2013), способствующие установлению процента заимствований в каждой научной работе, особенно в диссертациях. До эпохи Интернета плагиат выявлялся лишь в случае жалобы автора, работа которого подвергалась плагиату. Но здесь следует отметить, что программа «Антиплагиат» считала вначале плагиатом даже список литературы при статье, как и повтор идей или фрагментов собственных работ автора в прошлом, не делая различия между плагиатом и частичной повторной публикацией. Поэтому очень важно уточнить, что считается плагиатом в науке, или, как мы писали в другой работе на эту тему, «полезно перечисление случаев, когда необходимо обязательно указать в квадратных скобках не только название использованной работы (статьи, книги, электронного источника) и ее автора, *но также и страницу. К ним относятся: использование фрагмента текста чужого автора публикации, взятого в кавычках, использование в своей работе чужого рисунка, таблицы, схемы, фотографии, статистических данных (курсив – М.Л.)*. Отсутствие номера страницы при указании только названия работы в перечисленных выше случаях использования чужого результата для программы антиплагиата являются плагиатом» [7, с. 169]. В случае использования интернет-ресурсов *следует добавить в конце электронной ссылки в квадратных скобках дату обращения к данному источнику*, что облегчает возможность проверки ссылки. Дело в том, что большинство студентов, магистрантов и даже аспирантов, по моим многолетним наблюдениям, не считают нужным указывать страницу работы или дату обращения к электронному источнику. Это тоже одна из причин роста объемов плагиата в настоящее время в российской науке. Возникает вопрос: в рамках какой дисциплины все это обязательно должно объясняться студентам, магистрантам, аспирантам? Ведь дисциплина «Документирование» мало где читается в вузах России. Некоторые авторы, пишущие о плагиате, поддерживают данный тезис о необходимости более активного просвещения указанной категории учащихся [9, с. 156–159].

Последствия использования плагиата

Последствия допущения плагиата в научных публикациях многообразны и пагубны, к ним существует разное отношение на различных уровнях науки.

На уровне научной дисциплины, для дисциплинарной матрицы (особенно в естественно-научных дисциплинах) плагиат не является существенной проблемой, т. к. нельзя совершить многократно одно и то же научное открытие. В случае более-менее одновременного открытия явления двумя разными авторами, оно получает двойное название [13, с. 26–27]. Но и в естественных науках возможны другие нарушения норм этоса науки – нарушение методических рекомендаций проведения эксперимента, приводящее к фальсификации результатов эксперимента, преднамеренная, сознательная фальсификация полученных данных, ложные авторы и др.

Как утверждает Э.Г. Баландина, со ссылкой на работы Д. Прайса 70-х гг. XX века, «...работу следует признать имеющей научную ценность, *если в одном печатном листе работы (курсив – М.Л.)* содержатся 10–20 ссылок. Больше число ссылок заставляет заподозрить простую компиляцию или работу обзорного характера, меньшее может свидетельствовать о разрыве с науч-

ной традицией... Цифра 10–20 ссылок основана на изучении 154 авторитетных американских и европейских научных журналов» [3, с. 67–68]. Однако у Д. Прайса не указаны области науки изучаемых статей, что весьма важно, т. к. с некоторых пор в российских публикациях, особенно социально-гуманитарного направления, появилась «мода» включать в список использованных источников как можно больше работ (не менее двадцати), даже в статьях объемом меньше половины печатного листа. При этом не всегда работы, включенные в список литературы, используются в качестве реального источника информации. Скорее всего, они включаются в список ради «создания впечатления» эрудированности. Поэтому следует согласиться с мыслью Э.Г. Баландиной о том, что обнаружение плагиата – это скорее интеллектуальная, чем формальная задача для компьютера. *Проверка материала только с помощью компьютера, без участия эксперта, может привести к разбраковыванию материала, не содержащего реальный плагиат, и к пропуску в печать статей, содержащих настоящий плагиат.*

Последствия плагиата, как подчеркивает Э.Г. Баландина, являются более значимыми на уровне матрицы культуры отдельной страны, т. к. плагиат в этом случае затрагивает интересы и престиж властей, научных школ и экономических структур страны, и в этом случае борьба с плагиатом ведется в поле не только морали, но и права, где плагиат однозначно расценивается как воровство и мошенничество и влечет за собой правовую ответственность. Беспokoит на этом уровне тот факт, что большой процент российского академического сообщества не только толерантен к плагиату, «но и демонстрирует протестную реакцию на установление очевидных норм о недопустимости плагиата. Анализ заявлений о лишении ученой степени позволяет выделить основные тезисы легитимизации плагиата частью научного сообщества, которая... предположительно... принимает участие в диссеродеальном бизнесе» [1, с. 164]. Поэтому в Евросоюзе, особенно в Германии, профессионально-нравственный кодекс исследователя напоминает правовые нормы, а не нравственную деонтологию [15]. Однако доказать присвоение нематериальной собственности юридически довольно сложно, поскольку в науке автор не имеет на нее исключительных прав. Научная статья и знание как продукт научной деятельности становятся общественной собственностью (обобществляются) сразу после появления публикации. На это почти 50 лет назад указывал Р. Мертон в виде первой нормы этоса науки (CUDOS) – «коммунизм» (или, как позже он ее иногда называл – «коммунализм») [14, с. 270–277], норма, которая переводится как обобществление.

На *организационном уровне науки*, связанном с управлением наукой и высшим образованием, последствия плагиата и борьба с плагиаторством приобретают более реальное воплощение. На уровне НИИ или отдельного университета ученые становятся объектом властных полномочий управленцев, имеющих право на установление определенных количественных показателей не только трудовой дисциплины, но и числа научных публикаций, уровня индексов цитируемости [12], отчетности за определенное время работы, ответственности за выполнение индивидуальных планов и пр. Поэтому на этом уровне обнаружение плагиата наказывается конкретно, хотя далеко не всегда [2, 10, 11].

Последствия плагиата и других отмеченных форм нарушения этики ученого затрудняют управление наукой и образованием, но *его обнаружение дает возможность управленцам от науки и высшего образования увольнять, сокращать, лишать ученых степеней провинившихся*. Поскольку работники управленческих структур не всегда обладают необходимыми знаниями и квалификацией, их действия в этом плане приводят часто не к улучшению, а к ухудшению нравственной атмосферы в науке. Происходящие реформы в области науки и высшего образования в России и так создали атмосферу неопределенности, скрытой напряженности, постоянного ожидания непременных перемен, от которых мало кто ждет позитивных результатов. Вместе с тем для амбиционной части молодых ученых и преподавателей вузов реформы стали реальным шансом подняться вверх по социальной лестнице, сделать быструю научную и административную карьеру [8, 9].

Последствиями плагиата, как явствует из литературы, являются также:

- затруднение поиска действительно новой информации в своей области исследований;
- обесценивание самих научных публикаций;
- нарушение этических норм научных коммуникаций и этики ученого, а также правовых норм интеллектуальной собственности;
- снижение уровня корпоративной морали в науке и высшем образовании;
- нанесение вреда репутации профессии ученого;
- снижение престижа занятия наукой в своей стране и репутации данного ученого и учреждения, в котором он работает;
- угроза инновационному развитию и модернизации экономики страны.

В студенческой среде плагиат становится своего рода вызовом системе высшего образования России.

«Наиболее очевидное последствие плагиата — это засорение науки устаревшей информацией, статьями, имитирующими научную деятельность, что усложняет поиск (даже с помощью Интернета) действительно новой научной информации в своей области исследования» (7, с. 174).

Выводы

Как важнейший элемент культуры современного общества наука зависит напрямую от уровня информационного обеспечения и взаимодействия участников создания новых знаний, от их нравственно-эстетической и правовой культуры.

Создавшаяся ситуация с плагиатом требует более активного знакомства с нормами научной этики, с нормами оформления научных работ в процессе подготовки студентов, магистров и аспирантов всех профилей, например, в курсах «Социология науки» или «Этика науки» для студентов (редко читаемые дисциплины в вузах), в курсе «Философские проблемы науки» для магистрантов и особенно в курсе «История и философия науки» для аспирантов всех профилей, в рамках которого есть раздел, посвященный этике науки, новым этическим проблемам науки. Вопрос только в том, что при тенденции резкого сокращения аудиторного времени в вузах России и очевидного омоложения преподавательского состава вузов страны, знают ли всегда сами преподаватели нормы корректного оформления научных работ, заинтересованы ли они в кропотливой проверке их соблюдения?

В заключение несколько слов о *культуре языка научных публикаций*. Процесс обновления русского научного языка новыми терминами также давно заслуживает обсуждения, и я позволю себе как человек, не являющийся носителем русского языка и специалистом в области лингвистики, выразить некоторые свои сомнения относительно форм его обновления.

Например, в области этики стало заметно влияние английского языка, когда вместо слов «мораль» или «нравственность» и прилагательных от них, неоправданно употребляется английское «этика»: вместо слов «нравственная ответственность» сегодня пишут «этика ответственности», вместо слов «профессиональная мораль» — «этика профессии». Есть же традиции русской этической мысли в обозначении этих слов: этика — это наука о морали и нравственности как социальных явлениях. Непонятно мне также появление в русских текстах слов «научная коллаборация» вместо «научное сотрудничество», «креативный» вместо «творческий», «экспликация» вместо «объяснение», «перцепция» вместо «восприятие». Начиная с 90-х гг. XX века уже прижились некоторые новые термины: «дискурс» вместо «язык, речь», «генерация» вместо «поколение», «генерирование» вместо «произведение чего-то».

Соглашаясь с тем, что существует естественный процесс обновления языка науки, одновременно возникает вопрос: зачем дублировать с иностранных языков понятия, уже имеющие адекватный смысл, признание и хождение в родном языке? Это не просто засорение научного языка претенциозными «неологизмами», это неуважение к собственной культуре и родному языку. Ви-

димо, настала пора начинать дискуссию в соответствующих журналах на тему языковой культуры исследователей, на тему неоправданного заимствования из других языков чрезмерно «новых» слов. Этот аспект, как и сознательное использование плагиата, напрямую характеризует уровень нравственной и эстетической культуры субъекта научного познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абалкина А.А.** Толерантность к плагиату в российском научном сообществе // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 2. С. 164–176. DOI: <https://doi.org/10.19181/sntp.2019.1.2.10>
2. **Афанасьева Е.Г., Долгих М.Г.** Современное лицо плагиата // Право будущего, интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. Вып. 1. С. 83–91. DOI: [10.31249/prae/2118.0](https://doi.org/10.31249/prae/2118.0)
3. **Баландина Э.Г.** Проблема запрета на повтор-плагиат в современной науке // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 1. С. 65–73.
4. **Гуревичева И.А., Киселева Е.А.** Плагиат в диссертационных исследованиях // Мир науки и образования. 2017. № 3 (11).
5. **Деррида Ж.** Письмо и различие. М.: Академический проект, 2007.
6. **Кугель С.А., Блок М., Хватова Т.Ю.** К вопросу о применении бизнес-модели в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 106–115.
7. **Лазар М.Г.** Плагиат в научных коммуникациях современной науки // Ученые записки РГГМУ. 2019. № 56. С. 166–175. DOI: [10.33933/2074-2762-2019-56-166-175](https://doi.org/10.33933/2074-2762-2019-56-166-175)
8. **Лазар М.Г.** Последствия увлечения количественными показателями результативности в науке и высшем образовании // Ученые записки РГГМУ. 2019. № 54. С. 144–154. DOI: [10.33933/2074-2762-2019-54-134-144](https://doi.org/10.33933/2074-2762-2019-54-134-144)
9. **Левин В.И.** Плагиат, его сущность и борьба с ним // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 1. С. 143–150.
10. **Михайлов О.В.** Феномен «мусорных» журналов как прямое следствие коммерциализации науки // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. № 2. С. 56–72. DOI: [10.24411/2079-0910-2018-00004](https://doi.org/10.24411/2079-0910-2018-00004)
11. **Плещенко В.И.** О плагиате в научных публикациях и выпускных работах // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 8-9. С. 62–70. DOI: <http://DOI.org/10.31992/0869-3617-2018-27-8-9-62-70>
12. **Холодов А.С.** Об индексах цитирования научных работ // Вестник РАН. Т. 85. № 4. 2015. С. 310–320.
13. **Чернявская В.Е.** Плагиат как социокультурный феномен // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 2011. № 3. С. 26–31.
14. **Merton R.K.** The sociology of science. Theoretical and empirical investigation. N.Y, Free Press, 1973.
15. The European Code of Conduct for Research Integrity. Revised Edition. 2017. Разработан ALLEA – All European Academies // URL: <https://www.allea.org/wp-content/uploads/2017/05/ALLEA-European-Code-of-Conduct-for-Research-Integrity-2017.pdf>. (Дата обращения: 15.12.2019).

Статья поступила в редакцию 08.03.2020.

REFERENCES

- [1] **A.A. Abalkina**, Tolerance to plagiarism in the Russian scientific community, Management of science: theory and practice 1 (2) (2019) 164–176. DOI: <https://doi.org/10.19181/sntp.2019.1.2.10>
- [2] **E.G. Afanasyeva, M.G. Dolgikh**, The Modern Face of Plagiarism, Law of the Future, Intellectual Property, Innovation, Internet. 1 (2018) 83–91. DOI: [10.31249/prae/2118.01.02](https://doi.org/10.31249/prae/2118.01.02)
- [3] **E.G. Balandina**, The problem of the ban on repeat plagiarism in modern science, Sociology of Science and Technology. 6 (1) (2015) 65–73.
- [4] **I.A. Gurevicheva, E.A. Kiseleva**, Plagiarism in dissertation research, World of Science and Education, 3 (11) (2017).

- [5] **J. Derrida**, Letter and distinction. Academic project, Moscow, 2007.
- [6] **S.A. Kugel, M. Blok, T.Yu. Khvatova**, To the question of the application of a business model in higher education, Sociological studies. 10 (2014) 106–115.
- [7] **M.G. Lazar**, Plagiarism in the scientific communications of modern science, Uchenye zapiski RGGMU, 56 (2019) 166–175. DOI: 10.33933/2074-2762-2019-56-166-175
- [8] **M.G. Lazar**, Consequences of the enthusiasm for quantitative performance indicators in science and higher education, Uchenye Zapiski RSHMU, 54 (2019) 144–154. DOI: 10.33933/2074-2762-2019-54-134-144
- [9] **V.I. Levin**, Plagiarism, its essence and the fight against it. Higher education in Russia, 27 (1) (2018) 143–150.
- [10] **O.V. Mikhailov**, The phenomenon of “garbage” magazines as a direct consequence of the commercialization of science // Sociology of Science and Technology, 9 (2) (2018) 56–72. DOI: 10.24411/2079-0910-2018-00004
- [11] **V.I. Pleshchenko**, On plagiarism in scientific publications and graduation papers, Higher education in Russia, 27 (8-9) 62–70 (2018). DOI: <http://DOI.org/10.31992/0869-3617-2018-27-8-9-62-70>
- [12] **A.S. Kholodov**, Ob indeksakh tsitirovaniya nauchnykh rabot [On citation indices of scientific works], Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 85 (4) (2015) 310–320.
- [13] **V.E. Chernyavskaya**, Plagiat kak sotsiokulturnyy fenomen [Plagiarism as a sociocultural phenomenon], Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov [Bulletin of the St. Petersburg University of Economics and Finance], 3 (2011) 26–31.
- [14] **R.K. Merton**, The sociology of science. Theoretical and empirical investigation. N.Y, Free Press, 1973.
- [15] The European Code of Conduct for Research Integrity. Revised Edition. 2017. Razrabotan ALLEA – All European Academies. Available: <https://www.allea.org/wp-content/uploads/2017/05/ALLEA-European-Code-of-Conduct-for-Research-Integrity-2017.pdf>. [Accessed: 15.12.2019].

Received 08.03.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Лазар Михай Гаврилович
Lazar Mikhay G.
E-mail: mihai_lazar@mail.ru

Научное издание

ОБЩЕСТВО. КОММУНИКАЦИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ

SOCIETY. COMMUNICATION. EDUCATION

Том 11, № 2, 2020

Учредитель и издатель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор *В.Е. Чернявская* – главный редактор

Г.А. Пышкина – ответственный секретарь

Телефон редакции 7(812)552-62-16

Сайт <http://human.spbstu.ru>

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка *А.А. Кононова*

Лицензия ЛР № 020593 от 07 августа 1997 г.

Подписано в печать 10.07.2020. Формат 60×84 1/8.

Санкт-Петербургский политехнический университета Петра Великого
Адрес: 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29